

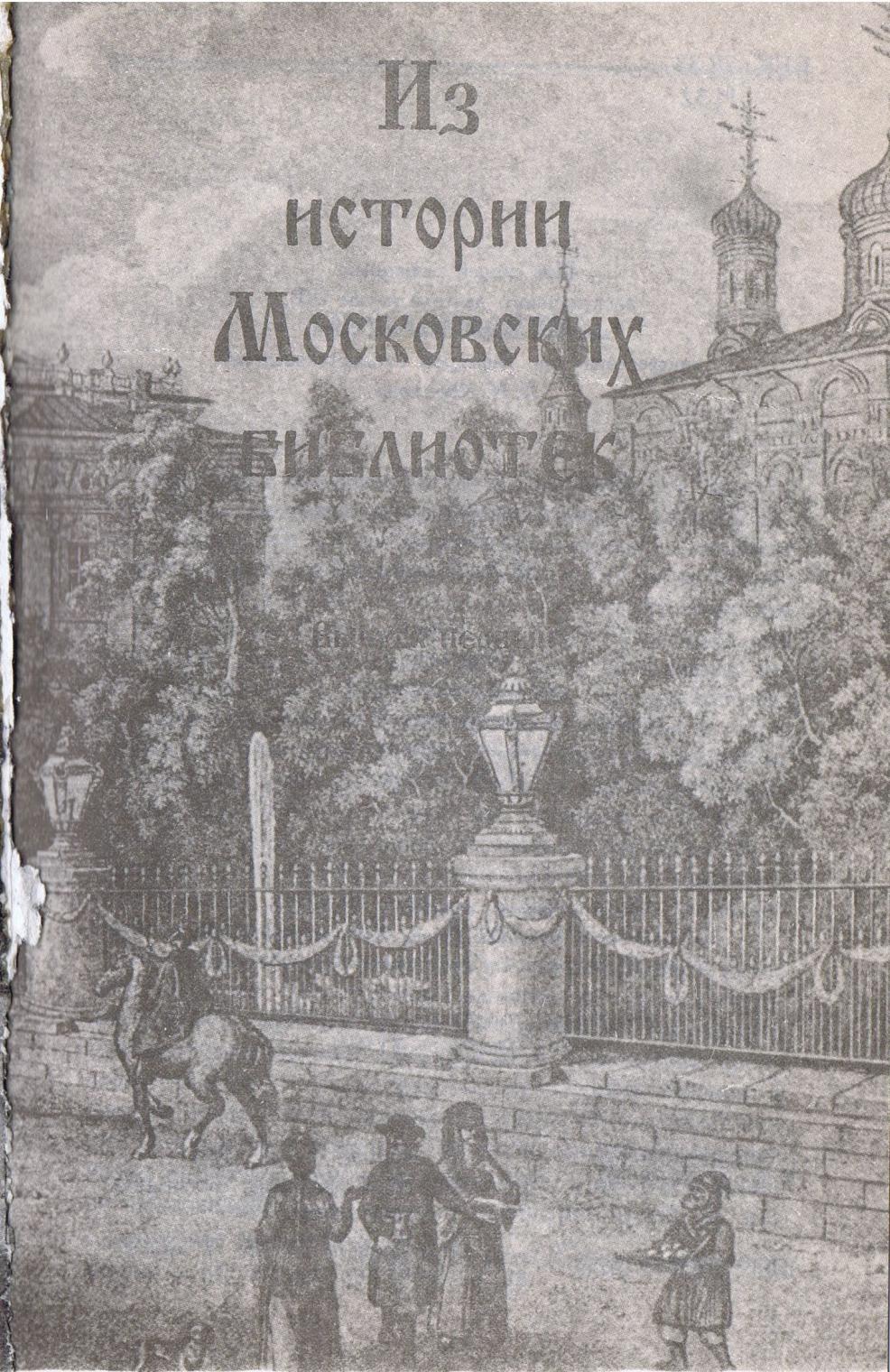
Издательство
СЛОВО / SLOVO
Москва

1996

Управление культуры и досуга
Центрального административного округа г. Москвы
Московский государственный университет культуры
Московская библиотечная ассоциация

Из
истории
Московских
библиотек

Под общей редакцией
заслуженного деятеля науки РФ,
доктора педагогических наук,
профессора, зав. кафедрой библиотековедения
K. И. Абрамова

Составитель и автор предисловия
доктор педагогических наук,
профессор
M. Я. Дворкина

Рецензент
главный библиотекарь
Российской государственной библиотеки
кандидат исторических наук
Л. М. Коваль

На 1-й стороне обложки — фрагмент
Лаврентьевской летописи (конец XV — начало XVI в.)
Лист 93. Хранится в библиотеке Академии наук.

На титуле гравюра Делабарта, 1798 г.
Дом Пашкова в XVIII в.

И 440500000-142
Ш 67(03) — 96

ISBN 5-85050-132-0

- © Авторы статей, 1996
- © М. Я. Дворкина, составление, предисловие, 1996
- © Вл. В. Медведев, оформление, 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник — начало глубокого и всестороннего исследования истории библиотечного дела в Москве. Обращение к проблемам историческим и создание секции истории библиотек и библиотечного дела (в сентябре 1992 г.) вызвано интересом российского общества и, естественно, библиотекарей к своему прошлому, что характерно для переходных эпох, одну из которых мы сейчас переживаем. Изучение истории, организация музеев библиотечного дела воспитывают уважение к своей профессии, уважение к делу своих предшественников. «Настоящее совершается на основе исторического прошлого, воздействие которого мы ощущаем в себе... С другой стороны, совершение настоящего определяется и скрытым в нем будущим, ростки которого мы, принимая или отвергая, считаем своим», — писал один из выдающихся философов XX в. К. Ясперс*.

История библиотечного дела — часть истории и культуры общества. Она отражает развитие культуры (книги, документы), уровень научно-технического потенциала (библиотечные здания, оборудование, технические средства); история — свидетельство культурного уровня и интересов читателей, показатель социально-экономических отношений в обществе, способности его обеспечить право на библиотечное обслуживание, а значит и право на образование и культурное развитие людей. В из-

* Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. — М., Республика, 1994. — С.28.

Дом Пашкова — зал Румянцевской библиотеки. XIX в.

вестной мере история библиотечного дела — показатель духовной жизни общества.

Поэтому столь важно многоплановое глубокое изучение истории библиотечного дела страны и ее столицы, которая в 1997 г. отмечает свое 850-летие.

История библиотек Москвы разнообразна и сложна. В Москве сосредоточены библиотеки федерального значения (РГБ — национальная библиотека, ГПНТБ РФ, ГПИБ РФ, ИНИОН РАН, ЦНСХБ, ВПТБ и другие), городские библиотеки для взрослых и детей (наиболее значительная — ЦГПБ им. Некрасова), научно-технические библиотеки предприятий и научно-исследовательских институтов, профсоюзные, больничные и др.

Однако история этих библиотек, за исключением самых крупных, не изучена. И перед исследователями стоят задачи выявления, фиксации, сохранения, популяризации, публикации документов о духовной и материальной истории всех типов библиотек Москвы.

Источниками для изучения истории библиотечного дела Москвы служат материалы исторического архива Москвы, архивов библиотек, Комиссии по изучению истории библиотечного дела (1947—1951), одним из организаторов которой был известный библиотековед М. М. Слуховский; а также диссертации Е. М. Нагловской о городских народных библиотеках Москвы 80—90-х гг. XIX в., Н. А. Коноваловой о состоянии библиотечного дела в Москве 20-х гг. XX в.; публикации М. М. Клевенского и Л. М. Коваль по истории Российской государственной библиотеки; работы о Государственной публичной исторической библиотеке; труды по истории библиотечного дела СССР и России К. И. Абрамова; работы по истории библиотековедческой мысли А. Н. Ванеева, истории научно-технических библиотек Т. Ф. Каратагиной, записи воспоминаний ветеранов-библиотекарей, которые ведет секция истории библиотек и библиотечного дела Москвы; доклады ежегодных чтений «Из истории московских библиотек», научной конференции «Библиотека в контексте истории» и др.

Историю библиотек приходится воссоздавать буквально по крупицам, преодолевая сложившиеся методо-

логические стереотипы. Стереотипы эти требовали от исследователя анализа библиотечного дела в масштабе страны, региона, не отвлекаясь на единичные объекты — отдельные библиотеки, и субъекты — библиотекарей и читателей. Такой подход английский философ и социолог К. Поппер называл историцизмом, согласно которому «социальный философ должен якобы изучать жизнь с некой высшей точки зрения. Он рассматривает индивида как пешку, как не слишком важный инструмент общего поступательного движения человечества»*.

В предлагаемом сборнике значительное внимание уделено людям и библиотекам. Авторы прослеживают историю не только крупных библиотек, как, например, библиотеки Исторического музея, но и небольшой библиотеки-филиала и личной библиотеки князей Голицыных в усадьбе Вязёмы, фонды которой после 1917 г. частично были переданы в государственные хранилища, а частично погибли. В статьях рассказывается и о борьбе идеей — в связи с деятельностью известного организатора библиотечного дела А. А. Покровского, а также директоров и сотрудников Социалистической (потом Коммунистической) академии (ныне ИНИОН).

Отдельный раздел посвящен воспоминаниям ветеранов и читателей.

Личный живой взгляд на, казалось бы, сугубо профессиональные проблемы позволяет не только познакомиться с неизвестными или малоизвестными деталями и фактами, но и по-новому освещает людей, посвятивших жизнь трудной, но увлекательной профессии.

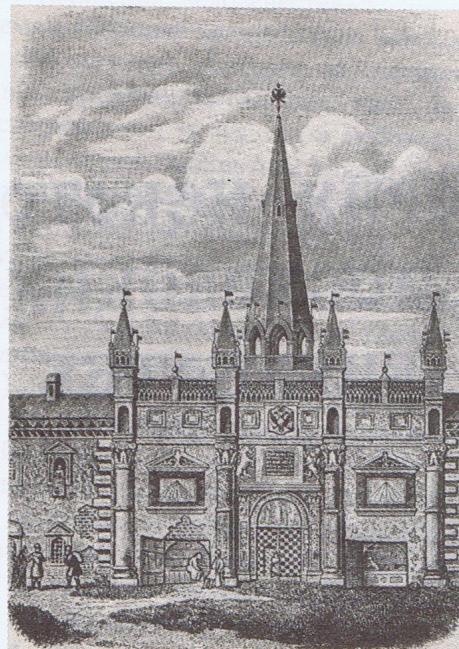
Мы надеемся, что этот первый сборник станет началом новой серии, интересной не только библиотекарям, историкам и краеведам, но и всем, не равнодушным к истории своей страны.

* Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона.— М., Межд. фонд «Культурная инициатива», 1992.— С. 38.

ИСТОРИЯ НЕКОТОРЫХ МОСКОВСКИХ БИБЛИОТЕК

Вид Печатного двора в Москве на Никольской ул.,
по рисунку XVII в.

д. н. бакун

БИБЛИОТЕКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ в 1917—1938 гг.

Цель предпринятого исследования — охарактеризовать развитие библиотеки ГИМ в советский период как предшественницы ГПИБ и ввести в научный оборот неизвестные архивные материалы. Данная тема не была достаточно разработана, поскольку основное внимание традиционно обращали на дореволюционный период. Некоторые сведения об истории библиотеки ГИМ после 1917 г. содержатся в докладе И. Н. Розанова на секции научных работников ГПИБ 17 марта 1939 г. (машинопись; хранится в ГПИБ и ГАРФ) и в статье Л. Б. Станюкович в юбилейном сборнике, посвященном истории ГПИБ¹.

Через 4 года после открытия первых залов Исторического музея (1883) начала работать библиотека, которая к 1917 г. превратилась в одну из крупнейших библиотек России. Она представляла собою конгломерат различных библиотек, принесенных в дар музею,— Чертковской, Голицынской городской библиотек и др. В то время библиотека обслуживала в основном музей, ограничиваясь периодом русской истории до XVII в.

Но к 1916 г. фонды библиотеки настолько выросли, что библиотекарь М. А. Петровский вместе с Ю. М. Соколовым подали в ученый совет музея докладную записку «О состоянии и нуждах библиотеки музея», которая легла в основу последующих реформ.

Главная мысль этой записки состоит в том, что библиотека должна стать самостоятельным отделом музея и не ограничиваться обслуживанием только музейных подразделений. Как самостоятельный отдел библиотека будет заниматься историей книги на Руси (до 1870 г., когда Румянцевская библиотека стала получать обязательный экземпляр) и как вспомогательное учреждение музея должна комплектоваться книгами по истории России в соответствии с задачами отделов музея. В записке подчеркивается необходимость получения обязательного экземпляра по необходимым областям знаний и увеличения ассигнований на приобретение книг, особенно раритетов. Кроме того, намечается закончить сводный каталог, составить путеводитель по библиотеке, карточные и печатные предметные каталоги и проводить выставки книг для читателей. Следовательно, нужно увеличить штат, помещение, выделить дублеты и избавиться от лишнего балласта.

Осуществлению этого плана помешала сначала первая мировая война, а затем — гражданская. Холод до -7° (в феврале 1920 г. от мороза потрескались даже оконные стекла), болезни, угрозы расформирования музея и лавинообразное увеличение книжного фонда, к разборке которого приступили только в 1921 г., тяжело отразились на работе библиотеки.

К 1920 г. относится предложение разделить музей на три части: Русский археологический музей, Русский исторический музей быта XV—XIX вв. и Русскую историческую библиотеку, к которой должны были присоединиться отдел рукописей и архив, иконографический отдел и материалы по музееведению. Однако библиотека оставалась в составе музея до 1938 г. К концу 1921 г. была выработана и утверждена новая «Схема подразделения музея на отделы», согласно которой библиотека входила в V разряд: «Исторические пособия». С 1923 г.

собрания музея делятся на три части: предметы-памятники (включая письменные источники), книжная коллекция библиотеки и собрания научно-вспомогательного материала. С 1925 г., в связи с принятием нового устава, музей называется Государственным историческим (ГИМ), а библиотека — Государственной исторической библиотекой при ГИМ. Разработка Главной наукой нового положения о ГИМ и предпринятая в связи с этим его реорганизация в 1929 г. ввергли ГИМ в затяжной кризис, который не обошел и библиотеку. Руководство библиотеки менялось. Долгосрочной продуманной политики выработать не удалось. До 1937 г. библиотека пребывала в небрежении. Например, первое заседание ученого совета библиотеки при ГИМ, посвященное присвоению ученых степеней некоторым ее сотрудникам, состоялось 15 декабря 1935 г., а продолжение его — только в феврале-марте 1938 г. В 1937 г. библиотеку посещали различные комиссии библиотечного управления Наркомпроса. Последним директором библиотеки, М. Я. Виленской, был разработан обширный план на 1938 г., начато приведение в порядок фонда и каталогов, составлен план по упорядочению каталогов на III пятилетку, но всему этому не суждено было сбыться.

Согласно приказу наркома просвещения РСФСР П. Тюркина, на основании решения СНК РСФСР о создании в Москве ГПИБ, следовало:

«1. Государственную историческую библиотеку при ГИМ ликвидировать.

2. Директору библиотеки при ГИМ тов. Виленской передать дирекции ГПИБ книжные фонды, подсобную аппаратуру и хозяйство библиотеки. Директору ГПИБ тов. Яковлеву принять библиотеку при музее...

5. Библиотеку при музее закрыть с 1 июля»².

16 августа 1938 г. последовал приказ № 1134, обязывающий директора ГПИБ Н. Н. Яковleva «немедленно приступить к переводу библиотеки в новое здание»³, а 16 сентября — распоряжение № 104: «Призываю передать ГПИБ книжные фонды исторической библиотеки при ГИМ. Для передачи фондов и имущества... образовать комиссию: Чудов А. А., Яковлев Н. Н.,

Семенычев И. Г., Виленская М. Я., Павлова М. А....⁴ В течение сентября основной фонд был перевезен в ГПИБ, в январе-феврале остатки книг были вывезены из подвалов ГИМ, и, таким образом, перестала существовать библиотека при Историческом музее.

До 1917 г. библиотека не делилась на отделы. В 1918 г. после резкого увеличения фондов и штатов выделены читальный зал, отдел повременных изданий, отдел книг. В 1919 г. последний разбит на отделения: по археологии (позже слито с отделением по искусству), истории литературы, а также по истории религии (помещено в особом здании как «религиозно-историческое отделение» — бывшая библиотека Общества любителей духовного просвещения). Как отделение был организован кабинет для научных занятий. В начале 1920 г. открыто отделение библиографии и истории русской книги, отделение исторической географии и картографии, где собрали планы, карты, атласы, чертежи, разрезы (графическое изображение строения участков земной коры) и др.

В 1921 г. действовала комиссия по пересмотру устава музея, и структура библиотеки была изменена. С 1 января 1922 г. библиотека делилась на 3 отдела: общего функционирования (секретариат, каталожное отделение, книжное повременной печати, справочно-библиографическое, подсобных библиотек); отдел научной библиографии (отделение книг по археологии, искусству, истории, литературе, вспомогательным дисциплинам); отдел читального зала (отделение выдачи книг, справочное). Отдел истории книги сделан самостоятельным структурным подразделением музея.

1 января 1923 г. произошли новые изменения. Вновь образованный отдел исторической географии и картографии переведен из библиотеки в музей. Отдел стал называться общим, состоящим из регистрационно-каталожного и книжного отделений. Отделения справочно-библиографическое и периодической печати перешли в научно-библиографический отдел, а отделения литературы и вспомогательных дисциплин были объединены. В ведении научно-библиографического отдела находились также музей Ф. М. Достоевского, специальные собра-

ния, связанные с творчеством Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, А. С. Грибоедова.

В дальнейшем структура библиотеки упрощалась, отделы организовывали по функциональному признаку. Научно-библиографический отдел был ликвидирован (в 1937 г. был поставлен вопрос о его воссоздании, но уже в рамках справочно-библиографического отдела). Производственный план на 1938 г. был составлен только на кабинет научной работы, читальный зал и справочно-библиографический отдел. Отдел исторической картографии и географии остался в составе ГИМ.

В 1887 г. в библиотеке работали библиотекарь и два его помощника. В 1915 г. было всего пять штатных сотрудников — главный библиотекарь, 4 его помощника и 7 «вольнотрудящихся», получавших скромную плату из специальных средств музея. В связи с войной трое штатных сотрудников были призваны на военную службу.

В 1918 г. из-за роста книжного фонда штат был увеличен до 18 штатных единиц (из них 5 ответственных), в 1919 г. работало уже 24 человека, в 1921 г. — 44, в 1922 г. — 59. Однако в 1923 г. произошло общее сокращение штата музея, и в библиотеке осталось всего 28 человек. Все же 9 сокращенных сотрудников пожелали работать — хотя бы бесплатно.

В первой половине 1924 г. было уже 13 сотрудников сверх штата, а к концу года руководство добилось увеличения штата до 36 человек, не считая 4 внештатных. В 1925 г. в музее введен институт практикантов, 5 из них работали в библиотеке. В дальнейшем предполагалось брать их на постоянную работу. Число внештатных сотрудников достигает 14.

Технический персонал в 1916 г. насчитывал 6 человек, в 1919—1923 гг. — 9, в 1924 г. — 12, в 1925 г. — 14 (читальный зал стал работать в две смены). Кризис 1924—1934 гг. сказался и на работе библиотеки. Из 55 человек через 10 лет остается только 11, остальные по разным причинам покинули библиотеку. Число новых сотрудников незначительно. Вновь штат начал расти с 1934 г., когда объем работы резко возрос по причине

известного постановления СНК и ЦК ВКП(б) о преподавании истории в школе.

Согласно справке о состоянии кадров на 1 июня 1937 г.⁵, всего в библиотеке в тот момент работало 85 человек: дворян — 10, потомственных и почетных граждан — 5, служащих — 7, купцов — 1, мещан — 19, рабочих — 5, крестьян — 34. Членов ВКП(б) — 6, кандидат — 1. Образование высшее имели 30 человек, специальное библиотечное — 20, среднее — 34. 6 сотрудников имели научные труды. Знали иностранные языки: один язык — 6 работников, два — 3, три — 7, семь — 1 человек, а 12 (не считая украинского и белорусского) — только Иван Никанорович Розанов, заведующий отделом истории книги и редких книг. Большинство сотрудников библиотеки ГИМ перешли работать в ГПИБ.

До 1917 г. обязательного экземпляра музея не имел. Только с 1921 г. (сначала совместно с Политехническим музеем) стал его получать, «да и то с перерывами и далеко не полностью». В 30-е гг. библиотека получала только один экземпляр нужной книги и порою до пяти экземпляров была вынуждена докупать самостоятельно. Правда, как отмечала М. Я. Виленская, «книжный рынок не давал значительного числа книг» по тематике музея.

Если до 1917 г. библиотека комплектовалась за счет добровольных пожертвований, то с начала 1918 г. — почти исключительно реквизированными книжными собраниями. Их было так много, что сотрудники просто физически не успевали обработать и разобрать книги. По декрету СНК библиотеке ГИМ наряду с Румянцевской предоставлено право получать национализированные библиотеки через отдел научных библиотек Наркомпроса, а Государственный книжный фонд разрешил отбирать нужную литературу из «книжной россыпи».

Среди крупных поступлений тех лет можно назвать следующие:

Библиотеку археологов графов Уваровых (1918 г.), часть которой разошлась по отделам музея. (Характерный штрих: уникальное собрание было сложено горой в двух комнатах, примыкавших к уборной, и оставлено без движения на несколько лет.)

В 1919 г. поступили библиотеки Л. М. Савелова по генеалогии и геральдики (часть перешла в архив музея), историков Д. И. Иловайского (перевезена по распоряжению М. Н. Покровского) и Г. Ф. Карпова — последние две по составу фондов почти не отличались от библиотеки И. Е. Забелина, которая поступила в Исторический музей в 1909 г.

Библиотека Московского Никольского Единоверческого монастыря с ценнейшими собраниями рукописей и старопечатных книг купца А. И. Хлудова, а также старопечатные книги И. Н. Царского были переданы в отдел рукописей и книг старой печати. Греко-славянские рукописи из Патриаршей библиотеки образовали особый отдел (остались в ГИМ). Как филиалы музея были устроены библиотеки Московского археологического общества, Московская епархиальная, Певческого училища и нумизматическая купца П. В. Зубова. Образование этих филиалов и послужило одной из веских причин увеличения штата библиотеки.

В 1918—1920-е гг. через Государственный книжный фонд и отдел научных библиотек Наркомпроса поступили (полностью или частично) книжные собрания Олсуфьевых, Соллогуба, Новосильцева, библиотека Главмузея, первого пролетарского музея в Москве.

В 1922 г. поступила библиотека А. А. Бобринского, археолога и искусствоведа, с книгами по истории искусства, быта и литературы. Библиотека ГИМ получила собрания товарища председателя Московского нумизматического общества П. В. Зубова и секретаря общества С. И. Чижова, слависта и издателя журнала «Русская мысль» В. М. Лаврова по русской и всемирной литературе (вся пошла в обменный фонд); коллекцию отдела историографии музея Всероссийского союза городов, в которую в 1918 г. влилась библиотека Всероссийского земского союза.

В 1924 г. поступили семейные библиотеки Хомяковых и Киреевских. Позже крупных собраний больше не поступало. За это время было только две пожертвованные библиотеки: библиографа и издателя Л. Э. Бухгейма, а также А. А. Карзинкина по истории культуры.

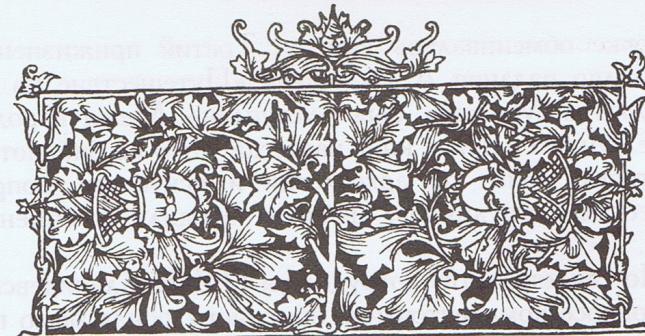
Впоследствии прекращение пожертвований привело к тому, что распылились многие важные личные библиотеки: медиевиста Егорова, нумизматка Орешникова и др.

К 1925 г. фонды библиотеки удвоились и составили 1 200 000 томов, хотя в 1921 г. библиотека Археологического общества перешла в ведение Главнауки, а отдел по истории религии — библиотека Общества ревнителей духовного просвещения — в ГБЛ, в 1919 г. серии открыток и нелегальных книг переданы в Музей революции, материалы по истории французской революции — в ИМЭЛ.

Как только условия работы стали более или менее сносными, началась разборка фонда (в 1921 г.), по отзывам одних — массовая, по отзывам других — какая была возможна в тот период. В основном разбирали книги, находящиеся в помещении библиотеки, до подвалов руки не доходили. В 1922 г. был выделен подсобный фонд для читального зала: несколько тысяч книг.

В 1924 г. было принято решение — создать обменный фонд для передачи в другие библиотеки дублетов и книг, признанных излишними и не соответствующими тематике библиотеки. В конце 1925 г. для отбора дублетов был выделен один штатный сотрудник. Таким образом, пришлось отказаться от принципа неделимости отдельных книжных собраний. Ранее считалось, что не только книга, но и каждое собрание книг — предмет музеиного изучения. Как сказано в отчете ГИМ за 1918—1925 гг.: «Библиотека стремится к собиранию книги как памятника русского быта, соответственно с задачей коллекционировать русские книги до 1870 г. с исключительной полнотой». Но на практике пришлось от этого отказаться.

Начался процесс, грустно обозначенный И. Н. Розановым так: «Книги начали уходить из библиотеки...» Частично — в другие библиотеки (например, в 1928 г. часть инкунабул передана в ГБЛ), частично — в «не-библиотечное пространство». По свидетельству И. Н. Розанова, при каждом директоре была своя политика: «Они приходили, интересовались, рассматривали каталог и попутно отмечали, сколько экземпляров данной книги надо сохранить. Это заносилось на карточку, и по этой

Библиотека средневекового монаха.

карточке обменивались книги». Третий прижизненный экземпляр издания А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» был «уступлен» Международной книге. Много ценных книг навсегда ушло из библиотеки; некоторые книги по археологии и искусству, вопреки протестам сотрудников, целиком входили в обменный фонд.

По свидетельству сотрудницы ГПИБ Альпидевской: «В вопросе комплектования обменного фонда было просто вредительство. Из имеющихся только двух экземпляров один отдавался в обменный фонд, а иногда и оба эти экземпляра отдавались. Ценнейшие фонды разбазаривались»⁶.

В 1938 г., во время передачи фонда в ГПИБ и его разборки, при наличии на каталожной карточке 5—6 шифров на одну книгу исторической(!) тематики XIX в. самой книги порой в фонде не было.

Согласно отчету ГИМ, в 1934 г. обменный фонд составлял 12 300 томов. Однако в последние годы существования библиотеки «обменные операции в связи с условиями хранения необработанных фондов и обменного фонда» приостанавливались.

Тем не менее в библиотеке хорошо были представлены книги по истории дореформенной России, «Россика», исключительно богато — археология, нумизматика, искусство, петровские книги. Слабо представлены книги пореформенного периода, XX в., по всеобщей истории. Имелось значительное количество запрещенных книг. «Благодаря библиофильскому характеру многих книжных собраний, громадное количество книг имеет первоклассное музейно-экспозиционное значение», — отмечала М. Я. Виленская в 1938 г.⁷.

Однако не все книги были обработаны. В 1935 г., например, была освоена только русская часть библиотеки В. В. Барятинского, состоящая из нескольких собраний: востоковеда И. Г. Гульянова, историка и археографа П. М. Строева, этнографа и фольклориста А. Ф. Гильфердинга, библиографа И. М. Касаткина и графа И. Вильегорского. В 1936 г. приступили в обработке иностранной части этого обширного собрания.

Как указывалось в производственном плане библиотеки на 1938 г., «библиотека не имеет возможности обрабатывать большое количество книг в связи с необходимостью провести ряд мероприятий по упорядочиванию библиотечного хозяйства и продвижению каталогов к читателям»⁸.

Для библиотеки характерна низкая обращаемость основного фонда: 0,25. Это в значительной мере определилось плохими условиями размещения фонда, тем, что читатели библиотеки имели в своем распоряжении только каталог на подсобный фонд читального зала на 15 000 книг. 50% отказов было связано с тем, что не могли разыскать нужную книгу.

По акту от 8 сентября 1938 г.⁹ и протоколу совещания по вопросу организации ГПИБ от 13 апреля 1938 г.¹⁰ фонд, хранящийся в помещении библиотеки, был подсчитан по корешкам: 486 223 книги. Из них были полностью обработаны 432 886. «Кроме того, числятся необработанными 242 406 книг, которые хранятся в подвалах, в 4 комнатах во дворе ГИМ. Там штабелями лежат духовные и религиозные книги, журналы и иностранные книги XVIII в. В 3 комнатах расставлены по алфавиту (русские отдельно от иностранных), в 4 — по крепостной системе»¹¹.

Кроме того, на территории главного книгохранилища имелось около 40 000 томов, не отраженных в каталоге. Эти книги извлекли из башен, из люка и из различных шкафов на территории книгохранилища, причем, как правило, книги стояли в два-три ряда, лежали на подоконниках и в других местах.

Комиссия обнаружила также 246 438 экземпляров русских газет (с начала XIX в. до 30-х гг. XX в.), не занесенных в алфавитный каталог и не вошедших в общий подсчет, которые тоже были извлечены из люка. Среди них были газеты времен французской революции. Точную цифру наличного фонда по соответствующим документам библиотеки установить не удалось. Особенно большие претензии были к инвентарным книгам, ведущимся с 1928 по 1936 г. По смете 1936 г. фонд приблизительно исчислялся в 721 337 томов, с оговоркой,

что эта цифра является ориентировочной¹². Комиссия пришла к выводу, что состав фонда установить очень трудно, а сам фонд, «по-видимому, злостно, сознательно дезорганизован». Кроме того, отмечалось, что книги более-менее сохранились из-за низкой влажности и холода(!) в библиотеке¹³.

Кроме основной части фонда, были выделены подсобный фонд читального зала (в систематическом порядке), произведения классиков марксизма-ленинизма (в алфавитном порядке), отдел истории книги и редких книг (к нему претензий почти не было), инкунабулы и книги, изданные в XVI—XVII вв., а также фонд справочно-библиографического отдела, расположенный в тематическом порядке.

Расстановка книг, по свидетельству одного из инспекторов библиотечного управления Наркомпроса, «держалась на памяти работников»: если бы они не ориентировались в книгохранилище, книги найти было бы очень трудно.

При перевозке фонда (без подвальных книг) было перемещено 51 774 пачки на 165 машинах. Книги из подвалов ГИМ перевозили в течение первых месяцев 1939 г.

С 5 сентября по 31 декабря 1937 г. в библиотеке работала комиссия по каталогам библиотечного управления Наркомпроса. Материалы ее работы и объяснительные записки и предложения сотрудников позволяют представить систему каталогов библиотеки ГИМ.

Предметные каталоги (основной и читального зала) складывались из нового каталога (200 ящиков), каталога иллюстраций и портретов (4 ящика), каталога библиотеки Барятинского (18 ящиков), старого предметного каталога (181 ящик). Предметный каталог имел сложную историю. Он образовался на основе 4—5 систематических, которые начиная с 1919—1920 гг. вел каждый из научных отделов библиотеки ГИМ (по старой структуре): археологии и вспомогательных исторических дисциплин, истории, искусства, языка и литературы (он же вел разделы по этнографии и географии).

В 1927—1928 гг. систематические каталоги были искусственно превращены в предметные: карточки вместо

систематического порядка расставлены в простом алфавите рубрик, которые автоматически из систематических стали предметными. По-прежнему каждый отдел вел свои рубрики вполне самостоятельно, без общей редакции, общей установки и общего руководства.

В 1932 г. на основании этих отдельных каталогов стал создаваться общий предметный каталог, в основе которого — словарь предметных рубрик библиотеки Комакадемии (1929 г.). Старый предметный каталог должен был вливаться в новый по принятому библиотекой плану. Был выделен особый работник, и объединение каталогов предполагалось осуществлять по алфавиту рубрик, но продолжалось оно с 1932 г. по февраль 1936 г., затем прекратилось.

По плану 1938 г. созданный предметный каталог подлежал переработке. В него собирались включить (после необходимых исправлений) каталог библиотеки Барятинского, находившийся в лучшем состоянии. Затем карточки старого каталога постепенно, начиная с простейших рубрик, предполагалось влить в новый каталог. Более трудные рубрики требовали просмотра самих книг.

Комиссия обратила внимание на необходимость идеологической выдержанности и политической заостренности предметных рубрик, для чего предметизаторам предлагалось изучать труды классиков марксизма-ленинизма и, разумеется, постановления партии и правительства. А в связи с предметизацией книг по истории ВКП(б) на основе сталинской периодизации требовалось обратить внимание на дублирование рубрик на работы Ленина и Сталина.

Однако затрудняли предметизацию неразработанность периодизации истории СССР и всеобщей истории, а консультации у профессора А. В. Шестакова (кафедра истории МГУ) не прояснили вопроса.

В библиотеке ГИМ были следующие алфавитные каталоги:

- 1) на отечественные книги и журналы по 1917 г. (152 ящика с 136 800 карточками), составленный по прусской системе и без полных выходных данных каждой книги (многотомники описывались на одной карточке). Размер карточек был больше стандартного;

2) на иностранные книги и журналы до 1936 г. (136 ящиков с описанием по прусской системе, с карточками большого формата);

3) новый каталог книг на русском языке и языках народов СССР, велся с 1927 г. по инструкции Института библиотековедения на карточках международного образца, поддерживался в хорошем состоянии;

4) на иностранные книги, поступившие с 1936 г., аналогичен предыдущему;

5) так называемый каталог «беспризорник» на книги, поступившие в 1917—1927 гг. (три ящика, описан по прусской системе, на русском языке, по новой орфографии);

6) каталог произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина (1 ящик, хороший внешний вид);

7) каталоги журналов и газет;

8) каталоги читального зала.

Старые алфавитные каталоги вели со времен основания библиотеки и имели наряду с названными выше еще одну отрицательную деталь: инициалы авторов не принимались в расчет. По структуре библиотеки каталог находился в отделе каталогизации, и за него отвечала заведующая отделом, но фактически ей удалось только выявить дублеты и расставить новые карточки. Вся остальная работа: исключение карточек на выбывшие книги, шифровка требований — производилась другими отделами, иногда без уведомления ответственной за каталоги.

Топографический каталог библиотеки (328 ящиков и 400 000 карточек) отражал состав библиотеки еще менее, чем алфавитный. С 1936 г. начата сверка, но проверено около одной трети каталога.

Систематический каталог читального зала — 12 ящиков карточек, расположенных по десятичной системе первого варианта таблиц Троповского. По отзывам комиссии, ряд рубрик не совсем четко сформулирован политически, а некоторые просто безграмотны. Вывод комиссии: необходимо тщательно пересмотреть схему классификации каталога «под углом проверки четкости и политической выдержанности их формулировок».

Каталоги и картотеки отдела истории книги и редкой книги находились, по мнению комиссии, в наилучшем состоянии и в надлежащем порядке. Это алфавитный каталог русских изданий XVIII в. и основной алфавитный каталог, с отдельным описанием каждого тома по особой системе, утвержденной дирекцией 26 августа 1937 г., начат в 1923 г. В этом каталоге были разделы: петровские издания 1703—1725 гг., азбуковники; детские издания; миниатюрные книги; издания, запрещенные царской цензурой.

Каталоги и картотеки справочно-библиографического отдела отражали фонд отдела, выполненные справки по разным темам (например, картотека «Будем бдительны»). Комиссия отмечала пестроту и разбросанность данных картотек.

На основе выводов комиссии был разработан план «Мероприятия по упорядочиванию каталогов Исторической библиотеки при ГИМ на III пятилетку». Планировалось, что читателям будут представлены систематический, предметный и алфавитный каталоги на весь фонд (полностью обработанный к 1942 г.), что будут приведены в порядок служебные каталоги библиотеки. Но после ликвидации библиотеки Исторического музея каталогами пришлось заниматься уже ГПИБ РСФСР.

История этой библиотеки сходна с историей научных библиотек России. Отрицательное влияние идеологии, трудности переходных лет сказались на работе библиотеки и не дали ей в полную силу развернуть работу.

столкновение между отечественным и зарубежным
литературным искусством показывает концепцию и хи-

стокомпьютерной технологии
книги с отечественным и зарубежным

таким что над заседании 02
для этого книжного заседания Н. Ятэд хипэд над
наших вложивших книжные отечественные и
в 1988 году Члены Академии Ученых Академии
заседания (когда в заседании было много

Л. Е. ШАПОШНИКОВ

БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ СЛЕПЫХ В МОСКВЕ

Начало библиотечного обслуживания слепых в Москве относится к концу XIX в., когда появляются первые учебно-воспитательные заведения для слепых детей, начинается издание книг для слепых и делаются предложения и попытки по созданию отделов для слепых в публичных библиотеках. Преемственность библиотечных учреждений, занятых обслуживанием инвалидов по зрению, позволяет рассматривать их в определенной исторической последовательности.

БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОГО УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ЗАВЕДЕНИЯ ДЛЯ СЛЕПЫХ ДЕТЕЙ

20 сентября 1882 г. в Москве был открыт приют для слепых детей. Инициатива учреждения этого учебно-воспитательного заведения принадлежала евангелическому обер-пастору Г. Г. Дикгофу. К началу 1883 г. в приют были помещены 12 мальчиков и 4 девочки (обес-

печить большее число призреваемых приют не мог из-за недостатка средств). При приюте с первых же дней его существования стала собираться библиотека. Это видно по списку пожертвованных для приюта предметов, в котором значатся и такие пожертвования, как учебные книги и «рукописи с выпуклыми буквами» (среди них — «Нагорная проповедь»)!

Попытки обучения слепых детей грамоте и чтению книг делались в Москве и раньше. За год до открытия приюта для слепых детей при богадельне Пятницкого отделения попечительства о бедных было начато обучение слепых детей (с 7 лет), которое рассматривалось как подготовительное. Дети осваивали грамоту по выпуклым буквам, учились писать. Однако их воспитательница (Е. А. Фрезе) не без основания находила, что «существующие у нас книги для слепых неудобны». Действительно, книги, напечатанные применяемым тогда в России рельефно-линейным шрифтом, читались слепыми с трудом, так как для опознания отдельной буквы требовалось несколько движений осязающим пальцем.

Более удобным для слепых был рельефно-точечный шрифт Луи Брайля, получивший распространение во многих западноевропейских странах. Первопечатницей книг по системе Брайля в России выступила А. А. Адлер (1856—1924), которая много сделала также для поддержания и основания библиотек для слепых в Москве.

В 1885 г. А. А. Адлер напечатала по системе Брайля «Сборник статей для детского чтения, изданный и посвященный слепым детям Анною Адлер». Содержание сборника (ключ к шрифту Брайля, классические произведения русских писателей, биографии замечательных людей — Л. Брайля, И. П. Кулибина, Р. Фултона) говорило о глубоко продуманном подходе к его составлению. Книга была издана в селе Троицком под Москвой в количестве 100 экземпляров, причем А. А. Адлер сама набирала, корректировала и печатала текст. Она так описывает историю создания этой книги:

«До последнего времени не существовало хорошего унциала (рельефно-линейного шрифта). —

А. Ш.) для русских слепых. Только в 1881 г. А. И. Скребицкому, воспользовавшемуся с этой целью трудами немецких специалистов, удалось добиться и для русских слепых образцового унциала (им напечатана заглавная страница настоящего сборника). Этим шрифтом напечатало несколько книг Мариинское попечительство. По системе же Брайля, которая представляет большие преимущества для слепых, не было на русском языке напечатано ни одной книги. Желая восполнить этот пробел, я ознакомилась зимою 1884 г. с разными способами печатания Брайлем, сделала затем за границею заказ шрифта и других типографских принадлежностей и приступила летом 1885 г. к печатанию настоящего сборника... При совершении этого труда я пользовалась советами А. И. Скребицкого, принял горячее участие в деле и указавшего мне пути и способы к достижению цели.

Г-жа М. С. (Мария Семеновна, жена Александра Ильича Скребицкого.— А. Ш.), сочувствующая этому почину, сделала пожертвование бумагой.

Цена за книгу не превышает 3 р., благодаря бесплатной помощи при наборе и печатании настоящего издания, которую оказали Любовь Герман, Лидия и Елена Мышецкие.

Содержание книги составляют стихи, несколько рассказов из хрестоматий и биография Брайля.

С требованием книги следует обращаться к издательнице Анне Александровне Адлер, в Москве, Арбатские ворота, Филипповский пер., дом Дремзейер.

А. Адлер
1886 г.*

В 1807 г. А. А. Адлер издала «Сборник биографических статей для слепых детей среднего возраста»,

* Лист, вклейенный в экземпляр сборника, подаренного А. А. Адлер. 4 марта 1887 г. в библиотеку Румянцевского музея (находится в фонде Российской государственной библиотеки для слепых).

состоящий из биографий знаменитых слепых (перевод А. А. Адлер) и жизнеописаний русских замечательных людей. Значительная часть тиражей сборников (как первого, так и второго) была приобретена училищами для слепых. Есть все основания полагать, что эти сборники поступили также в библиотеку Московского учебно-воспитательного заведения для слепых детей, так как А. А. Адлер на протяжении многих лет, начиная с 1883 г., была весьма деятельным членом распорядительного комитета, а затем и совета попечительского общества, которое было организовано при этом учебно-воспитательном заведении.

17 апреля 1888 г. Московское попечительское общество было преобразовано в Московское общество признания, воспитания и обучения слепых детей (председатель Г. Г. Дикгоф), которое сыграло важную роль в обеспечении слепых учащихся книгами. 7 января 1891 г. совет общества принял постановление о печатании необходимых учебников в типографии, которая устраивалась при учебном заведении (разрешение на производство печатания книг было получено в ноябре 1890 г.). Особенное содействие этому делу оказала А. А. Адлер. Она пожертвовала печатную машину и шрифт, а также 6000 листов специальной бумаги для печатания книг рельефно-точечным шрифтом. На средства попечительницы приюта Е. П. Щеголовой была приобретена и вторая печатная машина, которая была выписана из-за границы. На этих печатных станках работал бывший воспитанник приюта Поляков, который занимался печатанием книг при содействии учащихся старшего класса (помощь зрячих ограничивалась диктовкой текста книг).

Напечатанные в типографии книги и ноты направлялись в библиотеку учебно-воспитательного заведения, а также для продажи (так, в 1903 г. было продано книг печати Брайля на 378 р. 35 коп.)². Таким образом, возникли благоприятные возможности для «постепенного обогащения специальной при нашем приюте библиотеки»³. В отчетах за последующие годы отмечается факт прогрессирующего увеличения количества книг и учебных пособий, напечатанных по Брайлю в типографии⁴.

Библиотека учебно-воспитательного заведения стала пополняться также рукописными книгами. Так, воспитательница О. П. Постовская в 1889 г. «с замечательным усердием... написала несколько книг для библиотеки заведения шрифтами, предназначенными для слепцов. Благодаря этому в библиотеке имеются избранные статьи первоклассных писателей: Гоголя, Тургенева, Григоровича и Некрасова»⁵.

В работе со слепыми детьми использовались и обычные, плоскопечатные книги. Воспитатели регулярно читали детям литературу религиозно-нравственного содержания. Проводились и чтения вслух художественных произведений. Внеклассное чтение литературных произведений рассматривалось как хорошее средство для умственного развития детей. Такие чтения проводились преимущественно в праздничные дни⁶. Чтение было одним из любимых занятий слепых детей. В отчетах отмечается, что «они проводят часы своего досуга в чтении книг, выдаваемых из приютской библиотеки»⁷. К 1 января 1914 г. в учебно-воспитательном заведении состояло 113 человек (70 мальчиков и 43 девочки). Все они пользовались книгами приютской библиотеки.

В дальнейшем статус учебно-воспитательного заведения неоднократно менялся: московский детский дом № 1 для слепых детей (1919), институт для слепых детей (1927), московская средняя школа-интернат для слепых детей (1948). Многие выпускники школы стали работниками интеллектуального труда, навсегда связав свою жизнь с книгой. Библиотека школы продолжает выполнять свои учебно-воспитательные функции, обслуживая 185 учеников и 65 сотрудников (в 1993 г.). В ее фонде находится брайлевская (11 410 названий), озвученная (692 «говорящие» книги) и плоскопечатная литература (3500). Значительную часть фонда составляют учебники (1225 — по системе Брайля и 985 — плоскопечатных). Функционирует музей школы, в котором бережно сохраняется память о ее основателях, демонстрируются экспонаты, привезенные Г. Г. Дикгом и А. А. Адлер из своих зарубежных поездок.

БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОГО УЧИЛИЩА СЛЕПЫХ ДЕТЕЙ

Библиотеку имело также Московское училище слепых детей, открытое в 1890 г. и находящееся в ведении попечительства о слепых. Правление попечительства о слепых находилось в Санкт-Петербурге. В те годы его фактически возглавлял видный русский государственный и общественный деятель К. К. Гrot (1815—1897). По его инициативе и были открыты училища для слепых в Петербурге и других городах России.

Попечительство о слепых в Москве организационно оформилось в 1895 г. как «Московское отделение Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых». До этого деятельность членов попечительства руководил совет попечительства из Санкт-Петербурга. 21 февраля 1894 г. датируется разрешение совета попечительства на открытие в Москве отделения, а 7 мая 1895 г. состоялось общее собрание членов, которое и постановило: «признать с 7 мая 1895 г. Московское отделение попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых открытым... направить к дальнейшему развитию училище слепых мальчиков, содержимое в Москве на средства Попечительства»⁸.

В распоряжении Московского отделения попечительства о слепых находились довольно значительные средства, собираемые среди населения в пасхальную «неделю о слепом», и другие пожертвования. Церковно-кружечные сборы в «неделю о слепом» проводились во всех московских приходах. Кроме того, существовал и постоянный кружечный сбор. Кружки для пожертвований были поставлены в Московской конторе Государственного банка, Московском губернском казначействе, в правлении Московско-Киевско-Воронежской железной дороги, в Губернском акцизном управлении и в училище для слепых детей.

Училище для слепых пользовалось неизменной поддержкой со стороны московского общества. В нем всегда находились люди, «готовые жертвовать на это высоко-гуманное, христианское дело признания и обучения бес-

помощных слепых детей... готовые безвозмездно отдавать этой отрасли благотворительности свой посильный труд»⁹. Свидетельством заметно развивающегося в московском обществе сочувствия к делу обучения и признания слепых детей стала и библиотека училища. В отчете о деятельности попечительства о слепых по Москве и Московской губернии с 1881 по 1895 г. говорится: «Особенно приятно отметить здесь то обстоятельство, что, благодаря трудам московского дамского кружка переписки книг для слепых, довольно полная библиотека училища постоянно пополняется новыми интересными для детей книгами и таким образом дает возможность поддерживать и развивать в учениках охоту к чтению»¹⁰.

В 1895 г. при Александро-Мариинском училище слепых в Санкт-Петербурге была организована небольшая типография, которая и обеспечила постоянный приток книг, напечатанных по системе Брайля, во все библиотеки училищ для слепых. Издания, напечатанные в этой типографии, стали поступать и в Москву (другим источником печатных изданий была типография Московского учебно-воспитательного заведения для слепых).

В младших классах мальчики обучались молитвам, краткой священной истории Ветхого Завета и знакомились с догматами православной веры. По русскому языку они практиковались в чтении по шрифту Брайля, зачитывали наизусть басни и стихотворения. Все прочитанное самими, а также прочитанное и объясненное учителями дети приучались передавать своими словами. В старших классах по Закону Божию проходили священную историю Нового Завета, дети знакомились с историей России, изучали географию и естествоведение. Таким образом, сам процесс обучения наталкивал их на самостоятельное чтение книг, которое стало существенным элементом их досуга: слепые воспитанники «отличаются общительностью и уживчивостью и, не развлекаемые внешними впечатлениями, предпочитают постоянно чем-нибудь заниматься даже в свободное от уроков время: рукоделием, музыкой и особенно чтением»¹¹.

На пополнение библиотеки училища рельефно-точечными книгами и их переплет ежегодно отпускалось 58 р.,

но реальные расходы обычно были существенно меньше (в 1895 г. — 22 р. 88 коп., в 1896 г. — 33 р. 26 коп. и т. д.).

Значительную часть фонда библиотеки составляла религиозно-нравственная и учебная литература. Так, раздел церковно-религиозной литературы в библиотеке был представлен в 1895 г. такими изданиями, как Нагорная проповедь, Евангелие от Луки, от Марка, от Иоанна, от Матфея, Деяния Апостолов, Послания Апостолов, Краткий Катехизис, пространный Катехизис, Молитвослов, Откровение, Богослужение, Ветхий Завет, Псалтырь, История церкви¹².

Усилиями переписчиков был значительно расширен репертуар художественной литературы, доступной детям для самостоятельного чтения. В отчете за 1896 г. отмечается, что «перед праздником Рождества Христова из кружка поступило в библиотеку училища 29 книг, в том числе известный роман гр. Л. Толстого «Война и мир»¹³.

Ученническая библиотека, регулярно пополняемая «перепиской избранных литературных произведений»*, бесплатной присылкой «в большом количестве книг из Попечительства о слепых», в 1915 г. составила 1300 экз.¹⁴. В этом же году «было положено начало и библиотеке для педагогического персонала из самых лучших руководств для преподавания и чтения учениками». В создании педагогической библиотеки большую роль сыграл В. А. Гандер**.

Библиотекой училища ведали преподаватели и воспитатели, которые, как и остальной педагогический персонал, стремились «вести детей из мрака духовного и физического к новой, разумной, созидательной жизни». Они помогали «им становиться не в тягость обществу и государству, не в обузу семье, а быть самостоятельными работниками, черпающими в труде свое право и счастье»¹⁵.

* В числе переписчиков: В. В. Сапожникова, А. В. Косинский (в 1914 г. был призван в действующую армию).

** Гандер В.А. (1861—1934) — известный тифлопедагог, профессор, инспектор, методист Наркомпроса РСФСР по вопросам обучения слепых.

ОТДЕЛЕНИЕ ДЛЯ СЛЕПЫХ В БИБЛИОТЕКЕ РУМЯНЦЕВСКОГО МУЗЕЯ

С 1885 г. в библиотеке Румянцевского музея появляются первые издания книг для слепых, а в 1895 г. была предпринята попытка основать при этой библиотеке специализированное отделение для слепых. Известно следующее свидетельство А. А. Адлер об этом событии (из доклада на II съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, 1895—1896 гг.): «Первый опыт основания публичной библиотеки для слепых сделан в Москве в Румянцевском музее уже в 1885 г., когда были мною переданы туда две первые напечатанные мною Брайлем в России книги. Перед съездом я была в Петербурге и обратилась с просьбой в Попечительство принять участие в пополнении этой библиотеки при Румянцевском музее. Попечительство приняло это заявление и прислало сюда по экземпляру всех книг, изданных Попечительством. И теперь это маленько отделение в библиотеке музея, благодаря горячему сочувствию покойного директора музея В. А. Дашкова и профессора И. В. Цветаева, уже устроено и открыто перед съездом и там уже поставлен стол для слепых»¹⁶.

Книги, переданные А. А. Адлер в Публичную библиотеку Румянцевского музея, послужили основой для постепенно увеличивающейся коллекции брайлевских книг, которые хотя и редко, но спрашивались читателями. Впоследствии это собрание было передано в Республиканскую центральную библиотеку для слепых (ныне Российская государственная библиотека для слепых). Таким образом эта библиотека стала обладательницей изданий для слепых, напечатанных еще в конце XIX — начале XX в.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

В первые годы советской власти школы для слепых и другие предназначенные для них учебно-воспитательные и просветительские учреждения находились в крайне тяжелом положении: «Учебно-воспитательная работа в

этих школах почти остановилась. Педагогический персонал и учащиеся терпели страшную нужду. Голод и холод, свирепствовавшие в городах, где находились школы, заставлял детей уходить в деревню»¹⁷.

Коренная ломка и переустройство всей школьной системы отрицательно сказывались на деятельности училищ для слепых и организованных при них библиотеках. Они неоднократно передавались из одного ведомства в другое (Наркомздрав — Наркомсобес — Наркомпрос). В процессе этой реорганизации «прежние педагоги успели уже разбрестись по другим учреждениям, избрать иные профессии, и их сменил совершенно неподготовленный, тоже, может быть, в силу той разрухи, случайно очутившийся на педагогической кафедре персонал»¹⁸.

Библиотеки, по существу, лишились каких бы то ни было источников поступления книг для слепых. «Со дня революции с закрытием Попечительства типография оказалась в неопределенном положении. Ни Собес, ни Губоно, ни училище не проявляли никакой инициативы и даже не отпускали средств на дрова и мелкие расходы. В 1918 г. умер младший печатник, а в 1922 г. ответственный печатник по беллетристике, и штат типографии состоял из одного ответственного печатника Другопольского. Работа типографии за этот период была крайне незначительна: напечатано несколько революционных пьес, перепечатано со стереотипов, заготовленных до революции, несколько книг» — таково было безотрадное положение печати для слепых по оценке, прозвучавшей на X съезде ВОС (восстановление типографии начинается с 1923 г., с января 1923 г. по 1 мая 1924 г. было напечатано 16 названий книг общим тиражом 1975 экз. и 4 тетради нот)¹⁹.

Значительная часть фондов библиотек состояла из дореволюционных изданий, которые новыми деятелями рассматривались как «крайне тенденциозные по содержанию, в лучшем случае бесполезные, а чаще вредные»²⁰. По мнению работников Наркомпроса, 90% учебной литературы следовало изъять как никуда не годную.

В этих сложных условиях и было принято решение о создании Центральной библиотеки для слепых. О

необходимости ее устройства говорилось на I Всероссийском съезде деятелей по борьбе с детской дефективностью, беспризорностью и преступностью (1920 г.)²¹. Новая библиотека была первым специализированным библиотечным учреждением, призванным обслуживать книгами широкие круги незрячих, оказывать им помочь в учебе, труде и общественной деятельности.

Первоначальный фонд библиотеки составили книги, взятые из московского детского дома № 1 для слепых детей (бывшего учебно-воспитательного заведения для слепых детей). В 1927 г. детский дом был переименован в институт для слепых детей. Это следует учитывать, встречаясь в архивах с утверждениями, что библиотека сначала существовала при институте для слепых детей. Так, в справке, относящейся к 1935 г., говорится: «Библиотека организована в 1917 г. при Донской школе слепых (на Донской улице. — А. Ш.), затем некоторое время (около 2 лет) была при институте для слепых, после чего выделилась в самостоятельную библиотеку, но вскоре превратилась в отделение Губернской библиотеки, ныне Московская областная библиотека»²².

Центральная библиотека для слепых была официально открыта в 1920 г.²³. Коллектив сотрудников состоял из 4 библиотекарей и 7 «низших служащих». При библиотеке имелась типография по печатанию книг для слепых²⁴. Заведовала библиотекой в период ее становления воспитательница школы слепых Е. А. Соколова²⁵. Первое время библиотека работала в подвальном помещении, мало приспособленном для работы с книгами, но уже к 1925 г. ее удалось перевести в новое, более удобное помещение в Панкратьевском переулке. Был создан библиотечный совет. Помощь библиотеке оказывала также библиотечная секция совета ВОС.

В 1922 г. библиотека обслуживала 279 читателей, которым было выдано 410 книг. Библиотекой пользовались также коллективные абоненты. Книжный фонд насчитывал тогда 1471 экз. брайлевской литературы²⁶. Типографскими изданиями он пополнялся слабо, так как их в 20-е гг. издавалось мало. При библиотеке работал кружок переписчиков, с помощью которых кни-

жий фонд пополнялся рукописными изданиями. Необходимо было расширить круг классических произведений, напечатанных рельефно-точечным шрифтом, приобщить слепых к общественной жизни страны, помочь им разобраться в текущих событиях, что и определяло выбор книг, переписываемых рельефным шрифтом. Сначала книги переписывались на обычных брайлевских приборах, но затем были приобретены специальные пишущие машинки.

Библиотека находилась в ведении Московского отдела народного образования. Это вызывало недовольство некоторых слепых, считавших, что библиотека должна быть в ведении совета ВОС. Вопрос этот обсуждался на президиуме совета ВОС в августе 1924 г. Было принято решение об оставлении библиотеки в ведении МОНО. Члены президиума (в частности, председатель совета ВОС В. П. Мавромати) правильно оценили выгоды, связанные с обслуживанием слепых государственными специальными библиотеками (наличие определенных ассигнований, привлечение квалифицированных библиотечных работников, обеспечивающих высокий уровень обслуживания, и др.).²⁷

ОТДЕЛ ДЛЯ СЛЕПЫХ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ (ОБЛАСТНОЙ) БИБЛИОТЕКИ

Во второй половине 20-х гг. Центральная библиотека для слепых была включена в состав Московской губернской (затем областной) библиотеки и стала ее отделом. В 1932 г. библиотеке было предоставлено помещение по адресу ул. Поварская (Воровского), д. 1/2, количество книг к этому времени возросло до 3000. Среди них становится все больше типографских изданий, чему способствовала деятельность Учпедгиза по изданию литературы для слепых (с 1932 по 1935 г. было издано 208 названий), но они не могли удовлетворить запросы взрослых читателей (в основном издавались учебники для начальной и средней школы и книги для детей). Значительным подспорьем служила переписка книг.

В 30-е гг. ВОС проводило большую работу по трудоустройству незрячих, по ликвидации среди них неграмотности. На ряде предприятий Москвы стали работать значительные группы слепых (например, на заводе ЭПОС). Многие незрячие получили возможность учиться в высших и средних учебных заведениях. Все это сказалось на составе читателей: в библиотеке появились студенты, рабочие, музыканты.

Постепенно объем работы отдела для слепых расширился. В 1936 г. в нем имелось 6496 книг. Ими пользовались 605 читателей (305 человек посещали библиотеку, 300 — обслуживали на предприятиях), которым было выдано 21 932 книги²⁸. Начинают применяться формы и методы работы, служащие целям компенсации слепоты. Для читателей был составлен каталог, карточки в котором были написаны по системе Брайля. В «кабинете работ со слепыми» регулярно (один раз в пятидневку) проводились громкие читки русской классической и иностранной художественной литературы, ежедневные читки газет, занятия кружков. Для читателей организовывали не только литературные вечера и конференции, но и проводили не совсем обычные мероприятия: их водили на экскурсии, в театр (7 коллективных посещений театров в 1936 г.). К I съезду писателей был составлен альбом читательских отзывов. Особое внимание уделялось обслуживанию предприятий слепых. На них были созданы передвижные библиотеки (8 передвижек в 1936 г.). Для рабочих по их заказам оставляли книги.

Отдел для слепых выступал как методический и организационный центр библиотечного обслуживания слепых по всей Московской области. В 18 районных библиотеках были организованы отделы литературы для слепых. Работники отдела выезжали в районные библиотеки для оказания методической помощи. Эти поездки показали, что районные библиотеки очень вяло работали со слепыми читателями, хотя брайлевские книги в них имелись (всего в них насчитывалось 4500 томов). Слабо стимулировала эту деятельность и организация комплектования литературой для слепых в централизованном

порядке (1306 брайлевских книг в 1936 г.)²⁹. Становилось ясным, что система обслуживания слепых через брайлевские отделы обычных библиотек, сложившаяся в Москве и Московской области, все же не оправдывает себя. Разворачиванию работы с незрячими читателями мешало и то подчиненное положение, которое занимал отдел для слепых в областной библиотеке. Отдел располагал весьма ограниченными возможностями в отношении штатов (всего 3 сотрудника), бюджетных ассигнований и занимаемой площади. Дирекция областной библиотеки мало интересовалась нуждами библиотечного обслуживания слепых. Возникла настоятельная необходимость организации самостоятельной библиотеки для слепых.

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

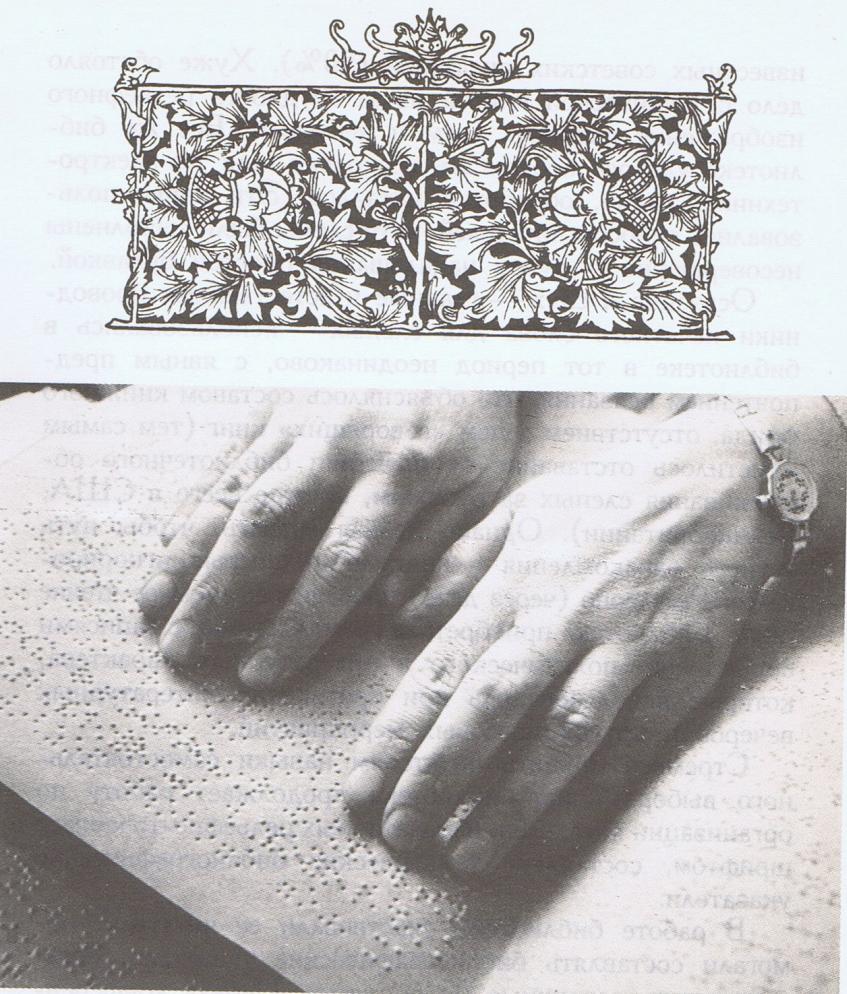
Благодаря усилиям работников отдела для слепых и общественности незрячих вопрос о выделении Московской библиотеки для слепых в самостоятельную библиотечную единицу был решен положительно (на заседании президиума Моссовета 8 мая 1937 г.). В конце 1937 г. библиотека для слепых получила дополнительные средства на комплектование, а в 1938 г. окончательно отделилась от Московской областной библиотеки. Годовой бюджет вырос втрое (с 23 000 до 74 660 руб.). Штат увеличился до 8 человек (из них 4 библиотечных работника). Все же коренного улучшения положения библиотеки не произошло, поскольку она продолжала оставаться на 45 кв. м. Три комнаты и коридор были заставлены стеллажами с книгами, так что места для проведения массовых мероприятий не было. Тем не менее библиотекари решили приступить к организации массовой работы по пропаганде книги среди незрячих. С этой целью стал использоваться юношеский читальный зал Московской центральной городской публичной библиотеки (в выходные дни этого отдела). В помещении самой библиотеки для слепых были поставлены между стеллажами два стола, за которые можно было усадить

человек 10, таким образом было выделено место для проведения громких читок.

Тематика массовых мероприятий отражала актуальные события того времени. В 1938 г., например, было организовано три вечера, посвященных выборам в Верховный Совет РСФСР, на которых присутствовало от 25 до 100 человек. В качестве докладчиков здесь выступили незрячие читатели: историк И. Э. Барер, доценты В. П. Сиволобов, М. В. Трубицын. Заметим, что на протяжении многих лет они будут верными друзьями и помощниками библиотеки.

Переписке книг по-прежнему уделялось большое внимание. В год переписывалось до 300 названий, что раза в три превышало издательский план Учпедгиза. Переписка книг помогала ликвидировать наиболее значительные пробелы в фонде. Организация этой работы улучшилась: книги переписывали на хорошей бумаге, выдерживающей от 50 до 75 книgovыдач. После переписчиц (всего работало 10 человек) книгу читал корректор (слепой), и только после устранения ошибок она поступала в фонд. Таким образом, библиотека становилась издателем, который был непосредственным образом связан с потребителями своей продукции, хорошо знал их интересы и запросы. Рукописные книги, как правило, не заставлялись на полке. Все же, благодаря своей исключительной трудоемкости, переписка книг в те годы была вынужденной мерой, вызванной отсутствием достаточного количества книг, изданных типографским способом.

В 1938 г. книжный фонд библиотеки составил 2804 комплекта книг, среди которых было довольно много дублетов. Каждое название занимало в среднем 2—3 книги (всего 7201 брайлевская книга). В этом сравнительно небольшом фонде находилась литература по различным отраслям знаний. В библиотеке была хорошо представлена общественно-политическая литература (31%), популярная естественно-научная (7%). Имелись ноты для голоса, фортепиано и духового оркестра (10%). Лучше всего был скомплектован отдел художественной литературы, в котором имелись классические произведения русской и зарубежной литературы, произведения

Книга — окно в мир.

известных советских писателей (50%). Хуже обстояло дело с технической книгой из-за трудности рельефного изображения сложных схем и чертежей. Все же библиотеке удалось переписать несколько книг по электротехнике, радио, обработке металлов. Эти книги пользовались спросом читателей, хотя схемы были выполнены несовершенно — путем накалывания простой булавкой.

Осязание и слух — главные и естественные проводники печатного слова для слепых — использовались в библиотеке в тот период неодинаково, с явным предпочтением осязания, что объяснялось составом книжного фонда, отсутствием в нем «говорящих» книг (тем самым наметилось отставание от практики библиотечного обслуживания слепых за рубежом, прежде всего в США, Великобритании). Однако нельзя сказать, чтобы путь устного ознакомления с книгами полностью игнорировался. Регулярно (через день) проводилось громкое чтение газет. Библиотека приобретала грампластинки с записями общественно-политического и литературного характера, которые использовались при проведении литературных вечеров и других массовых мероприятий.

Стремясь привить читателям навыки самостоятельного выбора книг, библиотека продолжает работу по организации каталогов, напечатанных рельефно-точечным шрифтом, составляет тематические библиографические указатели.

В работе библиотеки участвовали ее читатели: помогали составлять библиографические указатели, организовывать различные мероприятия. Первая конференция читателей после того, как отдел был реорганизован в самостоятельную библиотеку, состоялась 29 октября 1938 г. Читатели обсудили отчет о работе библиотеки, перспективы ее развития.

В годы Великой Отечественной войны незрячие продолжали пользоваться Московской городской библиотекой для слепых, находя в ее стенах понимание своих нужд и забот, удовлетворение своих духовных потребностей. Особое внимание уделялось потерявшим зрение на войне. 88 человек стали постоянными читателями библиотеки³⁰. Хотя библиотека не отапливалась, выдача

книг читателям не прекращалась. В холодные зимы пришлось пожертвовать частью книг, чтобы иметь возможность продолжить работу.

В послевоенные годы усиливается помощь библиотеке со стороны ЦП ВОС, которое и раньше проявляло живую заинтересованность в улучшении библиотечного обслуживания незрячих. В это время открываются новые УПП, увеличивается количество слепых, занятых общественно полезным трудом. Повысился образовательный уровень незрячих, многие из них овладели брайлевской грамотой, стали постоянно использовать книги в целях духовного обогащения, самообразования. Растет издание книг для слепых. Если в 1946 г. в Учпедгизе вышло всего 88 названий, то в 1950 г. было напечатано уже 188 названий. Все это подводило базу под расширение и укрепление работы с книгой среди слепых. Библиотека переехала в новое помещение (Валовая ул., 31). В нем читатели получили возможность пользоваться кабинами для индивидуальных занятий, чтения с чтецом, был открыт читальный зал, активными посетителями которого стали незрячие студенты, абонемент. С 1948 по 1954 г. число книг более чем удвоилось (с 17 400 до 45 000). Количество читателей возросло до 3080.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

О необходимости приступить в Москве «к организации центральной библиотеки для слепых республиканского значения»³¹ говорилось еще в докладной записке от имени президиума ЦП ВОС в Наркомпрос за № 4/80 от 14 ноября 1937 г. (за подписью В. А. Викторова и Ф. И. Шоева). Однако тогда возобладало мнение, что «Республиканская библиотека дело хорошее, но это громко, начать нужно поскромнее»³². К середине 50-х гг. вопрос о создании сети специальных библиотек для слепых во главе с Республиканской центральной библиотекой для слепых в Москве был решен положительно.

17 января 1953 г. Совет Министров РСФСР рассмотрел ходатайство ЦП ВОС об организации разветвленной

сети специальных библиотек для слепых, находящихся на государственном бюджете, принял постановление «О мероприятиях по улучшению культурно-бытового обслуживания слепых», в котором предусматривалась организация в 1953—1954 гг. 19 новых специальных библиотек для слепых в областных, краевых и республиканских центрах, создание в библиотеках для слепых заочного и межбиблиотечного абонементов для обслуживания книгами незрячих, проживающих в сельской местности, и реорганизация Московской городской библиотеки для слепых в Центральную библиотеку для слепых.

В 1954 г. Московская городская библиотека для слепых была реорганизована в Республиканскую центральную библиотеку для слепых, на нее была возложена работа по методическому руководству специальными библиотеками для слепых на местах. Приказом по Министерству культуры РСФСР за № 615 от 3 декабря 1954 г. было утверждено «Положение о Республиканской центральной библиотеке для слепых». В библиотеке были созданы научно-библиографический и методический отделы.

Согласно Уставу (1965 г.) РЦБС является государственной научной специальной библиотекой универсального профиля; республиканским центральным хранилищем литературы, изданной рельефно-точечным шрифтом, «говорящих» книг, литературы по тифлологии; научно-методическим центром по руководству работой государственных специальных библиотек для слепых и библиотек ВОС. На РЦБС были также возложены функции республиканского депозитария специальной литературы для слепых.

С 1955 по 1967 г. директором РЦБС была А. Г. Фирсова — опытный библиотечный работник и организатор (до этого много лет проработавшая в Государственной публичной исторической библиотеке), подбравшая кадры инициативных, творчески настроенных библиотекарей и библиографов.

Возглавляемая РЦБС сеть библиотек в 1956 г. состояла из 20 библиотек для слепых в областных, краевых и республиканских центрах РСФСР. Кроме того, 3 биб-

лиотеки работали в районных центрах Татарской АССР. Функциональная специфичность библиотек для слепых вызывала необходимость разработки для них особого «Положения о специальной библиотеке для слепых» (1955), «Правил пользования библиотекой для слепых» (1961). Большая работа была проделана по подготовке первого и последующих изданий «Минимума библиотечной техники в специальных библиотеках для слепых» (1959, 1965, 1971) и «Инструктивно-методических указаний по организации в специальных библиотеках для слепых каталогов на литературу, напечатанную рельефно-точечным шрифтом» (1960).

РЦБС выступает инициатором проведения совещаний, семинаров и научно-практических конференций, на которых обсуждаются вопросы организации и методики библиотечного обслуживания незрячих, организации фондов и каталогов, формы учета работы библиотек, а также вопросы создания специального оборудования (всероссийское совещание заведующих специальными библиотеками для слепых — 1956 г., совещание заведующих специальными библиотеками для слепых — 1961 г., научно-практические конференции «Библиотека для слепых и читатель-специалист» — 1976 г., «Библиотека для слепых в помощь реабилитации и интеграции инвалидов» — 1981 г. и др.). В этих конференциях участвовали не только работники библиотек для слепых, но и преподаватели-дефектологи, реабилитологи УПП (учебно-производственных предприятий) ВОС.

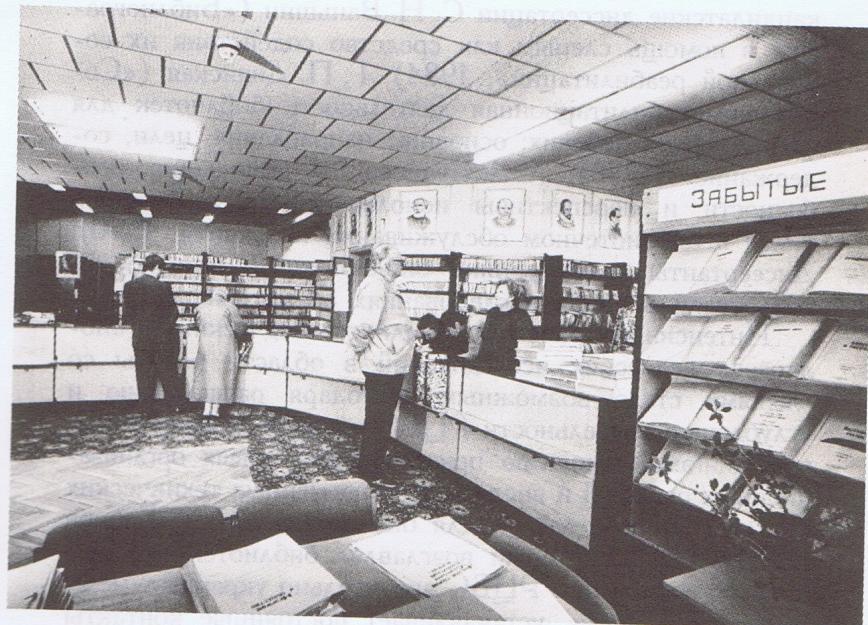
В 60—80-е гг. РЦБС выступает как научно-исследовательский центр, возглавивший разработку актуальных проблем библиотечного обслуживания слепых по четко определенным направлениям: руководство чтением в библиотеках для слепых; доведение книги до каждого члена ВОС; рациональное формирование и эффективное использование книжных фондов; организация труда в библиотеках для слепых; библиотеки для слепых как центр библиотечно-библиографического обслуживания специалистов в области тифлологии; библиотека для слепых как фактор компенсации слепоты³³.

В процессе изучения этих проблем проводились конкретно-социологические исследования интересов и за-

просов незрячих читателей (рабочих, специалистов и др.). Определялись наиболее эффективные методы их привлечения к чтению, анализировались состав и использование фондов плоскопечатной литературы и «говорящих» книг, степень соответствия книжных фондов запросам и интересам читателей. Большое внимание уделялось вопросам компенсации слепоты: производились экспериментальные записи по изобразительному искусству, разрабатывалась методика издания «говорящих» книг и их использования, создавались новые конструкции специального оборудования библиотек для слепых (книжных витрин, каталожных шкафов и др.). Одним из важнейших направлений научной деятельности стала разработка тифлобиблиографии. Были определены принципы организации фонда и справочного аппарата по тифлологии. Велась работа по составлению пятитомного библиографического указателя «Незрячие деятели науки и культуры» (М., 1971—1988), отмеченного премией по итогам конкурса 1979 г. на лучшую работу по актуальным проблемам библиотековедения и библиографоведения.

В 80-е гг. значительно расширилась издательская деятельность РЦБС. Выходят в свет методические пособия и сборники научных работ и статей по обмену опытом, в которых рассматриваются актуальные проблемы библиотечного обслуживания слепых.

Несколько сборников получили премии на конкурсах 1983, 1985, 1987 гг.³⁴. Руководители РЦБС выступают с проблемными статьями на страницах международных изданий и в специальной периодике. Выходит в свет пособие А. В. Вержбицкого «Методика записи учебной и научной «говорящей» книги» (М., 1983), в котором был обобщен опыт РЦБС по репродуцированию в форме «говорящей» книги отраслевой литературы. В пособии приводятся правила, обеспечивающие точное репродуцирование на магнитную ленту научных материалов. Одна из сложных проблем библиотечного обслуживания незрячих — рациональное формирование и эффективное использование книжных фондов, включающих рельефно-точечные, плоскопечатные и озвученные книги. РЦБС в 1984—1985 гг. подготовила и издала «Перечни книг,

Лаборатория РГБ для слепых.

составляющих основу книжного фонда библиотек для слепых», которые стали использоваться при планировании выпуска изданий для слепых. Углубленно изучается весь комплекс проблем библиотечно-библиографического обслуживания слепых. В 1965 г. А. Е. Шапошниковым (работал в библиотеке с 1957 по 1961 г.) была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук на тему «Современное состояние и перспективы библиотечного обслуживания слепых в Советском Союзе». В 80—90 гг. подготовили и защитили кандидатские диссертации С. Н. Ваньшин («Библиография в помощь слепым как средство содействия их социальной реабилитации», 1984), Г. П. Диянская («Социально-реабилитационная деятельность библиотек для слепых среди рабочих: основные направления, цели, содержание», 1990), Л. В. Сучкова («Организация, особенности и перспективы использования «говорящей» книги в библиотечном обслуживании незрячих», 1990). Диссертанты — сотрудники библиотеки — широко использовали в своих исследованиях ее материалы.

Интенсивное развитие библиотековедческих и библиографоведческих исследований в области работы со слепыми стало возможным благодаря расширению и углублению деятельности РЦБС по обслуживанию слепых книгами, принятию принципиально новых организационных решений и внедрению современных технических средств. Многое сделал для библиотеки Д. С. Жарков (1924—1993), который возглавлял библиотеку с 1967 по 1985 г. При нем РЦБС значительно укрепляет международные связи, устанавливает постоянные контакты с ИФЛА (секцией библиотек для слепых). В РЦБС поступили технические средства, закупленные в ФРГ и Японии. Заслугой библиотеки явилось внедрение озвученных («говорящих») книг в практику библиотечного обслуживания слепых в нашей стране. РЦБС стала записывать книги на магнитофон с 1957 г. Это были литературные монтажи и пробные записи, первые из которых не привлекли внимания читателей. Своебразной приманкой для них оказалась книга Ю. Дольд-Михайлика «И один в поле воин», записанная в августе 1958 г. по инициативе А. В. Вербницкого (слепые на-

зывали его рыцарем «говорящей» книги). В 1961 г. при РЦБС была организована студия звукозаписи, которая затем перешла в ведение ВОС (с 1963 г.). В настоящее время это вполне современное предприятие — издательский полиграфический тифлоинформационный комплекс «Логос» (ИПТИК «Логос»), обеспечивающий «говорящими» книгами все библиотеки для слепых РФ (300—400 названий в год). В то же время библиотека не прекратила самостоятельную запись книг на магнитную ленту по запросам незрячих специалистов и других читателей. Многие из этих записей имели экспериментальный характер («Творчество Рембрандта», «Третьяковская галерея» и др.). Ежегодно озвучивалось 50—60 названий общим объемом звучания до 1 тыс. часов. Часть этих записей направлялась в другие библиотеки.

С 1965 г. директором РЦБС становится А. Д. Макеева, при которой библиотека вступила в новую фазу своего развития, связанную с перестройкой и переходом к рыночной экономике. В 1986 г. РЦБС получила новое помещение площадью в 2900 кв. м, построенное на средства ВОС (в Доме просвещения ВОС, Протопоповский пер., 9). Это позволило объединить отделы обслуживания, частично упорядочить размещение фондов, совершенствовать структуру библиотеки. В 1990 г. в новом здании функционировали научно-методический отдел (зав. Т. П. Скачковская), тифлобиблиографический отдел (зав. Л. Н. Быховская), отдел подготовки пособий к изданию (зав. А. А. Мухина), отдел комплектования отечественной и зарубежной литературой (зав. Э. А. Кулenkamp), отдел обработки и каталогов (зав. Г. Н. Федченко), отдел абонемента (З. Д. Кузнцева), отдел читального зала (И. В. Новикова), отдел книгохранения и обменно-резервного фонда (Н. А. Тулябина), сектор тифлотехнических средств (С. Н. Ваньшин). В старом помещении библиотеки остались отделы: по ремонту тифлотехнических средств и «говорящих» книг (Н. Н. Дьячков), внестационарного обслуживания (С. В. Грибкова), надомного абонемента (Л. П. Орлова), записи и тиражирования «говорящих» книг (С. М. Жуков), сектор заочного и межбиблиотечного абонемента (Т. М. Химочки).

Кроме того, в ЦДК ВОС (ул. Куусинена, 19а) был размещен отдел искусств (Г. А. Хорева). Дирекция (А. Д. Макеева, Г. П. Диянская, Т. Н. Елфимова, А. В. Трофимов) и бухгалтерия (Э. М. Андреева) находились в новом здании.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

В конце 1992 г. правительенная комиссия по выдаче разрешений на использование наименований «Россия», «Российская Федерация» согласилась на использование наименования «Российская» в названии Российской государственной библиотеки для слепых (протокол № 12 от 30 декабря 1992 г., разрешение выдано 11 января 1993 г. № 116-38). Таким образом, РЦБС была переименована и получила новую аббревиатуру — РГБС.

В настоящее время РГБС — наиболее крупная из библиотек для слепых в нашей стране. Еще в 1988 г. ее фонды насчитывали свыше 630 тыс. экз., в том числе 221 тыс. экз. рельефно-точечных изданий, 178 тыс. экз. книг, записанных на магнитной ленте, 211 тыс. единиц плоскопечатной литературы, 20 тыс. грампластинок, рельефно-графических пособий. В 1992 г. было обслужено всеми подразделениями библиотеки (включая 20 филиалов и 51 библиотечный пункт) 15 312 читателей, которым было выдано 646 436 единиц различных документов.

За последние годы, однако, наблюдается трудно преодолимая тенденция к некоторому сокращению числа читателей и книговыдач (так, в 1989 г. число читателей составляло 15 407 человек, которым было выдано 718 304 единиц), что объясняется не только естественной убылью за счет старения членов ВОС (умерло за год более 120 человек), но и такими причинами, как спад производства на УПП ВОС, повлекший сокращение рабочих мест и увольнение работников, а также значительным удорожанием магнитофонов.

В 1992 г. РГБС начала, в рамках программы развития «Система библиотечного обслуживания инвалидов

в РФ», обслуживание инвалидов других категорий (помимо слепых). За год их количество составит 650 человек.

Особое внимание уделяется незрячим специалистам и студентам. По их заявкам записываются книги по философии, психологии, экономике, правоведению, медицине, математике, истории, литературоисследованию, музыке. В 1992 г. было выпущено 16 наименований звуковых периодических изданий и тематических сборников («Мысль», «Эпоха», «Диалог», «Хочу все знать», «Психология и жизнь», «Социальная реабилитация незрячих» и др.). Правом приоритетного пользования услугами штатных чтецов пользовались более 120 читателей. Незрячие музыканты имеют возможность получать брайлевские копии с плоскопечатных нот.

Более 700 незрячим читателям, среди которых ветераны войны и труда, а также лица, имеющие кроме слепоты другие заболевания, книги на дом доставляются автотранспортом библиотеки.

Для слепых, которые могут посещать библиотеку, проводятся разнообразные массовые мероприятия (экскурсии, встречи с писателями и журналистами, обсуждения книг, вечера отдыха). Так, в 1992 г. были проведены мероприятия, посвященные Дню славянской письменности: книжные выставки, звуковая информация по различным темам, встречи с представителями православного духовенства. Совместно с Братством Святителя Филарета Московского состоялось открытие и освящение благотворительной выставки-продажи изделий народных промыслов, средства от которой пошли на восстановление больничного храма Святой Троицы в старейшей детской больнице им. Святого князя Владимира.

Отдел искусств совместно с ДК ВОС проводит вечера в музыкальной гостиной, циклы концертов для юношества («Этот волшебный мир музыки»). В помещении читального зала РГБС проходят семинары, совещания, конференции, заседания секции «Библиотеки для инвалидов» Московской библиотечной ассоциации, конференции Совета незрячих специалистов, заседают секции музыкантов, массажистов, юристов.

РГБС разработала долгосрочную программу автоматизации основных библиотечных процессов. Создана локальная сеть, включающая 4 АРМ (в отделах комплектования, обработки литературы, на абонементе, в читальном зале). Идет автоматизированная обработка поступающей литературы и формирование базы электронного каталога. Значительное место в библиотечном обслуживании читателей отводится обучению слепых пользованию такими тифлотехническими средствами, как «Оптакон» (позволяет специально обученным незрячим самостоятельно читать любой плоскопечатный текст) и «Версибрайль» (служит незрячим для набора текстов, их редактирования и распечатки двумя шрифтами — по Брайлю и плоскопечатным — с помощью принтеров).

РГБС активно сотрудничает с международными библиотечными организациями. В августе 1992 г. Г. П. Дилянская выступила с докладом «Деятельность библиотек для слепых в помощь образованию инвалидов по зрению и ликвидации неграмотности» на международном семинаре секции библиотек для слепых ИФЛА, проходившем в Индии. РГБС также участвовала в Евразийском форуме гуманитарных сил (секционное заседание Круглого стола под девизом «Через библиотеки — к согласию народов и величию Человека»).

Новая нормативно-правовая основа культурной сферы, изменения в регламентации деятельности библиотеки предоставили ей возможность участвовать в решении социально значимых задач, имеющих общегосударственное значение. Так, были подготовлены и внесены в Министерство культуры и Верховный Совет РФ предложения и замечания к проектам законов о культуре, о библиотеках, национальных библиотеках, обязательном экземпляре. В конце 1992 г. авторский коллектив при РГБС завершил разработку Российской программы «Система библиотечного обслуживания инвалидов в РФ». Осуществляется экспериментальная проверка программы. Организовано 9 библиотечных пунктов в Восточном, Центральном и Южном округах Москвы, в двух территориально-первичных организациях ВОИ, Доме культуры для инвалидов «Надежда», институте

искусств для инвалидов и т. д. РГБС передала в экспериментальные базы 45 магнитофонов и 295 названий «говорящих» книг. Проведено изучение информационных потребностей читателей-инвалидов в базовых библиотеках. Таким образом, РГБС расширяет свои функции, включая в круг обслуживаемых не только слепых, но и других инвалидов, нуждающихся в литературе специальных форматов.

Библиотеки для слепых в Москве с самых первых шагов своего существования служили делу милосердия, добра, любви к ближним. Они возвращали многим несчастным людям утраченную возможность общаться с книгой. Несмотря на все перипетии истории, они последовательно выполняли эту высокогуманную функцию. Их дальнейшая судьба, успех деятельности во многом зависят от поддержки и понимания как со стороны государства, так и широких кругов общественности.

З. П. КОЛЫБИНА

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ В УСАДЬБЕ ВЯЗЁМЫ

Пятого августа 1918 г. в Совнарком за подпись исполняющего обязанности наркома Комиссариата имущества республики было направлено письмо следующего содержания: «Комиссия по охране памятников искусства и старины при Московском Совдепе, получив сведения о намерении в Вязёмы поместить штаб дивизии, убедительно просит ввиду высокой художественной ценности библиотеки и собраний художественных отменить это размещение и назначить другое место, например, усадьбу Гудович»¹. Как исключительная ценность, подлежащая национализации, вязёмское книжное собрание охарактеризовано в описи частновладельческих библиотек, составленной отделом научных библиотек при Наркомпросе².

Ценность библиотеки, собиравшейся в течение двух столетий, предопределила ее дальнейшую судьбу. По решению Московского библиотечного отдела Наркомпроса библиотека кн. Голицыных в количестве 25 000 томов в 1919 г. была вывезена в Московский государственный книжный фонд. По свидетельству работников

библиотечного отдела, которые видели книжное собрание во всей полноте, его репертуар был довольно обширным: французская беллетристика и научные книги XVIII в., искусство, география, путешествия, мемуары, сельское хозяйство, история, книги по военным вопросам, религия, журналы русские и иностранные, коннозаводство и спорт³. В Книжном фонде вязёмская библиотека была разукомплектована и частями передана в будущую Государственную библиотеку, в Исторический музей, в 1-й, 2-й, 3-й Московские университеты и в Социалистическую академию*.

Реконструкция книжного собрания кн. Голицыных из усадьбы Вязёмы необходима, ведь, по сообщениям дореволюционных библиографов и историков литературы⁴, в библиотеке хранились уникальные издания. Реконструкция и изучение книжного собрания расширили бы знания о частных книжных коллекциях, добавили новые штрихи к историческим портретам владельцев усадьбы.

В настоящее время в фондах центральных библиотек ведется активная работа по выявлению и систематизации личных книжных собраний. Надежда на положительный результат этой работы применительно к вязёмской библиотеке чрезвычайно мала, так как книги рассеяны в фондах разных книгохранилищ и по частным собраниям и экслибриса или какого иного знака владельца на вяземских книгах не обнаружено. Единственным внешним признаком, по которому можно установить принадлежность книги к вязёмской библиотеке, является штамп Государственного книжного фонда на форзаце с надписью «Библиотека Голицына. Вязёмы» и инвентарным номером. Опознать вязёмские книги в инвентарных книгах библиотек практически невозможно, так как в качестве источника поступления в лучшем случае указан Государственный книжный фонд.

* 2-й МГУ в 1930 г. был реорганизован в три самостоятельных учебных заведения: МГПИ им. В. И. Ленина, 2-й Медицинский институт им. Н. И. Пирогова и Московский институт тонкой химической технологии им. М. В. Ломоносова. Социалистическая академия существовала с 1918 по 1936 гг., при ее ликвидации все учреждения, институты и пр. были переданы АН СССР.

К началу XX в. вязёмская библиотека представляла собой как бы два книжных собрания: иностранное и русское. Первое, большее по объему, включало книги на французском, английском, немецком, итальянском, латинском и греческом языках. Эти книги находились в самой большой, средней, комнате нижнего этажа главного усадебного дома. Русское собрание занимало круглую залу в верхнем этаже⁵.

Целью начального этапа изучения книжного собрания кн. Голицыных является попытка «реконструкции» русской части библиотеки. Конечно, при сложившихся условиях о физической «реконструкции» даже малой части библиотеки говорить не приходится. Однако отдельные сохранившиеся документы и свидетельства позволяют конкретизировать наши представления о ее составе, объеме и происхождении.

Огромный интерес представляет рукописный «Каталог русской библиотеки кн. Б. В. Голицына»⁶.

Князь Борис Владимирович Голицын (1769—1813), военный по воспитанию и образованию, среди своих современников был более известен как «покровитель муз». В 1810 г. по его инициативе частные литературные собрания в Петербурге стали публичными, превратившись в знаменитую «Беседу любителей русского слова». В литературе именно за кн. Б. В. Голицыным закрепилась репутация основателя вязёмской библиотеки⁷.

Каталог русской библиотеки в отделе рукописей ориентированно датирован 1802—1805 гг. Каталог составлен по отраслям знаний и разбит соответственно на 12 отделений. Внутри отделений перепись велась бессистемно: часто без указания автора, но почти всегда с указанием места, года издания и количества наличных томов. Довольно часто встречаются неполные или искашенные названия.

В каталог занесено 374 наименования изданий гражданской печати, что составляет около 800 томов. Самый ранний экземпляр датируется 1721 г., самый поздний — 1804 г.

В ходе работы с каталогом в результате сопоставления годов выхода в свет перечисленных в каталоге изданий

Библиоман. Старинная гравюра.

с числом томов, имевшихся в библиотеке на момент описи, была уточнена дата его составления. Это либо конец 1803 г., либо самое начало 1804 г. Тогда же библиотека, по-видимому, была разбита на отделения.

Принципиальным вопросом исследования стал вопрос о происхождении данного книжного собрания, так как прямого указания на его местонахождение в рукописном каталоге нет. Для прояснения ситуации и подтверждения правомерности привлечения «Каталога» в качестве источника исследования была прослежена динамика поступления литературы в библиотеку в зависимости от года издания книг вкупе с тщательным рассмотрением их тематики. Оказалось, что первое крупное поступление, за которым последовало ежегодное пополнение книжного собрания, пришлось на 1766—1767 гг., хотя резкое увеличение изданий в стране началось раньше — в 1762 г.⁸. Зато второе мощное увеличение выпуска печатной продукции, отмеченное в 1787—1788 гг. и связанное с издательской деятельностью Н. И. Новикова, весьма заметно сказалось на резком увеличении поступления книг в библиотеку.

Очевидно, отдельные несоответствия между динамикой выпуска печатной продукции и динамикой поступления книг в библиотеку объясняются неустойчивой связью хозяев со своим имением вплоть до середины 60-х гг. XVIII в., когда Вязёмы наследует князь Николай Михайлович Голицын (1729—1800?), заботливый и деятельный хозяин, при нем книжное собрание пополнялось регулярно.

Важно также и то, что часть книг рукописного каталога, начиная с самых ранних, соответствует по времени и согласуется по тематике с конкретными обстоятельствами жизни князей Голицыных. Наиболее представительными в этом смысле являются книги военной тематики и хозяйствственные.

Есть и другие факты, косвенно подтверждающие принадлежность каталога к вязёмской (а не московской) библиотеке кн. Б. В. Голицына, а также то, что книги накапливались в усадьбе постепенно, на протяжении XVIII в.: едва ли кн. Б. В. Голицын, унаследовав Вязёмы в 1803 г., сразу же смог собрать здесь библиотеку.

Во-первых, в двух из пяти списков подписчиков встречается имя кн. Н. М. Голицына. Во-вторых, хорошо известно бурное увлечение кн. Б. В. Голицына историей родного отечества, коллекционирование книг по русской истории. Однако этот интерес проявился после его отставки (1807 г.)⁹. В каталоге же 1803—1804 гг. четверть всех книг преимущественно по русской истории. Такое временное несовпадение может объясняться тем, что многие из этих книг уже были в усадьбе.

В-третьих, все периодические издания каталога за очень небольшим исключением укомплектованы полностью. Приобрести полный комплект повременного издания по прошествии нескольких лет после его выхода в свет было бы непросто, так как, в отличие от книжного, тиражи периодических изданий постоянно приводились в соответствие с ожидаемым спросом.

Таким образом, став владельцем Вязём в конце 1803 г., князь Б. В. Голицын, по всей видимости, добавляет к уже имевшемуся в усадьбе книжному собранию свои книги, и тогда же проводится перепись библиотеки.

Описанные в «Каталоге» книги носят сугубо гуманистический характер. Большую их часть составляют сочинения по истории (24,3%). Здесь были труды И. Н. Болтина, И. И. Голикова, М. В. Ломоносова, П. И. Рычкова, В. К. Тредиаковского, М. Д. Чулкова, кн. М. М. Шербатова, летописи и летописцы, «Древняя российская вивлиофида» Н. И. Новикова. Внушительно собрание книг по географии и книг с описанием путешествий (13,6%). Среди них такие, как «Дневные записки» И. И. Лепехина, «Путешествие по России» С. Г. Гмелина, «Путешественные записки» В. Ф. Зуева, «Записки путешествия по западным провинциям Российского государства» В. М. Севергина, «Описание всех в Российской государстве обитающих народов» И. И. Георги, «Географическое методическое описание Российской империи» Х. А. Чеботарева.

Почти четверть всех книг (23,8%) представлена беллетристическими сочинениями. Среди отечественных авторов мы найдем имена Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина, В. В. Капниста, А. П. Суматохи.

ропова, М. В. Ломоносова, В. И. Майкова, Е. И. Ко-
строва, М. М. Хераскова. Из переводов отметим про-
изведения Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, И. В. Гете, Августа
фон Коцебу, Ж. Ф. Мармонтеля, Г. Филдинга, Дж. Мак-
ферсона, Ж. Флориана; античная литература представ-
лена творениями Вергилия, Анакреонта, Гомера. Помимо
«высокой» литературы в библиотеке были, но в меньшем
объеме, приключенческие, волшебно-фантастические ро-
маны, повести и сказки.

Обширно отделение под названием «Юридические сочинения и Указы» (12,3%). Довольно много было книг по военному делу (13,6%): штаты, уставы, указы, книги по военному искусству, что неудивительно, так как все владельцы усадьбы в свое время состояли на военной службе. Небольшим в библиотеке был раздел с литературой по сельскому хозяйству, домоводству, медицине и т. п. (3,7%). Также немногочисленно собрание книг по русской словесности (3,5%). Но среди них встречаем примечательные издания: «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова, «Словарь Академии Российской», «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова. Мизерно количество религиозных работ и философских сочинений; литература французского Просвещения исчерпывается художественно-философскими сочинениями Вольтера и Руссо.

За 10 лет князь Б. В. Голицын значительно пополнил книжное собрание, превратив его в подлинную сокро-вищницу книжных редкостей. Библиотека стала известна среди широкого круга знакомых и родственников князя. Сохранилась специальная книга выдачи¹⁰, где зафиксирована выдача книг в 1811—1812 гг. В нее занесено 19 читательских фамилий. Кроме самого князя Б. В. Голицына, за которым записано наибольшее количество книг, среди читателей мы встречаем фамилии ближайших родственников князя: младшего брата Дмитрия Владимировича, родных сестер — Екатерины Владимировны, жены С. С. Апраксина, и Софьи Владимировны, жены графа П. П. Строганова, двоюродной сестры Прасковьи Ивановны Мятлевой. К библиотеке обращались также

В. Л. Пушкин, дядя А. С. Пушкина, историк, филолог и археограф Р. Ф. Тимковский, Б. К. Данзас, в то время еще мальчик, а в будущем лицей, знакомый А. С. Пушкина. В выданных числятся главным образом иностранные книги; русских только семь, четыре из них изданы до 1803 г. К сожалению, они отсутствуют в рукописном каталоге, вполне вероятно, вследствие его неполноты.

Довольно любопытны расписки о взятых из вяземской библиотеки книгах¹¹. Среди них примечательна недатированная расписка К. Ф. Калайдовича, который студентом преподавал кн. Б. В. Голицыну русскую историю, в том, что им взяты «История российская» кн. М. М. Шербатова (это издание проходит по каталогу 1803—1804 гг.), «Драматический вестник» (издавался в 1808 г.) и один документ.

Ценным носителем информации о русской библиотеке является рукописный каталог 1844 г. Как и первый, он был составлен незадолго до смерти князя Дмитрия Владимира Голицына (1771—1844)¹². Интересно отметить, что до вступления в право наследства его сын, кн. Борис Дмитриевич, имел здесь же, в вяземском доме, свою, отдельную от отцовской библиотеку, со своим каталогом¹³. Этот каталог обнаружить не удалось.

Книги в рукописном каталоге 1844 г. объединены в большие комплексы в зависимости от языка, на котором написаны. Против названия книги указан ее инвентарный номер, количество томов и номер шкафа. Инвентарный номер соответствовал номеру на бумажной наклейке на верхней крышке книги, а номер шкафа — номеру на бумажной наклейке на корешке. Об этом можно судить по нескольким иностранным изданиям из вяземской библиотеки, хранящимся в фондах Государственного историко-литературного музея-заповедника А. С. Пушкина (Большие Вязёмы — Захарово). В шкафах, а их было 43 (два из них — библиотека Бориса Дмитриевича), книги стояли беспорядочно, и при переписи их просто брали с полки в том порядке, в каком книги стояли. Каждому экземпляру был присвоен свой номер. Нередки дублеты, инвентарные номера которых следуют не друг за другом, что было бы логично при регистрации. Ди-

тантное внесение в каталог дублетных изданий еще раз свидетельствует о том, что каталог составляли по порядку расположения книг на полках. Однако если составителю каталога удавалось вспомнить дублетный экземпляр, он делал ссылку: «См. №...».

Русская часть библиотеки размещалась в шкафах с 33 по 36-й включительно под инвентарными номерами с 4301 по 5499-й, причем часть инвентарных номеров оказалась пропущенной. Всего по каталогу числится около 890 наименований, что составляет примерно 3300 томов. Больше всего книг по истории (20%), военному делу (15,9%), географии (10,3%), праву (7,3%). Велика доля книг по вопросам экономики, финансов, государственного управления (6,7%). Библиотека отражает деятельность и интересы владельца усадьбы кн. Д. В. Голицына, известного героя Отечественной войны 1812 г., генерала от кавалерии и государственного деятеля, снискавшего доброе имя среди современников во время пребывания на посту главнокомандующего Москвы в 1820—1844 гг.

В библиотеке много беллетристики (11,6%), меньше изданий по филологии (5,3%). Совсем небольшим количеством книг представлены философия, религия, естественные науки, медицина, искусство. Широк спектр периодических изданий.

Величайшей ценностью библиотеки являлся комплекс книг гражданской печати петровского времени (43 единицы). Среди них назовем наиболее редкие, такие как: «Побеждающая крепость» (1708), «Архитектура воинская» (1709), «Юности честное зерцало» (1717), «Апостегмата» (1712).

Важным этапом при работе с каталогом была его сверка с каталогом 1803—1804 гг., в ходе которой выяснилось, что больше половины (217) изданий из каталога библиотеки кн. Бориса Владимировича занесены и в каталог библиотеки кн. Дмитрия Владимировича, причем некоторые издания числятся в двух и даже трех экземплярах. Наибольшее число совпадений зафиксировано по разделам истории, географии, беллетристики, права и военного дела. Скорее всего, повторные экзем-

пляры, может быть и не все, появились после того, как кн. Д. В. Голицын, унаследовав имение в 1813 г., объединил усадебную библиотеку со своим книжным собранием. В каталоге 1844 г. обнаружены два издания, идентичные изданиям, занесенным в книгу выдачи.

Из позднейших свидетельств о русской библиотеке известует, что в ней были и старопечатные книги XVII в., например: сочинение И. Я. фон Вальхаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», изданное в Москве в 1647 г., единственное для своего времени печатное издание по истории Русского государства — «Синопсис» Иннокентия Гизеля (Киев, 1678) и др.; а также представляющие большую редкость издания, напечатанные по приказу Петра I в Амстердаме: «Книга учащая Морского плавания» (1701), «Новая Чертежная Книга содержащая Великую реку Дон» (1703—1704), «Номенклятор (Лексикон) на русском, латинском и голландском языках» (1700), «Феатр, или Зерцало монархов» (1710). Когда эти книги попали в библиотеку? Были ли они наследием первого владельца Вязёма из рода Голицыных, воспитателя Петра I — князя Бориса Алексеевича... Документальных подтверждений этому пока нет.

Таковы итоги начального этапа работы по «реконструкции» русской библиотеки кн. Голицыных в усадьбе Вязёмы.

Л. В. ЮРЧЕНКОВА

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ИИИОНа (1918—1925)

В июне 1918 г. на заседании Совнаркома обсуждался вопрос о принятии положения о Социалистической академии, проект был одобрен и передан во ВЦИК, декретом которого от 13 июля 1918 г. за № 49 проект был утвержден¹. Новое учреждение — Социалистическая академия общественных наук при ВЦИК Советов — должно было объединить и сплотить работников научного социализма РСФСР для создания научного интернационала и стать научным центром по разработке теории марксизма и новых научных задач, поставленных Октябрьской революцией². Первоначально Социалистическая академия состояла из двух секций: научно-академической и учебно-просветительской. Одновременно с утверждением положения о Социалистической академии общественных наук были избраны 45 членов академии.

Президиум академии одним из первых своих постановлений принял постановление о создании библиотеки и включении в нее Голицынского и Танеевского собраний

и обратился во ВЦИК с просьбой о содействии. Циркуляр ВЦИК был разослан во все губернии России.

Циркуляр ВЦИК «Всем губернским и уездным городским Совдепам» от 2 октября 1918 г. за № 814 гласил: «Социалистическая академия приступила к образованию обширной библиотеки, которая должна служить для нужд пролетариата...

Ввиду означенной цели и принимая во внимание, что во многих реквизированных бывших помещичьих имениях и домах имеются иногда очень ценные собрания книг, *<они>* могли бы быть использованы для целей просвещения широких народных масс и научных работников Социалистической академии³.

Одним из первых документов, составленных первым заведующим библиотекой Социалистической академии профессором А. Д. Евтихиевым, было письмо в Народный комиссариат по просвещению: «...просить Библиотечный отдел сделать распоряжение, чтобы все книги из реквизированных библиотек на иностранных языках социального содержания поступали в распоряжение Социалистической академии общественных наук (САОН) для пополнения библиотеки⁴. Одновременно с этим документом были составлены письма и в другие комиссариаты с просьбой высыпать в академию «имеющиеся старые и вновь выходящие издания, как книги, так и повременные издания⁵. В «Известиях ВЦИК» от 26 сентября 1918 г. было напечатано объявление, предлагающее всем типам и учреждениям подавать в академию заявления «о продаваемых ими библиотеках и в целом и в частях, а также отдельных коллегиях книг по специальным вопросам⁶. Библиотека Социалистической академии, в штате которой согласно временному уставу был один библиотекарь и два помощника библиотекаря, была создана для обслуживания ученых академии. Социалистическая академия получила помещение бывшей Практической академии коммерческих наук на Покровском бульваре, 5, где на первом этаже несколько комнат было отведено для библиотеки.

Общественные науки — это было принципиально новое понятие, вытекавшее из совершенно новых обще-

5 Зак. № 445

ственных условий. Впервые в России создавалась государственная библиотека по общественным наукам. В основном библиотека была скомплектована из реквизированных коллекций книг из бывших помещичьих имений и домов, а также некоторых ценных книжных собраний.

С октября 1918 г. в библиотеку стали поступать через Секретариат президиума академии сведения из губерний России о наличии книг⁷. И хотя существует легенда о том, что с мест в Москву в САОН потекло огромное количество книг, в делах библиотеки имеются в основном стандартные отписки: либо «...конфискованные в Казани и окрестностях библиотеки в настоящее время не разобраны и поэтому Русская секция по народному образованию не может дать определенного ответа...»⁸, либо «...при погромах помещичьих усадеб книги были расхищены неизвестными лицами...» (г. Сапожок Рязанской губернии)⁹, либо «...точных сведений о библиотеках в бывших помещичьих усадьбах Новгородский губернский отдел пока еще не имеет, в настоящее время им производится регистрация и учет означенных библиотек»¹⁰.

Часто встречается и такого рода информация (из г. Львова от 17 декабря 1918 г.): «...сообщаем, что книги есть из бывшей библиотеки князя Барятинского, но ввиду того, что они на иностранных языках, ценности их установить невозможно...»¹¹, или «...из полученных в настоящее время от местных совдепов сведений видно, что на местах имеются на иностранных языках библиотеки, причем местные Совдепы затрудняются в оценке значения этих библиотек, не имея для того соответствующих специалистов...»¹², или «...книги иностранных авторов имеются и будут отданы с условием, что расходы будут покрыты академией» (Руза)¹³.

Большие трудности были связаны с отбором и доставкой книг: не хватало специалистов, средств для командировок, для транспортировки книг. Таким образом, с одной стороны, существовала проблема установления наличия книг, с другой стороны, библиотека не располагала достаточными средствами и достаточным количеством специалистов со знанием иностранных языков для отбора книг на местах.

Поэтому, несмотря на многочисленные постановления правительственные учреждений, как, например, протокол № 93 заседания коллегии Народного комиссариата по просвещению от 18 ноября 1918 г., который требовал: «...7а) Передать САОН библиотеку бывшей Государственной Думы, переименовать ее в библиотеку САОН»¹⁴, книги задерживались и не передавались под любым предлогом; не редкость в делах библиотеки и такие отчаянные телеграммы: «Петроград. Астория. Гуревичу. Везите, что можете. Рейснер*¹⁵.

Постановлением президиума Моссовета рабочих и крестьянских депутатов за № 14409 библиотеке САОН разрешалось «...производить обследование библиотек и вывозить книги на иностранных языках и редкие на русском языке и рукописи в город Москву из домов и имений: Ильиной (Бронницкого уезда), санатория Узкое (Московского уезда), санатория Васильевское (Рузского уезда), имения Голицына «Петровское». Заведующие домами и санаториями должны оказать полное содействие по осмотру и вывозу книг»¹⁶.

Показательна история с вывозом книг из имения Голицына «Петровское». В делах библиотеки о заседаниях библиотечного совета в течение трех месяцев встречаются записи типа: «Слушали: Сообщение В. Б. Модестовой (сотрудница библиотеки. — Л. Ю.) о том, что она была у т. Енукидзе, но не застала. Постановили: Просить... еще раз, можно ли получить грузовик для вывоза книг из «Петровского»¹⁷.

Трудности возникли при передаче в библиотеку САОН книжного собрания В. И. Танеева**, находившегося в его бывшем имении Демьяново Клинского уезда. Для перевозки этой библиотеки в Москву был командирован старший помощник библиотекаря т. Титаренко с надлежащими полномочиями. «По прибытии на место нахождения библиотеки в районе Давыдовского волостного совдепа т. Титаренко с разрешения предста-

* Рейснер — действующий член САОН, президиума САОН, курировал библиотеку.

** В.И.Танеев (1840—1921) — русский общественный деятель, юрист, философ.

вителя местной волостной власти принял подготовительные меры по перевозке библиотеки: заготовил свыше 50 ящиков и свез их в помещение библиотеки для укладки в них книг, а также намерен был приступить к их упаковке. В это время явился представитель местного Давыдковского Совета и заявил, что не позволит перевозить библиотеку до тех пор, пока все книги числом свыше 15 тысяч не будут переписаны и приняты по особой описи. САОН просит устранить препятствия со стороны волостных властей¹⁸. По поводу библиотеки В. И. Танеева в САОН также писали из Клинского уездного исполкома с просьбой оставить библиотеку на нужды уезда¹⁹.

Полна драматических перипетий история приобретения библиотекой САОН книжного собрания профессора В. В. Святловского. Книги были подарены профессором САОН, и президиум САОН ходатайствовал перед исполнкомом Адмиралтейской трудовой коммуны Петрограда «об охране ценных книг, рукописей и предметов искусства»²⁰. Однако В. В. Святловский был обвинен в принадлежности к кадетской партии, и все его имущество было опечатано, а на библиотеку был наложен арест. Об этом говорится в телеграмме В. В. Святловского в академию, в которой он просит подтвердить его личность и засвидетельствовать, что он никогда к кадетской партии не принадлежал²¹.

Библиотека САОН способствовала сохранению коллекций. Например, на заседании библиотечного совета обсуждался вопрос о том, что С. С. Кривцовым (действительный член САОН, член президиума САОН, ученый секретарь) получены сведения о расхищении библиотеки С. И. Щукина из щукинского особняка по Малому Знаменскому переулку. Библиотечный совет постановил: «Поручить Г. И. Иванову (сотрудник библиотеки) принять меры к спасению библиотеки»²². Для того чтобы проинспектировать библиотеку Де-Роберти, находившуюся в Старицком уезде, зав. библиотекой А. Д. Евтихиев писал в библиотечный отдел Народного комиссариата по просвещению с просьбой о командировании своего комиссара для осмотра библиотеки. Ко-

миссариат, в свою очередь, писал в Петроград зав. библиотекой Государственной Думы А. Э. Конге с просьбой отправиться в г. Старицк для выяснения ценности библиотеки покойного профессора Де-Роберти, национализированной уездным Совдепом²³.

С января 1919 г. библиотечный отдел Народного комиссариата по просвещению начинает планомерную работу по комплектованию библиотек через книжный фонд, составленный на основе конфискованных библиотек. Об этом библиотека САОН была оповещена циркуляром от 11 января 1919 г.²⁴. В январе 1919 г. была также проведена первая библиотечная сессия в Народном комиссариате по просвещению²⁵, в повестке дня которой, кроме общих вопросов библиотечной политики, вопросов, связанных с расширением государственных книгохранилищ, с созданием сводного каталога, стоял доклад А. И. Калишенского «О положении академических библиотек».

Основная работа по комплектованию фондов библиотеки Социалистической академии была перенесена в Книжный фонд, в котором собирались конфискованные библиотеки²⁶.

Из собраний, положивших в 1918 г. начало библиотеки САОН, наиболее крупными были:

- часть библиотеки бывшего Катковского лицея (около 10 000 томов);
- библиотека бывшей Практической академии коммерческих наук (около 27 000 томов);
- библиотека В. И. Танеева, результат свыше полу века собирательства высокообразованного коллекционера, подбравшего наиболее выдающиеся сочинения по социологии и социализму. В нее входили: коллекция утопических романов, считавшаяся единственной в России, коллекция портретов, в частности, 800 портретов эпохи первой французской революции. Заведующий библиотекой член президиума Социалистической академии Давид Борисович Рязанов (Гольдендах) охарактеризовал библиотеку В. И. Танеева как «прекрасную и великолепную» коллекцию²⁷. К сожалению, в 1919 г. библиотека Танеева была целиком передана в Институт Маркса — Энгельса.

В 1919 г. в библиотеку САОН перешли следующие собрания:

- материалы библиотеки бывшего Биржевого комитета (около 30 000 томов), содержавшей книги по русской промышленности, торговле, статистике, городскому хозяйству;
- библиотека Литературно-художественного кружка (около 10 000 томов);
- революционный архив Исторического музея, насчитывающий около 1500 единиц нелегальных заграничных и российских изданий.

Позднее в библиотеку Социалистической академии поступили:

- экономическая библиотека И. М. Гольдштейна (свыше 4000 томов);
- книги по экономике и статистике из собрания А. А. Мануилова;
- религиозно-философская и политэкономическая библиотека С. Н. Булгакова;
- собрание книг А. Е. Тесленко;
- собрание книг Бурыжкина;
- библиотека П. С. Когана-Гриневича;
- библиотека П. Н. Колокольникова (Дмитриева) (комплект периодических изданий с 1905 г.);
- 572 книги из Румянцевской библиотеки с пометками Ленина (позднее были переданы в Институт Ленина);
- коллекция белогвардейской литературы — книги, газеты, журналы времен А. И. Деникина из Ростова-на-Дону;
- библиотека Я. Е. Егорова (около 30 000 томов), книги по археологии, иконографии, искусству;
- другие коллекции.

В июле 1919 г. Социалистическая академия, с апреля 1919 г. значительно сузившая свое поле деятельности, которое теперь ограничивалось разработкой научной теории социализма, переехала в дом № 1 по Шереметевскому переулку. Штат библиотеки насчитывал уже 10 сотрудников. Однако в начале ноября Социалистическая академия вновь переезжает, на улицу Знаменка, дом № 11.

На первых порах в библиотеке существовала кабинетная система, которая была отражением структуры

самой академии. Кабинеты стали научно-исследовательскими лабораториями для ученых академии, и впоследствии на базе этих кабинетов были созданы соответствующие секции академии. Система кабинетов включала кабинет Маркса, кабинет истории социализма и анархизма на Западе, кабинет политической экономии, кабинет философии, кабинет международных отношений, кабинет истории Англии, Франции, Германии, кабинет истории России, кабинет II и III Интернационала, кабинет рабочего вопроса, кабинет экономики, кабинет мировой войны и внешней политики, кабинет литературы и искусства. Книги отбирались в кабинеты согласно тематике, литература непрофильная сдавалась в общий фонд, в дальнейшем — фундаментальную библиотеку. Кабинетная система в библиотеке Социалистической академии была предложена и внедрена в жизнь при Д. Б. Рязанове, который считал необходимым превратить библиотеку в творческую лабораторию ученого. Это было приемлемо лишь на первых порах деятельности библиотеки, когда зав. кабинетом хорошо знал свои фонды и мог оперативно оказать помощь читателю в поиске литературы. Однако книжный фонд библиотеки быстро рос, кадров катастрофически не хватало, и система разрозненных неучтенных фондов привела к тому, что работа ученых была, наоборот, затруднена. Идея Д. Б. Рязанова, считавшего, что в библиотеке ведется только работа по изучению содержания литературы, исключающая чисто библиотечную работу с книгой, со временем изжила себя, но любые попытки реорганизовать структуру библиотеки наталкивались на противодействие президиума академии, так как они не соответствовали организационному плану самой академии. К 1921 г., по мере того, как в библиотеке увеличивалось число читателей и количество литературы, все яснее становилась и для руководства библиотеки, и для руководства академии невозможность дальнейшего построения библиотеки без четкой системы учета и обработки литературы. В середине 1921 г. на одном из заседаний библиотечного комитета библиотеки Социалистической академии в докладе С. Д. Масловского, члена библиотечной секции Моссовета, «О реорганизации библиотеки академии»

говорилось: «На очереди стоит приведение библиотеки в «библиотечный» вид. Все базируется в настоящее время на памяти служащих. Механической помощи нет, так же, как и документации.

Первоочередной задачей является централизация инвентаризации и каталогизации книг и журналов. Все поступающие в библиотеку академии книги и журналы должны обязательно проходить через инвентарь и получать свою основную карточку, причем периодические издания, получать должны и дополнительные карточки по содержанию. Эти дополнительные карточки должны немедленно передаваться в соответствующие кабинеты. Фундаментальная библиотека должна быть переведена на механическую систему»²⁸.

В 1918 — 1921 гг. библиотеку возглавляли научные сотрудники академии — профессора А. Д. Евтихьев и Н. М. Попов, Д. Б. Рязанов, в профессиональном плане мало знакомые с организацией библиотечного дела. В результате экспериментов с кабинетной системой книжные фонды превратились в «беспорядочные, вышиной до сажени наложенные на полу груды книг»²⁹. В докладе президиума Социалистической академии от января 1922 г. отмечается: «Громадное количество литературы, забракованное кабинетами или оказавшееся в количестве, превышавшем их потребности, в полу хаотическом состоянии содержалось в подвале, где годами и пребывали в состоянии полнейшего хаоса целые комнаты забракованных книг и газет. При разборе этих книжных завалов было найдено большое количество ценных книг».

Во второй половине 1922 г. начинаются значительные перемены в положении и деятельности библиотеки. Этот период положил начало новому этапу в жизни библиотеки Социалистической академии, на котором библиотека заложила основы своей структуры, упорядочила фонды, завоевала место в библиотечной системе не только Москвы, но и России и на котором произошел заметный положительный сдвиг в самосознании ее сотрудников.

Именно в этот период была отлажена система комплектования, начата планомерная работа по инвентаризации и созданы предпосылки для развития сети функциональных отделов библиотеки.

До 1924 г. в библиотеке был создан лишь один функциональный отдел — отдел приема литературы³⁰(1921 г.). Причем первоначально он только распределял литературу по соответствующим кабинетам без всякого учета. Инвентаризация книг и журналов была начата задолго до организации отдела приема, но велась с перерывами и несистематично. В начале 1922 г. отдел приема приступил к составлению актов на получаемые книги и сосредоточил у себя всю инвентаризацию, разбросанную до того по разным кабинетам. Связь между актами приема и инвентаризацией была установлена только с марта 1923 г., когда новая система актов связала единым номером акт приема с инвентаризацией³¹.

Активная работа по перестройке библиотеки связана во многом с заведующей библиотекой, вновь назначенной в феврале 1923 г., — Генриэттой Карловной Дерман. Согласно удостоверению, хранящемуся в архиве РАН, Г. К. Дерман была командирована в библиотеку 7 февраля 1923 г.³² Г. К. Дерман получила специальное библиотечное образование в Бостонском колледже (США) и имела опыт библиотечной работы в славянском отделе крупнейшей библиотеки США — библиотеке Конгресса³³. Ей предстояло решить сложную задачу — сформировать специальную библиотеку по общественным наукам, фонды которой наиболее полно отражали бы политическое положение СССР в первые послереволюционные годы, историю и теорию Октябрьской революции, международное положение СССР и его экономическое развитие. Необходимо было создать подобранный фонд печатных материалов для исследовательской работы: источники, исследования и справочники по тематике общественных наук, мало отраженной в дореволюционных книжных собраниях, как, например, экономическая теория, экономическая политика, статистика, рабочее движение, рабочий вопрос, история социализма, аграрный вопрос, экономическая и социальная история.

Прекрасный организатор и квалифицированный профессионал, Г. К. Дерман стремилась построить работу библиотеки таким образом, чтобы библиотека стала составной частью аппарата того научного учреждения, в

которое она входила, — Коммунистической (с 1924 г., с 1918 — Социалистической) академии, но на научных библиотековедческих основах. «Новая научная библиотека должна активно участвовать в ее работе путем планомерного подбора литературы, именно той, которая нужна академии; ее обработке и систематизации именно таким образом, как это нужно интересам академии; путем выполнения необходимой справочной работы и составления профильных библиографических работ»³⁴. На библиотеку возлагалась, таким образом, организация условий научной работы, гарантировавших наиболее полное ее использование с минимальными затратами на предварительную подготовительную работу.

В 1923 — 1924 гг. структура библиотеки академии кардинально изменилась. Постепенно выделились следующие функциональные отделы: отдел приема литературы, осуществлявший инвентаризацию, учет и распределение книг, отдел комплектования, отдел хранения, справочный отдел, отдел каталогизации, отдел научной систематизации, отдел библиографии. В 1923 г. под руководством зав. библиотекой был разработан подробный производственный план по систематической работе с собранными в библиотеке коллекциями и организационно-технической работе с фондом библиотеки³⁵.

В штате библиотеки к концу 1923 г. было уже 68 сотрудников³⁶. Весной 1923 г. был создан отдел каталогизации из 10 постоянных работников. Работа по каталогизации была начата еще в конце 1921 г., но выполнялась нерегулярно — сотрудниками, занятыми и другой библиотечной работой. Незначительный штат, недостаток опытных и квалифицированных сотрудников, отсутствие твердой системы каталогизационных правил и инструкций, ошибки, неизбежные при устной передаче от одного библиотекаря к другому установившихся решений в том или другом каталогизационном вопросе, — все эти обстоятельства отражались на работе, поэтому составленные в трех кабинетах алфавитные каталоги к 1925 г. уже нуждались в коренной переработке³⁷.

Быстрый рост фондов и необходимость обеспечения доступности книжных богатств библиотеки определили

важность правильной организации каталогизационных работ при единстве применяемых в работе методов.

Первой крупной работой отдела каталогизации было описание всех периодических изданий, имевшихся в библиотеке. В первую очередь были зарегистрированы все журналы профессиональных организаций, затем партийные издания, экономические, исторические журналы, журналы по философии и искусству, литературные и ведомственные издания, центральные и местные журналы.

Описание журналов вели на карточках регистрационного типа. Но кроме необходимых в этом случае данных: названия журнала, подзаголовка, указания редактора, места издания — на карточке проставляли сведения о всех изменениях в названии и подзаголовке, времени выхода и прекращения издания журнала, числе вышедших номеров, смене редакторов и т. п. Особой тщательности в этом отношении требовало описание периодических изданий центральных и местных советских учреждений с 1917 по 1924 г. Название периодики часто менялось, а издание переходило от одних учреждений к другим, прекращали свою деятельность одни учреждения и возникали взамен другие, с новыми названиями, продолжавшие издание того же журнала. Отсутствие указателей и справочников по данному периоду значительно затрудняло работу. Особого подхода и сложной обработки требовали нелегальные журналы. В этом случае устанавливалась подробная история журнала, разыскивали указания о месте издания, о настоящем редакторе, фамилия которого часто являлась вымышленной, об издателе, которым в основном были различные партийные организации и группы; в последнем случае необходимо было установить их точное название. Эта работа проводилась по указателям партийной литературы, по пособиям по истории партий, наведением справок у тех, кто принимал участие в том или ином журнале. Все полученные справки заносили в особые картотеки.

При описании русских и иностранных периодических изданий правительственные и общественные учреждений и организаций, научных учреждений, международных

обществ, партий и т. п. впервые в библиотеке Комакадемии был применен метод коллективного автора³⁸. Вопрос о его применении при составлении заголовка описания до тех пор был мало разработан теоретически, и такое описание не встречалось в российской библиотечной практике. В основу этого метода были положены англоамериканские правила и специальная инструкция по описанию периодических изданий: Library of Congress Guide to the cataloging of Periodicals. Prepared by M. W. MacNair.— Washington, 1920. В процессе самой работы в американские нормы описания вносили изменения и дополнения, например, описание периодических изданий международных обществ вызывало столько затруднений, что в библиотеке выработали специальную инструкцию для описания вышеуказанных изданий³⁹.

В процессе каталогизации выяснились размеры и состав имеющихся в библиотеке отечественных и иностранных периодических изданий, алфавитные каталоги открыли для читателей возможность широкого использования периодики, а в коллективе появилась группа квалифицированных профессионалов-кatalogизаторов, знакомых с новейшими достижениями в своей области. Каталогизация журнальных фондов была лишь первым этапом, который был завершен к концу 1924 г., и с начала 1925 г. отдел каталогизации приступил к каталогизации всего книжного фонда библиотеки. Для этого были сформированы четыре группы сотрудников отдела по проведению каталогизации: 1) экономической литературы, 2) литературы по периоду первой русской революции 1905—1907 гг.; 3) литературы о Ленине и ленинизме; 4) текущей литературы⁴⁰.

Централизованная каталогизация текущих поступлений началась с февраля 1925 г. по инициативе библиотеки Комакадемии и объединила четыре московские библиотеки: Комакадемии, 1-го Московского университета, архива Октябрьской революции, Института Ленина⁴¹.

Начинание это возникло благодаря тому, что библиотеки нашли рациональным объединить в одном месте описание изданий, входящих в комплект обязательного экземпляра, и получать готовые карточки, вместо того

чтобы одни и те же издания описывать самостоятельно в каждой библиотеке. Преимущество централизованной каталогизации заключалось еще и в том, что описание производилось единообразно, согласно последним достижениям каталогизационной теории и практики, и должно было способствовать созданию предметных каталогов и разработке предметных рубрик. Работа по созданию предметного каталога, осложнив дело централизованной каталогизации, так как разработку предметных рубрик пришлось вести с самого начала, в то же время придала особый смысл всему заданию, заинтересовав библиотеки возможностью создать у себя предметные каталоги по единому плану⁴².

Таким образом, задачей централизованной каталогизации явилось описание изданий, входящих в комплект обязательного экземпляра, установление для них предметных рубрик и снабжение библиотек, входящих в объединение, готовыми карточками для словарного (предметного) каталога, напечатанными на пишущей машинке. Однако кроме этой главной работы на централизованную каталогизацию было возложено библиотекой Комакадемии описание и других поступлений, получаемых библиотекой, то есть книг на русском языке, поступающих не только через Книжную палату РСФСР, но и непосредственно от издательств, учреждений, а также других книжных палат, и книг, выпываемых из-за рубежа. С самого начала при введении централизованной каталогизации администрация библиотеки Комакадемии рассчитывала на присоединение библиотеки им. Ленина и на сосредоточение в ней всего комплекса централизованной каталогизации, однако библиотека не спешила принять участие в этой акции.

В феврале 1925 г. в библиотеке Комакадемии выделили отдел систематизации, который должен был разносторонне обрабатывать поступающую в библиотеку литературу⁴³. Первоначально в отделе числилось два сотрудника, к концу года стало 10. В отделе систематизации книга, поступившая из отдела каталогизации, снабженная каталогизационной карточкой, получала индекс классификации по схемам библиотеки Конгресса с

проставлением шифра на карточке и на книге, затем на книгу составлялась предметная рубрика, под которой дополнительная карточка (предметная) включалась в словарный (предметный) каталог. Первое время литература, подлежащая обработке, распределялась между сотрудниками отдела количественно, без разделения по дисциплинам. Это было обусловлено, во-первых, недостатком сотрудников, во-вторых, необходимостью подготовки разносторонних работников. Затем отдел систематизации перешел на распределение литературы между сотрудниками по дисциплинам, при этом удалось достигнуть достаточно узкой специализации по отдельным вопросам и отраслям знания, что позволило ускорить темпы и повысить качество работы, устраниТЬ пестроту в формулировках и неточности в классификации⁴⁴.

Создание предметного каталога в России было новым начинанием и не имело ни традиций, ни многолетнего опыта. Это привело к тому, что все сложные вопросы о принципах построения каталога, о технике работы, общие и частные, выносились на обсуждение предметных заседаний, которые объединяли представителей четырех библиотек: библиотеки Комакадемии, Книжной палаты, 1-го МГУ, Центральной библиотеки. Заседания эти, «предметные понедельники», проводились в помещении библиотеки Комакадемии⁴⁵. Основным вопросом, вынесенным на обсуждение, был вопрос: нужно ли сочетать в каталоге принцип предметности с систематизацией и как это можно сделать? Некоторая систематизация была признана неизбежной и необходимой, иначе материал, «характерный для данного явления и органически с ним связанный, искусственно от него отрывался и распылялся по отдельным рубрикам»⁴⁶. К такого рода материалам была отнесена литература по истории, экономике, географии, государственному строю и политической жизни страны, которую было признано необходимым группировать под обозначением страны. Это было принято единогласно. Разногласия возникли при определении, что именно и сколько нужно систематизировать. Одни специалисты предлагали сугубо предметную классификацию, стремились индивидуально выделять явления,

другие склонялись к значительной систематизации и объединению материала в некоторых областях. В результате была выработана формула, объединившая оба подхода:

1. Под названием страны, государства, местности, города собирали книги, основной задачей которых являлось описание этой страны, ее прошлого и настоящего в общем и целом. Кроме того, под названием страны ставили книги, содержанием которых являлась характеристика данной страны и описание таких широких групп явлений, как, например, история этой страны, ее народное хозяйство, политический строй.

2. Книги, описывавшие те или иные отдельные элементы, процессы или явления, происходившие или происходящие в данной стране, ставились не под названием страны, а под словом, обозначавшим данное явление или событие.

3. В тех случаях, когда появлялось сомнение, написана ли книга для характеристики по существу отдельного предмета в рамках взятой местности или ее задачей является характеристика данной местности в отношении предмета, рекомендовалось показать эту книгу и читателю, интересующемуся предметом, и читателю, интересующемуся местностью. В таком случае пользовались системой перекрестных ссылок, то есть, если книгу ставили под названием местности, соответствующая ссылка давалась под рубрикой предмета, и наоборот.

4. Дублирование карточек допускалось только в тех случаях, когда в данной книге одинаково характеризовался как предмет, так и местность⁴⁷.

После выработки этой формулы была создана историческая комиссия для разработки рубрик по истории. В первую очередь были разработаны рубрики по истории России XIX в. и по истории революционного движения в России.

«Предметные понедельники» занимались также разработкой терминологии для предметного каталога. Так, например, детально обсуждался вопрос, как обозначить хозяйственную и экономическую жизнь страны в целом: термином «народное хозяйство» или «экономическое по-

ложение». В результате был принят термин «экономическое положение»⁴⁸.

В ноябре 1925 г. была создана предметная комиссия, менее громоздкая по составу, на обсуждение и решение которой выносили различные «казусы»: вопрос о формулировке рубрики (например, как обозначить литературу об антисоветских подлогах, белогвардейскую печать)⁴⁹; вопросы о дифференциации некоторых отделов литературы⁵⁰; об объединении под названием страны того или иного вопроса или о выделении его предметом с делением или без деления по странам и местностям (например, ставить «Краеведение СССР» или «СССР — Краеведение», ставить ли «Колонизацию» предметом или под названием страны и пр.).

Помимо предметной обработки отдел систематизации классифицировал поступающую литературу по системе классификации библиотеки Конгресса США. Эта схема, удачно сочетающая буквенные и цифровые обозначения, построенная систематически, но с группировкой материала по странам, была достаточно гибкой, растяжимой и удобной для приспособления к условиям России в тех случаях, когда оно требовалось. Вашингтонская схема впервые применялась в российских библиотеках и не была переведена на русский язык. Отдельные ее части, например раздел русской истории, требовали значительной переработки. Многие ее разделы, в частности социализм, коммунизм, анахизм, вовсе не были разработаны, а отдельные вопросы экономики, психологии, политики, социологии и др. отличались специфически американским подходом.

Таким образом, перед отделом систематизации стояла важная задача адаптации схемы библиотеки Конгресса к российским условиям. Это была планомерная переработка схем для пользования в российских библиотеках: перегруппировка стран, более детальная разработка отдельных вопросов и внесение частных изменений в различные отделы схемы. Работа предстояла очень сложная.

Как новое начинание в СССР, предметный каталог библиотеки Комакадемии вызвал большой интерес в библиотечной среде. В библиотеку приезжали специа-

листы из Ленинграда, Узбекистана, Азербайджана, Грузии, Сибири⁵¹ для ознакомления с работой по ведению предметного каталога. Внимание к предметному каталогу Комакадемии было столь велико, что при Центральном доме работников просвещения возник кружок, руководимый сотрудниками отдела систематизации библиотеки Комакадемии, и со временем он стал одним из наиболее посещаемых библиотечных кружков⁵².

Кабинетная система, сыгравшая в свое время, при отсутствии каталога, определенную роль в истории библиотеки, стала к 1922 г. пройденным этапом. В первоначальном виде кабинетная система не удовлетворяла больше требованиям, предъявляемым к рациональному хранению литературы и обслуживанию читателей. Библиотека стояла перед задачей организации единого книгохранения, из которого литература по требованию читателей поступала бы во временное пользование в кабинеты, используемые уже не как книгохранилища, а как специальные читальные залы, обеспечивающие благоприятные условия для работы с книгой для научных сотрудников академии.

Реорганизация кабинетной системы была начата с реорганизации фундаментальной библиотеки⁵³.

К 1922 г. фундаментальная библиотека находилась в очень тяжелом положении. Переезды библиотеки в Шереметевский переулок и на Знаменку проходили при недостаточном штате библиотекарей и в не приспособленные под библиотеку помещения, в то же время в библиотеку вливалось такое количество новой литературы, что ее не успевали обрабатывать. Все эти причины вызывали полную дезорганизацию и в хранении, и в пользовании библиотекой. Подход к использованию книжного материала был следующий: наиболее актуальную литературу отбирали в кабинеты, весь оставшийся массив — дублеты и литература, которая не заинтересовала кабинеты, — составил основу фундаментальной библиотеки⁵⁴.

В организационном отношении фундаментальная библиотека из-за чрезвычайной пестроты своих собраний долго не могла решить вопрос о том, как строить свои

отделы — параллельно кабинетам (вплоть до того, что зав. кабинетом должен был курировать соответствующие отделы в фундаментальной библиотеке) или же по другому плану. Строить книгохранение по образцу кабинетов оказалось невозможно, так как в кабинетах не было единой схемы систематизации материала и структура каждого кабинета была строго индивидуальна. Но все-таки в фундаментальной библиотеке наметились два больших отдела: отдел отечественной и всеобщей истории и отдел общественных наук, объединяющий литературу по экономике, рабочему вопросу, правоведению и политическим проблемам⁵⁵.

Установлению связи между собраниями помогла начавшаяся в 1923 г. инвентаризация и формулярная опись книг. В том же году была введена и система классификации по образцу библиотеки Конгресса. Параллельно в фундаментальной библиотеке были выделены периодические издания, положившие начало газетному и журналному подотделам⁵⁶.

С зимы 1922 г. была начата кропотливая работа по сортировке и выделению газет и журналов, в основной массе хранившихся до того неразобранными. В 1923 г. эта работа была завершена, и газетный и журналный подотделы официально начинают раздельное существование.

Местный отдел фундаментального книгохранилища возник из отдела, который в 1922 г. назывался журнальным залом и в котором собирались журналы исключительно местных издательств послереволюционного периода. В 1925 г. и книги местных издательств были переведены в этот отдел.

При организации отдела была поставлена задача — собрать в одном месте все издания, опубликованные местными (не центральными) издательствами, начиная с 1917 г., независимо от содержания этих изданий. При этом преследовались две цели: перспектива составления специальной библиографии в связи с краеведческим уклоном литературы, а также практическая целесообразность и техническое удобство такого выделения литературы. Материал в местном отделе систематизировался

по территориальному признаку (журналы имели предметной классификационной единицей губернию, а книги — округ), что очень удобно при комплектовании подобной литературы.

Тогда же в особую группу в фундаментальном книгохранилище были выделены правительственные и ведомственные издания послереволюционного периода⁵⁷.

Был разработан подробный план⁵⁸ полной реконструкции фундаментального книгохранилища. Универсальный характер книгохранилища требовал единообразия и централизации работы: наличия единого каталога, расположения всех книг по единой классификационной схеме и т. п. Согласно этому плану разрозненные, до сих пор органически не связанные между собой систематические отделы книгохранилища должны были быть объединены в основное собрание — фундаментальное книгохранилище.

Обслуживание читателей в библиотеке Комакадемии с первых дней ее организации велось в читальном зале, который был открыт еще в помещении на Покровском бульваре. С переездом библиотеки в Шереметевский переулок совпало создание кабинетной системы Д. Б. Рязанова, и вновь читальный зал был создан лишь в 1921 г. В основу книжного фонда читального зала был положен кабинет Западной Европы, довольно обширный по составу литературы. Каталог в читальном зале, как и в кабинетах, не было, так что читатель мог ориентироваться в общей массе книг лишь благодаря открытому доступу к полкам. Перестройка всей работы библиотеки в 1923 — 1924 гг. дошла до читального зала и кабинетов. Был создан каталог книг читального зала и кабинетов, проведена техническая обработка литературы: инвентаризация, введены книжные формуляры, кармашки, на克莱ки с кеттеровским знаком; книги были расставлены согласно системе классификации, зашифрованы. Также была проведена обширная «чистка» содержательного состава книг в кабинетах и читальном зале⁵⁹.

Читальный зал вел активную выставочную работу: за 1924 г. было проведено 12 книжных выставок, в том числе посвященные революции, памяти Ленина, денежной реформе, Парижской Коммуне и др.⁶⁰.

Развивались связи библиотеки Комакадемии с другими библиотеками Москвы: в 1925 г. был установлен межбиблиотечный абонемент с Публичной библиотекой СССР им. Ленина, с библиотекой Института Маркса — Энгельса, Института Ленина, с библиотекой Коминтерна⁶¹.

В 1925 г. «в целях научно-библиографического выявления литературы по наиболее важным вопросам общественно-политических и историко-экономических дисциплин»⁶² был образован отдел библиографии. Первыми задачами отдела стали: сбор всей литературы по истории первой русской революции, всей имеющейся в библиотеке литературы о Ленине и работа по определению авторов анонимных произведений и раскрытию псевдонимов, главным образом в подпольных изданиях.

В течение трех лет в библиотеке была полностью перестроена вся работа: были выделены функциональные отделы, которые централизовали и унифицировали все библиотечные процессы. Были разработаны инструктивные и методические материалы, определившие основные принципы работы: положение о совете библиотеки Комакадемии, положение о библиографическом отделе библиотеки, бланк ежемесячного статотчета для кабинетов и инструкция по его заполнению, правила пользования читальным залом, инструкция по расстановке карточек в алфавитном каталоге, инструкция по постатейному расписыванию журналов, инструкция о порядке обработки дублетов⁶³.

Администрация библиотеки активно занималась организацией научной работы. Причем особого внимания требовали начинания в области библиографического описания и систематизации книг.

Для успешного функционирования всех подразделений библиотеки был создан совет библиотеки, проводились совещания с представителями секций и институтов академии. Для непосредственного методического руководства библиотечными процессами служили производственные совещания (например, технические совещания), каталогизационная комиссия, предметная комиссия.

Совет библиотеки функционировал в качествесовещательного органа в помощь директору библиотеки, он

был создан в феврале 1925 г., состоял из сотрудников библиотеки, руководителей отделов. На совете библиотеки регулярно обсуждались планы работы библиотеки, проекты по реорганизации ее работы, инструктивные и методические материалы⁶⁴.

С 1925 г. в библиотеке действовали и технические совещания, задачей которых была предварительная разработка тех или иных вопросов библиотечной техники. К примеру, 4 сотрудника должны были разработать бланк ежемесячной статистической отчетности для читального зала и кабинетов и выработать инструкцию по заполнению данного бланка. Технические совещания разрабатывали методические вопросы, организационно-технические нововведения (формы библиотечной документации), рассматривали вопросы унификации библиотечных процессов, координации деятельности отделов библиотеки⁶⁵.

Таким образом, к концу 1925 г. библиотека академии вступила в конструктивный период. Постепенно она стала библиотекой, обладающей бесценными фондами, стройной структурой, четкой системой учета, развитой методической базой, а главное, она обладала уже бесценными людскими ресурсами, подготовленными кадрами квалифицированных специалистов.

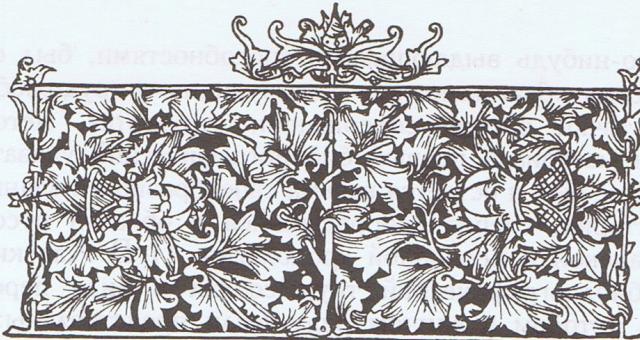

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ БИБЛИОТЕК
МОСКВЫ

Дом А. П. Толстого, где умер Н. В. Гоголь,
ныне — библиотека его имени. Гравюра А. Мищенко.

Л. Я. ШРАЙБЕР

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ МОСКВЫ

БИБЛИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ О МОСКВЕ

Москва относится к тем объектам краеведения, которые в числе первых привлекли внимание библиографов. Составленный П. В. Хавским и изданный в 1839 г. «Указатель источников истории и географии Москвы» Н. В. Здобнов упоминает в «Истории русской библиографии» не только как типичный для Центральной России по содержанию, но и как вообще первый крупный указатель краеведческой литературы, изданный в России на русском языке.

Петр Васильевич Хавский (1783—1876), человек по происхождению «не родовитый», начал свою служебную карьеру в скромной должности подкопииста (переписчика) в земском суде, а ушел в чине тайного советника, поднявшись, таким образом, на одну из высших ступеней чиновничьей иерархии царской России.

Исключительной по тем временам карьерой, официальным признанием как ученого-историка и юриста П. В. Хавский, «не получивший образования и только знавший грамоту» и не обладавший, по мнению современников,

сколько-нибудь выдающимися способностями, был обязан своему «благомыслию» и незаурядному трудолюбию.

С точки зрения содержания, структуры, методов подачи материала первый библиографический указатель о Москве был и остается весьма своеобразным изданием.

Историк, специализировавшийся в области русской гражданской и церковной хронологии, П. В. Хавский и свой библиографический труд создал в виде перечня дат, в котором в едином ряду были представлены:

- 1) исторические даты с отсылками* к печатным или архивным источникам, а иногда и без таких отсылок;
- 2) книги о Москве (под датой издания);
- 3) книги московской печати начиная с изданий Ивана Федорова;
- 4) различного рода пояснения, примечания, фактические справки по поводу отдельных дат или книг.

Первый указатель литературы о Москве является, по существу, и первым указателем изданных в Москве книг. Пестрота содержания, несовершенное (без намека на единообразие) и зачастую недостаточно полное библиографическое описание, отсутствие справочного аппарата, тяжелый и архаичный язык, которым написаны предисловие, примечания и пояснения в тексте, — все это весьма затрудняло работу с указателем П. В. Хавского даже его современникам.

И вместе с тем указатель представляет интерес как своеобразная попытка сочетания хронологической таблицы с библиографическим пособием. Интересно и, на наш взгляд, в целом правильно решает П. В. Хавский некоторые методические вопросы применительно к специфике московедческой библиографии. Касается это прежде всего отражения, наряду с литературой, посвященной собственно Москве, также литературы о России в целом, об отдельных событиях, территориально с Мос-

* Отсылки даются к «Полному собранию законов Российской империи» (примерно 1/3, т. е. более 700), к «Истории русской иерархии» (около 200), к «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, к «Месяцесловам Академии наук» (примерно по 100), к «Московским ведомостям» (около 100), к «Материалам Археографической экспедиции и Археографической комиссии и др. Более четверти упоминаемых дат сопровождается указаниями на документы из фондов московских архивов.

кой не связанных, но (как, например, завоевание Казани при Иване Грозном) сыгравших важную роль в истории Русского государства и, следовательно, его столицы. Краеведческая библиографическая деятельность П. В. Хавского не ограничилась изданием «Указателя источников истории и географии Москвы». Сведения о московедческой литературе приводятся и в других его работах — «Указатель дорог от Кремля Московского», «700-летие Москвы», или Указатель источников ее топографии и истории за 7 веков», 2-е и 3-е издания этого же труда под названием «Древность Москвы»*, «Об источниках истории Москвы и императорского Московского университета».

Уже в пореформенный период, в начале 60-х гг., указатель литературы о Москве и Московской губернии пытается составить Николай Петрович Бочаров (1832—1912), секретарь образованного в 1851 г. московского губернского статистического комитета. Собранную им картотеку (около 5000 карточек) Н. П. Бочаров, уходя с поста секретаря губернского статистического комитета, оставил своему преемнику. Сведений о дальнейшей судьбе этого начинания, едва ли не самого крупного в дореволюционной библиографии Москвы, выяснить пока не удалось.

С именем Н. П. Бочарова связан также первый список книг «местного отдела» одной из московских библиотек, а именно — библиотеки Московского губернского статистического комитета.

В развитии краеведения и краеведческой библиографии пореформенной Москвы значительную роль сыграла Московская городская Дума. Наиболее ценные мероприятия в этой области относятся к периоду между принятием двух основных законов, касавшихся городского самоуправления, а именно — закона от 15 июня 1870 г. и закона от 11 июня 1892 г.

В 70—80-е гг. в число депутатов (гласных) Думы избирались такие видные представители дворянской и

* В «Русском биографическом словаре» в статье о П. В. Хавском ошибочно указано, что «700-летие Москвы» и «Древность Москвы» переиздания «Указателя источников истории и географии Москвы». Ошибка повторена затем Н. В. Здобновым, К. Р. Симоном и другими авторами.

буржуазной интеллигенции, как видный специалист по вопросам городского хозяйства, историк и библиограф Москвы М. П. Щепкин*, известный ученый-археолог А. С. Уваров** и другие.

В конце 70-х гг. Московская городская Дума, по выражению библиографа Ивана Федоровича Токмакова (1856 — после 1915***), «возымела благую мысль положить первое основание для составления исторического описания Москвы» и начала публиковать на страницах своего официального органа «Известий» архивные документы и статьи по ее истории.

В 1880 г. под названием «Опыт российской библиографии о Москве» был опубликован «Указатель материалов для изучения истории, археологии, этнографии и статистики Москвы с ее достопримечательностями» И. Ф. Токмакова****.

И. Ф. Токмаков попытался составить указатель всех печатных материалов о Москве, включая книги, журнальные и газетные статьи, карты, планы, изопродукцию и пр., а также всех рукописных документов, хранящихся в государственных и частных архивах и коллекциях Москвы, Петербурга и других городов.

Грандиозный замысел молодого архивиста и библиографа едва ли может быть отнесен к числу реально выполнимых, особенно если учесть, что в указателе учитывалась литература и рукописи не только о Москве,

* Митрофан Павлович Щепкин (1832—1908) — либеральный профессор политической экономии Петровской земледельческой и лесной академии, в 1870 г. был уволен с государственной службы за сочувственный некролог А. И. Герцена. В дальнейшем — «выдающийся деятель Московского городского общественного управления», составитель первого из серий указателей к протоколам Московской городской Думы.

** С именем Алексея Сергеевича Уварова (1828—1884) связана организация в 1864 г. Московского археологического общества, основание в 1883 г. Московского исторического музея и др.

*** К 1915 г. относится последнее прижизненное упоминание имени И. Ф. Токмакова в печати.

**** Работа над библиографией литературы о Москве была начата И. Ф. Токмаковым еще в 1876 г. изданием небольшой сводки рукописей о Москве, выявленных в фондах Московского архива Министерства юстиции, в котором в должности библиотекаря (директора библиотеки) состоял И. Ф. Токмаков.

но и о Московской губернии — по истории, статистике, этнографии и археологии, о природных условиях, городском хозяйстве, промышленности, здравоохранении и пр.

Очевидно, поскольку И. Ф. Токмаков сам осознавал это, он публиковал собранный им материал по мере выявления либо в библиотеках и архивах, либо (и это наиболее характерно) в ранее изданных указателях, списках, описях архивов. В последнем (восьмом) выпуске перечислены и кратко охарактеризованы фонды библиотек и архивов (главным образом Петербурга и Подмосковья), в которых материал о Москве и Московской губернии представлен более или менее широко, но не отражен в каталогах и описях.

Всего в указателе приведено около четырехсот пятидесяти книг, тысячи статей, двухсот рукописей, пятидесяти изданных и рукописных нот, атласов, планов Москвы, сборников гравюр, рисунков и пр.

Сколько-нибудь точный подсчет числа библиографических единиц, приведенных в указателе, представляет большие трудности. Описания отдельных книг повторяются, под одним номером приводится по нескольку описаний. Описание ряда сборников (в том числе многотомных) сопровождается подробным оглавлением либо перечнями рубрик, относящихся к Москве и Московской губернии, выписанных из прикнижных топографических, географических, предметных указателей. Из описания не всегда ясно, что именно описано — печатное издание или рукопись (особенно это относится к описаниям фактографических материалов).

Далеко не совершенный труд И. Ф. Токмакова представляет собой, по существу, бессистемное собрание библиографических записей. Алфавит авторов либо первых существительных заглавия (эти «ударные» слова даются, как правило, в разрядку) внутри отдельных списков, из которых указатель составлен, лишь в незначительной степени облегчает ориентировку и разыскание нужной литературы*.

* В структуре указателя, как и в его первоначальном названии, ставшем названием одного из разделов («Опыт российской библиографии о Москве»), можно усмотреть подражание В. С. Сопикову.

Указатель И. Ф. Токмакова, как и указатель П. В. Хавского, ни в коей мере не решал проблему универсальной или общеисторической библиографии литературы о Москве. Тем не менее в 80—90-е гг., насколько нам известно, не предпринималось дальнейших более или менее значительных по своим масштабам попыток составления аналогичных указателей.

Московедческая литература нашла в эти годы отражение лишь в местном отделе небольшого печатного каталога библиотеки статистического отдела Московской городской управы, в одном из выпусков книготоргового каталога антикварного магазина П. Шибанова, в указателях к содержанию местных (в первую очередь дамских) изданий (о них — ниже) и ряде прикнижных и пристатейных списков.

Отметим, что ни в одном из печатных каталогов московских общественных и местных библиотек (а их сохранилось несколько десятков) местный отдел не выделен, литература о Москве отсутствует либо представлена случайными изданиями.

В 1905 г. с предложением издать составленный им трехтомный указатель о Москве обратился в Московскую городскую Думу известный тогда библиограф Ю. Ю. Битовт. Однако Дума после долгих обсуждений его предложения отказалась взять на себя расходы, связанные с изданием указателя. Аналогичный отказ за несколько лет до этого встретило предложение И. Е. Забелина опубликовать за счет Думы его труд по истории Москвы.

И еще одна попытка подготовить к печати библиографический труд по истории Москвы была предпринята организованной в конце 1909 г. при Московском археологическом обществе комиссией «Старая Москва». В предреволюционные годы эта попытка не пошла дальше собирания картотеки книг, статей, изоматериалов о Москве и ближайших окрестностях*.

* Судя по сохранившимся протоколам заседаний комиссии, историком И. Я. Стеллецким, библиофилом и коллекционером Э. В. Готье, архивистом И. С. Беляевым и другими активными членами комиссии было собрано несколько тысяч карточек, не нашедших в дальнейшем какого-либо применения.

С деятельностью официальных учреждений и первых краеведческих организаций Москвы были связаны и первые попытки составления не только ретроспективных, но и текущих библиографических пособий. Попытки эти, как и аналогичные начинания в отдельных губерниях России, оказались малоэффективными. Свелись они к публикации нескольких разрозненных списков книг и брошюр, поступивших в библиотеки Московского губернского статистического комитета и Московской земской управы, а также сводок литературы по истории Москвы и Московской губернии за 1903 и 1904 гг. в «Трудах Комиссии по изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии».

В дореволюционной России первоначально в виде внутрикнижных или внутри журнальных списков и обзоров зарождается и краеведческая рекомендательная библиография. Появление ее связано с развитием музеино-экскурсионного дела, стремлением передовых педагогов связать школьное обучение с жизнью, сделать преподавание более наглядным, а процесс приобретения знаний учащимися более творческим и активным.

Составленный известным библиографом и библиотековедом Антоном Иеронимовичем Калишевским (1853—1925) «Библиографический обзор литературы по истории и археологии Кремля» содержит квалифицированную и обстоятельную, в ряде случаев критическую оценку рекомендуемой экскурсоводам литературы. Рекомендательный характер носят также списки в 1-м томе популярного справочника «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» и ряд других прикнижных и при журнальных списков.

БИОБИБЛИОГРАФИЯ УРОЖЕНЦЕВ И ДЕЯТЕЛЕЙ МОСКВЫ

Специфика столиц как объектов краеведения уже в дореволюционные годы сказалась в том, что среди библиографических указателей о Москве и Петербурге (а общее число их, как увидим далее, было весьма значительным) не было ни одного, претендующего на

сколько-нибудь широкий и полный охват имен исторических деятелей, деятелей науки, литературы, искусства и пр., связанных с этими городами (не говоря уже о городах вместе с соответствующими губерниями).

Обусловлено отсутствие такого рода изданий, очевидно, тем, что со столицами более или менее тесно, на протяжении если и не всей жизни, то многих лет, были творчески и биографически связаны почти все выдающиеся люди России, оставившие след в ее истории.

Биобиографический словарь москвичей или петербуржцев, будь он составлен аналогично, например, известным словарям уроженцев Рязанской, Нижегородской, Пермской и других губерний, в значительной мере дублировал бы содержание словарей, охватывающих Россию в целом.

Зато в столицах, с их по тем временам многочисленными учебными заведениями, научными учреждениями и обществами, архивами, музеями и пр., большое внимание уделялось изданию словарей, посвященных членам отдельных творческих коллективов. Такого рода изданий, по неполным данным труда И. Г. Кауфмана, до революции вышло по Петербургу около 60 и по Москве около 30 (по другим городам — максимум 5—6)*.

Как и в наше время, составление большинства подобных словарей было связано с юбилейными датами.

Зарождение московедческой биобиографии следует отнести к 1819 г.— ко времени выхода первой части сборника «Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского университета русскими профессорами оного с краткими жизнеописаниями». В 1820—1821 гг. вышли вторая и третья части этого издания. Во всех трех частях приведены биографические

* К числу московских и петербургских нами отнесены все учреждения и организации, штат которых целиком или главным образом состоял из постоянных жителей соответствующих городов. К научным учреждениям Петербурга не отнесена Академия наук. Чисто биографические справочники или списки имен, не содержащие сведений о литературе (например, московские и петербургские «некрополи», перечни личного состава каких-либо учреждений и пр.), здесь не учитываются, поскольку являются справочными, но не справочно-библиографическими изданиями.

очерки, посвященные наиболее известным профессорам, в тексте очерков указаны их произведения.

В 1855 г. издан целый ряд словарей, в том числе посвященные первому учебному заведению Москвы — Славяно-Греко-Латинской академии и Московскому университету, в связи со столетием последнего.

Деятельность университета нашла и в дальнейшем отражение в биобиографии. Преподавателям его факультетов и кафедр, членам состоящих при нем научных обществ, учителям и питомцам университетской гимназии, университетским клиникам и др. посвящено около четверти всех связанных с дореволюционной Москвой биобиографических пособий.

Фундаментальнейшее из них — двухтомный «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета за истекшее столетие со дня учреждения...».

Словарь включает биографии и автобиографии двухсот шестидесяти лиц, в том числе таких выдающихся ученых, как В. А. Басов, Н. И. Железнов, И. Е. Забелин, Ф. И. Иноземцев, Н. Э. Лясковский, М. А. Максимович, М. Я. Мудров, К. Ф. Рулье и др. Поскольку большинство ведущих преподавателей университета вели курсы и в других учебных заведениях Москвы (Лазаревском институте восточных языков, Московском отделении Медико-хирургической академии, московских гимназиях и др.), постольку словарь может в какой-то мере рассматриваться и как пособие об ученых Москвы в целом.

В отношении имен ряда ученых XVIII — первой половины XIX в. «Биографический словарь» остается единственным источником сведений. В тексте биографий приводятся и основные труды преподавателей университета. Сведения о литературе по теме (кроме отдельных ссылок к источникам) отсутствуют.

Крупнейшими и наиболее активно работавшими из числа созданных при университете научных обществ были Общество истории и древностей российских (основано в 1804 г.), Московское общество испытателей природы (основано в 1805 г.), Общество любителей

российской словесности (основано в 1811 г.), Общество любителей естествознания (основано в 1866 г.) и др.

Биографические данные о членах этих обществ (главным образом москвичах), об их участии в организуемых обществами исследованиях, их печатные и, частично, неопубликованные работы, литература о них — все это нашло отражение на страницах биобиблиографических справочников. В «Словаре членов Общества любителей российской словесности при Московском университете» перечислены выступления членов общества, публикации их работ в изданиях общества и пр. Среди других интереснейших материалов мы найдем в этом словаре описание обстоятельств, связанных с избранием в число членов общества А. С. Пушкина и его отказом принять звание члена общества в связи с одновременным избранием Ф. В. Булгарина.

Изданы также словари преподавателей других высших учебных заведений Москвы — Межевого института (позже Институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии), Технического училища (позже МГТУ им. Баумана), Петровской землемельческой и лесной академии (позже Московская сельскохозяйственная академия им. Тимирязева), словари членов московских научных обществ, организованных вне университета (Московского археологического общества, Общества русских врачей, Московского сельскохозяйственного и др.).

Несколько словарей посвящены врачам, работавшим в местных учреждениях Москвы — Военном госпитале, Преображенской, Марьинской, Голицынской больницах и др.

Для краеведа все эти издания представляют интерес тем, что содержат материал для изучения деятельности соответствующих коллективов, их вклада в науку, в культурную жизнь Москвы.

Отдельные словари, например посвященные членам Московского археологического общества, содержат также сведения о книгах, статьях, публикациях архивных документов и пр., посвященных непосредственно Москве, но отсутствующих в указателях московедческой литературы.

К краеведческим биобиблиографическим словарям обычно относят словари, посвященные лицам, связанным с какой-либо территорией по месту рождения или деятельности безотносительно к тому, присутствует ли краеведческий аспект в биографических справках, отборе и характеристике произведений этих деятелей и литературы о них. Краеведческими эти словари делает уже сам принцип отбора имен. Что же касается персональных указателей, то к краеведческой биографии принято относить лишь такие, которые посвящены лицам, жизнь и деятельность которых главным образом связана с данным краем, или если фактический материал и литература отбираются непосредственно с целью отразить эту связь.

К немногим примерам краеведческих персональных указателей, изданных в дореволюционной Москве, можно отнести несколько списков произведений историков Москвы — уже упоминавшихся нами И. Е. Забелина, М. П. Щепкина, «автобиобиблиографические» указатели И. Ф. Токмакова. Последние преследовали и рекламные цели: продажу трудов Токмакова, неоднократно им переиздававшихся.

БИБЛИОГРАФИЯ МОСКОВСКОЙ ПЕЧАТИ

Москве принадлежит особая роль в развитии типографского, издательского дела и журналистики в России.

Москва середины XVI в. явилась родиной русского книгопечатания. Почти все книги России до конца XVII в. издавались в Москве. На заре XVIII в. в Москве начала печататься первая русская газета.

Перестав быть официальной резиденцией русских царей, Москва оставалась «второй столицей», продолжала играть роль крупнейшего культурно-просветительского центра России. Основанная в 1756 г. при университете, газета «Московские ведомости» была первой в России неправительственной газетой. В Москве протекала издательская деятельность выдающегося русского просветителя Н. И. Новикова.

Московскую журналистику первой трети XIX в., отличавшуюся свободомыслием, объединявшую лучших русских писателей и поэтов, публицистов и критиков того времени, А. С. Пушкин ставил выше петербургской. В Москве жили и работали издатели И. Д. Сытин, братья Сабашникова, братья Гранат, К. Т. Солдатенков и др. Издательство Сытина выпускало примерно каждую третью книгу России. Московские издания с начала XIX в. составляли около 60% всей печатной продукции страны.

В 1913 г. в России, по неполным данным Управления по делам печати Министерства внутренних дел, было издано 34 006 книг, 1757 журналов, 1158 газет, в том числе:

В городах	Книг	Журналов	Газет
Петербург	7816	509	119
Москва	6182	238	59
Киев	2019	76	19
Рига	1642	51	36
Одесса	1194	42	38
Вильно	903	52	25
Тифлис	635	43	28
(и т. д.)			

Печать Москвы (как и печать Петербурга) нашла отражение в значительно большем числе библиографических пособий, чем печать других городов и губерний России, в частности, в каталогах книг, выпущенных отдельными издательствами, сводками изданий и публикаций целого ряда организаций и учреждений, указателях к содержанию журналов, газет и пр.

Печатные каталоги московских издательств преследовали в основном рекламные цели. Эти каталоги плохо

* Из них на русском языке 5911.

сохранились и, как правило, слабо представлены в указателях библиографических пособий.

В абсолютных цифрах в Москве издавалось значительно больше краеведческих книг, чем в любом другом городе, кроме Петербурга, в процентном же отношении они составляли ничтожную часть книжной продукции московских издательств. Тем не менее для краеведения каталоги этих издательств представляют интерес. Выявление их в фондах крупных библиотек и архивов и отражение в специальном указателе явилось бы существенной помощью историкам русской книги.

Наглядное представление о том, в какой мере издательство товарищества И. Д. Сытина могло выпускать доступную по цене, понятную, полезную книгу, дает, например, каталог книг этого издательства за один лишь 1915 г. Каталог содержит сотни дешевых учебников, учебных и наглядных пособий для начальной и средней школы, издания русских и зарубежных классиков, исследовательские труды и др.

Что же касается указателей, которые давали бы представление обо всех или хотя бы о большинстве издательств города или губернии, то по России в целом они представлены лишь единичными изданиями, в основном содержащими сведения об издательской деятельности губернских центров — Казани, Харькова, Воронежа и немногих других. По Москве или Петербургу таких указателей не выходило, если не считать труда П. В. Хавского, включавшего московские издания в один хронологический ряд с московедческой литературой, и незавершенного многотомника «Дела московской цензуры в царствование Павла I» под редакцией В. Н. Рогожина.

Дореволюционная периодическая печать Москвы нашла отражение в нескольких небольших пособиях, в том числе «Историческом обзоре» за XVIII — первую половину XIX в., опубликованном в газете «Московский городской листок», и «Сборнике сведений о частных повременных изданиях, выходивших в Петербурге и Москве», составленном по распоряжению Министерства внутренних дел «для руководства чинам управления по делам книгопечатанья».

Основная масса изданных до революции указателей местной печати Москвы, как и местной печати других городов и губерний, приходится на указатели содержания отдельных журналов и газет и указатели изданий московских коллективов.

Например, по одному или нескольку указателей изданы к 111 журналам из числа издававшихся в Москве. При этом внимание библиографов привлекали прежде всего те, которые, подобно «Вестнику Европы» или «Московским ведомостям», сыграли важную роль в общественной жизни Москвы и России в целом, и издания официальных учреждений городского или губернского масштаба, насыщенные краеведческим материалом.

Для большинства губернских центров России такими органами в 40—70-е гг. являлись губернские и частично епархиальные ведомости. Интерес современников к их содержанию определялся, по мнению В. Л. Николаева, тем, в какой мере к изданию этих газет привлекали в качестве корреспондентов и даже редакторов наиболее одаренные и политически активные местные деятели.

Московские периодические издания нашли наиболее полное отражение в специальных посвященных им библиографических указателях «Циркуляры по московскому учебному округу», «Журналы» и «Известия» Московской городской Думы.

Указатель к «Журналам», первый выпуск которого составлен М. П. Щепкиным, и оба дополнения к нему следует отнести к числу лучших в методическом отношении краеведческих указателей не только дореволюционной Москвы, но и дореволюционной России в целом.

Детально и тщательно разработанный основной раздел, в предметных рубриках которого многоаспектно отражены все «восходившие» до обсуждения на заседаниях Думы вопросы, тщательно составленные топографические и именные вспомогательные указатели дают возможность легко выявить материал по любому интересующему историка вопросу городской жизни.

В указателях к «Известиям» Думы, наряду с материалами по организационным и техническим вопросам городского хозяйства вообще, опыту их разработки в

различных городах России и за рубежом, широкое отражение нашла деятельность самой Думы, ее Управы и других учреждений. Значительное место на страницах «Известий», а следовательно и указателей к ним, занимали статьи и публикации, посвященные прошлому и современной жизни Москвы.

Списки и указатели изданий коллективов — учебных заведений, научно-исследовательских учреждений и обществ, архивов, музеев и др. — появились в России почти одновременно с иными разновидностями краеведческой библиографии.

В Москве первые указатели такого рода были изданы во второй половине 40-х гг. XIX в.

С 1846 г. неоднократно издавались продолжающие друг друга сводки трудов Московского общества сельского хозяйства, а с 1847 г. — Общества истории и древностей российских, периодически издавались также списки и указатели трудов и публикаций Археологического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и др.

Как и библиографические словари, указатели издавались главным образом к юбилейным датам с целью подведения итогов научной и издательской деятельности соответствующих коллективов и до наших дней остаются ценным источником для изучения истории высшей школы и науки в России в целом и в отдельных регионах. В числе составителей этих указателей были выдающиеся ученые и известные библиографы И. Е. Забелин, В. К. Трутовской, С. А. Белокуров и др. Указатели изданий Общества истории и древностей российских, Археологического общества и некоторых других содержат также обширные сведения о книгах, статьях и публикациях археографических источников о Москве, в том числе принадлежащих известным ученым того времени.

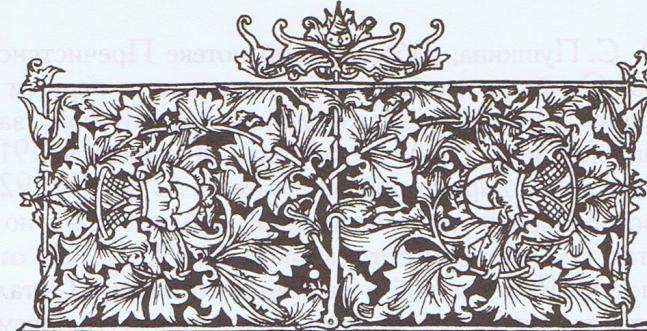
Материалы, связанные с Москвой, оказались представленными в целом менее полно и в методическом отношении менее совершенно, чем во многих некраеведческих источниках текущей и ретроспективной библиографии.

Современным исследователям приходится использовать такие некраеведческие библиографические пособия,

в которых материал об отдельных регионах выделен в особые разделы либо отражен в географических, топографических, предметных или словарных вспомогательных указателях.

Примером пособий такого рода могут служить второе («рогочинское») издание «Опыта Российской библиографии» В. С. Сопикова, «Указатель к русским повременным изданиям и сборникам» и к «Историческому разысканию о них» А. Н. Неустроева, отраслевые перспективные и текущие указатели литературы по географии и истории, составленные В. И. Межовым, указатели к содержанию многотомных трудов по русской истории Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и др., к собраниям публикаций исторических и юридических документов, изданных Археографической комиссией Академии наук, и т. п.

Как дополнительный источник сведений о дореволюционной Москве заслуживают особого внимания коллекции газетных вырезок, и в первую очередь коллекция М. Д. Хмырова, хранящаяся ныне в Государственной публичной исторической библиотеке. В этой коллекции 17 папок (более 500 вырезок) посвящено непосредственно Москве, 4 папки — Московской губернии, в том числе Московскому уезду, часть которого ныне вошла в черту города. Материал о Москве широко представлен и в других папках хмыровской коллекции.

П. С. СОКОВ

А. А. ПОКРОВСКИЙ И ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕК МОСКВЫ

Сегодня отечественное библиотековедение все больше обращается к своим истокам. В связи с этим несомненный интерес вызывает не только судьба тех или иных библиотек, но и лиц, с ними связанных, библиотекарей, меценатов, основателей и организаторов библиотек. Закономерно еще раз обратиться к богатейшему теоретическому наследию одного из виднейших отечественных библиотековедов — Александра Александровича Покровского.

Немало сделал он для организации библиотечного дела Москвы. А. А. Покровский способствовал формированию сети городских библиотек-читален Москвы. В 1910 — 1911 гг. он организовал при библиотеке-читальне им. А. С. Грибоедова кружок городских библиотекарей, вел там активную библиотечную работу, помогая в комплектовании фондов, составлении каталога. В 1913 г. ввел в читальном зале Грибоедовской библиотеки десятичную классификацию в варианте Мелвилла Дьюи с некоторыми дополнениями. С 1 мая 1916 по 10 декабря 1918 г. заведовал в городской библиотекой-читальней

им. А. С. Пушкина, работал в библиотеке Пречистенских курсов. Он был основателем, создателем и первым заведующим Центральной городской библиотекой, затем получившей имя Н. А. Некрасова. 30 декабря 1918 г. был утвержден директором библиотеки, 12 ноября 1927 г. его освобождают от заведования библиотекой, но он остается там научным сотрудником до 1936 г. Он отдал библиотеке 18 лет яркой и насыщенной жизни. Осталась реликвия тех лет — письменный стол, который его приемная дочь З. А. Трояновская передала в дар этой библиотеке в день проведения научно-практической конференции, посвященной 115-летию со дня рождения А. А. Покровского (июнь 1994 г.).

В 1924 г. в Центральной городской библиотеке было предпринято впервые в практике массовых библиотек создание предметного каталога. В декабре 1927 г. Покровский делает доклад от библиотеки «О предметном каталоге» на Всесоюзной конференции по рационализации техники библиотечной работы. В 1928 г. выходит книга А. А. Покровского и Е. И. Шамшиевой «Система рубрик и ссылок предметного каталога» (1928). Занимался А. А. Покровский и сводными каталогами. Еще в 1914—1915 гг. предлагал составить каталог трех крупнейших московских библиотек.

Помимо штатной работы в библиотеках, А. А. Покровский в свободное время занимался рекомендацией книг читателям. В связи с этим нельзя не привести интересный факт из работы В. И. Терешина «Влияние книги на читателя и библиотечная деятельность» (1993): «Как не вспомнить здесь пример замечательного библиотекаря 20—30-х годов А. А. Покровского, который, бывало, с каждой получки зарплаты покупал книги, клал их в мешок и с этим грузом спешил на Казанский вокзал в Москве, покупал билет до какой-либо недалекой станции, садился в переполненный вагон и начинал читать пассажирам вслух книгу, рассказывая о ней, ее авторе, рекомендуя каждому ее непременно дочитать до конца, и оставлял ее пассажирам. Затем шел в другой вагон. Он приезжал домой с пустым мешком. Коллеги называли его «библиотекарем-народником». Многих

людей А. А. Покровский приобщил к чтению, помог в жизни. Его можно сравнить с замечательным библиотекарем Публичной библиотеки Румянцевского музея Н. Ф. Федоровым, который стремился удовлетворить запросы коллег и читателей.

А. А. Покровский писал об истории Гоголевской, Пушкинской библиотек, городской библиотеке им. А. С. Грибоедова, библиотеке-читальне им. И. С. Тургенева и др.

Все библиотеки Москвы находились в ведении члена Московской городской управы, зав. училищным отделением. Согласно требованиям одна библиотека предполагалась на 1000 грамотных жителей Москвы. Ежегодно планировалось открывать 32 библиотеки, но проекты осуществлялись медленно и трудно.

Из работ А. А. Покровского мы узнаем, что в 1911 г. Москва имела две большие бесплатные читальни, четыре больших, открытых каждый день и в течение всего дня библиотек-читален и шесть небольших библиотек при училищах. В 1911 г. новых библиотек в Москве не открывалось. Количество книг в них составляло 84 тыс. экземпляров. Большие библиотеки имели по 10—12 тыс., Грибоедовская — 8 тыс. томов. Приобретали произведения классической художественной литературы, научную и популярную литературу. Городские библиотеки Москвы служили учащейся молодежи, интеллигенции, средним слоям.

В 1911 г. из 30 библиотекарей городских библиотек Москвы 10 человек состояли членами Комиссии библиотековедения Русского библиографического общества при Московском университете.

В 1911 г. записалось в библиотеки 20 тыс., а всего в них насчитывалось 39 тыс. читателей, то есть 3% населения Москвы. Больше всего читателей пользовались Тургеневской читальней — 13 тыс., библиотекой А. Н. Островского — 5 тыс., Грибоедовской — 2 тыс. Спрос на книги: беллетристика — 40%, детские книги — 40%, журналы — 10%, книги научного содержания — 10%. Пользовался спросом отдел истории (лекции В. О. Ключевского и др.), из художественной литературы — Л. Н. Толстой, А. А. Вербицкая.

Интересны сравнительные данные по Москве и Петербургу. В Москве в 1909 г. было 10 городских библиотек и читален, в 1913 г. — 12, в Петербурге в 1909 г. — 16 библиотек-читален, в 1913 г. — 19 библиотек. В Москве в 1909 г. во всех библиотеках и читальнях — 60 тыс. книг, в 1913 г. — 100 тыс., в Петербурге в 1909 г. — 95 тыс., в 1913 г. — 130 тыс. томов.

В Москве в 1909 г. библиотеками выдано 290 тыс. экземпляров и на дом 100 тыс., в 1913 г. — всего около 850 тыс.; в 1914 г. — 938 тыс. томов (на 1 млн. 700 тыс. жителей); в Петербурге в 1909 г. — 255 тыс. и на дом 225 тыс., в 1913 г. — всего 590 тыс. экземпляров книг. Библиотеками пользовались очень много детей.

Расходы на библиотечное дело Москвы в 1909 и 1913 гг. были ниже, чем в Петербурге. В Москве в 1909 г. израсходовано 40 тыс., в 1913 г. — 50 тыс. руб. (увеличение на 25%). В Петербурге в 1909 г. — 60 тыс., в 1913 г. — 90 тыс. руб. (увеличение на 30 тыс., или на 30%).

Благодаря публикациям Александра Александровича сегодня можно воссоздать историю многих московских общественных библиотек-читален, проследить состояние их материально-технической базы, отношение власти к библиотеке и библиотечному работнику, перспективы развития сети библиотек московского региона с учетом западноевропейского опыта.

Отечественная история библиотек знает Л. Б. Хавкину, Н. Ф. Федорова, Н. А. Рубакина, А. Балабанову и многих других. Хотелось бы напомнить и предложить библиотечной общественности, библиотечным обществам, союзам, ассоциациям России впредь присваивать массовым, научным, вузовским и другим библиотекам страны имена видных библиотекарей и библиотековедов.

Достоин памяти и Александр Александрович Покровский.

В. И. ТЕРЁШИН

О ЗАВОДСКИХ БИБЛИОТЕКАХ РОГОЖСКО-СИМОНОВСКОГО РАЙОНА

Рогожско-Симоновский район в начале XX в. был окраиной Москвы. До сих пор у Рогожской заставы стоит столб, указывающий, что «до Москвы две версты». Современная Москва давно перешагнула эту границу и протянулась дальше — до окружной автомобильной дороги. Симоновскую окраину поэтически описал в свое время Н. Карамзин в повести «Бедная Лиза». Были здесь пустыри да леса, в которых терялись деревни Кожухово и Андроньевское, да стояли пять монастырей: Новospасский, Успеньевский, Симоновский, Андроньевский и Покровский. Было два шумных базара у Крестьянской и Рогожской застав. Лишь в конце XIX в. появились первые промышленные предприятия — металлургический завод Ю. П. Гужона (1894), впоследствии получивший название «Серп и молот», и электромеханический завод Вестингаузена (1898), поставленный бельгийской промышленной компанией в овраге на берегу Москвы-реки возле Симоновского монастыря (в советское время названный «Динамо»). Кроме них в районе возникло несколько мелких

заводов: котельный предпринимателя А. В. Бари (1894), химический акционерного общества «Шеринг» (1908), завод стальной и кованой арматуры (1896), несколько обувных фабрик, маленькая типография и др¹. В 1916 г. появились первые мастерские завода АМО. Вокруг создавались рабочие поселки. Большая скученность населения, грязь, невежество, пьянство... Книги проникали сюда с трудом. Здесь было открыто несколько народных заводских библиотек — при заводах Гужона (в конце XIX в.), Бари (1903) и др. Создавались они, как правило, рядом с заводоуправлениями или непосредственно в поселке. Основными в районе были народные библиотеки. Книжные фонды их были скучными. По данным анкет, хранящихся в архиве Московской области, фонд библиотеки завода Гужона за 20 лет увеличился лишь до 2000 экземпляров художественных и духовно-нравственных книг². Технической литературы либо не было в библиотеках совсем, либо было крайне мало — около 2—4%.

Надо заметить, что вообще технической литературы на книжном рынке было мало. В 1913 г. удельный вес технической книги по названиям составил лишь 3,2% всей массы книжной продукции³. К тому же у рогожско-симоновских библиотек не было постоянных средств для систематического приобретения литературы. Около 35% рабочих были малограмотными, а примерно 50% неграмотными. Низкий уровень техники и технологии, нелегкие условия работы не стимулировали у рабочих потребности в чтении технической литературы. Условия труда были особенно тяжелыми на мелких кустарных предприятиях, и на заводе Гужона травматизм был массовым явлением. Рабочие читали очень мало. «Не до того им было после тяжелого трудового дня», — вспоминал рабочий Лысов⁴. Вероятно, свою роль сыграло запрещение приносить книгу на завод. Параграф 10 «Временных правил» для рабочих завода Гужона гласил: «Читать в стенах завода строжайше воспрещается. За нарушение штраф и другие карательные меры вплоть до увольнения⁵. Среди незначительного числа книг по технике, имевшихся в народных библиотеках района,

большую часть (около 60%) составляли книги не по отраслям производства, а по бытовым ремеслам.

Вместе с тем в первом десятилетии XX в. наряду с народными (универсальными) стали создаваться специальные технические библиотеки. Первой в 1908 г. возникла техническая библиотека завода Вестингаузена («Динамо»), подбиравшая литературу по электромашиностроению⁶. Она существовала на правах служебной части предприятия и предназначалась для управленческого и инженерного персонала. Позже возникла подобная же библиотека на заводе Гужона. В дальнейшем на новых заводах такие библиотеки возникали одновременно с началом работы завода и даже в процессе его строительства. Так, техническая библиотека завода АМО появилась в 1916 г. одновременно с началом работы завода*.

Русские промышленники, в том числе и братья Рябушинские, основавшие завод, на примере работы технических библиотек отечественных и зарубежных предприятий убедились в их полезности и выгоде. К 1917 г. на всех, даже небольших, предприятиях района появились подборки технических книг и журналов для инженеров и техников. Право использования рабочими таких библиотек давалось по специальному разрешению директора предприятия и далеко не всем. Подобная практика исходила из общей концепции в области технического просвещения рабочих. Согласно этой концепции, все работники промышленности делились на две категории: «думающих» (предпринимателей, инженеров, техников) и «исполнителей» (рабочих). И. А. Вышнеградский еще в конце XIX в. так выразил политику своего правительства: технические учреждения должны готовить «промышленных деятелей известной ступени и ни в коем случае не служили бы сверх того ступенью перехода в школу, служащую для приготовления деятелей высшей

* Об этом свидетельствует штемпель библиотеки, простоявший на сохранившихся в НТБ ЗИЛа экземплярах журнала «Автомобиль» — официального органа Российского автомобильного общества за 1916 г. Это позволяет утверждать, что НТБ ЗИЛа появилась не в 1925 г., как указывалось в справочнике «Специальные библиотеки Москвы», а в 1916 г.

ступени»⁷. Для рабочих основной библиотекой могла стать только так называемая «народная» с ее весьма ограниченным книжным фондом.

Технические библиотеки на предприятиях Рогожско-Симоновского района в тот период выполняли преимущественно справочные функции, собирали в своих фондах научно-технические и рекламные журналы. Опыта работы и специальной подготовки у библиотекарей не было. Некоторые из этих библиотек, в частности на заводе «Динамо», имели и художественную литературу. В целом деятельность библиотек в Рогожско-Симоновском районе еще не осмысливалась как работа в помощь производству, сеть их развивалась стихийно. Однако необходимость библиотек уже начали ощущать и работники предприятий, и предприниматели, и общественные организации района.

* * *

Первое послереволюционное десятилетие (1917—1927) было сложным в развитии промышленности района. Из окрестных подмосковных деревень, Рязанской и Тульской областей потянулись на симоновские и рогожские предприятия новые работники — малограмотные, не имеющие профессиональной подготовки. Уже к 1923 г. в районе насчитывалось 25 000 жителей⁸. Остро встал проблема профессионально-технического обучения этой огромной и все растущей массы рабочих. Были созданы рабфак, районные и заводские вечерние технические курсы, школы фабрично-заводского обучения⁹. Стала расширяться сеть территориальных массовых и заводских профсоюзных библиотек. Наиболее крупные из них получили функции центральных: в Рогожском подрайоне таким центром стала библиотека им. В. О. Ключевского, в Симоновском — библиотека межсоюзного клуба «Труд и творчество» (позже этот клуб называли Дворцом труда, а с 1922 г. дворцом «Пролетарская кузница»). Впервые широко стала развиваться сеть передвижных библиотек, охватывающая все предприятия, их цехи и отделы. Книжные фонды всех библиотек района были

пересмотрены, увеличены фонды технической литературы. Перестройка работы мало коснулась технических библиотек заводов. Они, как и прежде, оставались закрытыми учреждениями, малодоступными для рабочих. Их деятельность наиболее полно характеризует докладная записка Государственной научной библиотеки об обследовании технических библиотек заводов АМО, «Парострой», «Серп и молот» и др., поступившая в научно-технический отдел ВСНХ СССР в 1928 г. и обнаруженная нами в архиве. Эта записка предшествовала появлению известного приказа ВСНХ СССР № 666 (1929 г.) об учреждении на предприятиях технических библиотек. В ней отмечалось, что фонды обследованных библиотек заводов АМО, «Парострой», «Серп и молот» и других «отличаются устарелостью», большинство наличной литературы относится к дореволюционному периоду, заграничной литературы нет, ощущается острый недостаток «твердых червонных и валютных ассигнований». Отмечалось также, что «обслуживаются библиотеки кем-либо из должностных лиц заводов, занятых другой работой и не могут отдаваться библиотечному делу. Поэтому, как правило, инвентари не ведутся, каталоги наличной литературы не составляются». В записке намечается ряд мероприятий, необходимых для улучшения работы технических библиотек: дать им особое положение, сделать их общедоступными, создать «свой особый персонал» библиотекарей¹⁰.

Подобное положение технических библиотек, как следует из записи, было на многих предприятиях страны. Основная работа с технической литературой приходилась в этот период на массовые, особенно профсоюзные, библиотеки. Так, при библиотеке клуба «Пролетарская кузница» в середине 20-х гг. из 5856 книг научные и технические составляли пятую часть. Выписывались такие журналы, как «Искра», «Мотор», «Электричество», «Металлист», газета «Экономическая жизнь»¹¹. Рабочие охотно читали их, ибо материал в них «очень популярно изложен и доступен пониманию каждого рабочего»¹². Для технической пропаганды библиотеки использовали места отдыха — летние сады у Симоновского, Андроньевского

и Покровского монастырей, площадку возле Рогожской заставы. Библиотека райкома Союза металлистов взяла на учет все инженерные секции заводов, время от времени снабжала списками технических книг, имеющихся в ее фонде¹³. Для привлечения рабочих к чтению технической литературы профсоюзные библиотеки стали активно использовать интерес людей к художественной литературе, имеющейся в универсальных фондах. Впервые стала разрабатываться и применяться методика «системы мостов» — целенаправленного переключения интереса читателей с одних книг на другие. Так, например, библиотекари завода «Динамо», сообщая рабочим о мероприятиях на производственные темы, объявляли, «что одновременно будет проводиться читка художественных рассказов»¹⁴. Рабочих привлекала возможность послушать художественные произведения. Попутно они знакомились и с технической литературой. Отметим также, что книг по технике издавалось еще мало, чтение их требовало довольно основательной общеобразовательной подготовки читателей. Спрос на техническую литературу у рабочих, как отмечали исследователи, в частности В. Горовиц, в 1929 г. был еще слабый¹⁵. Однако общая тенденция к развитию интереса к чтению технической, производственной литературы проявлялась все интенсивнее в Рогожско-Симоновском районе.

* * *

В конце 20-х гг. Рогожско-Симоновский район получил наименование Пролетарского. В районе реконструировались старые предприятия, новые заводы оснащались современной техникой. Усилился приток рабочей силы в район: если в целом по Москве удельный вес рабочих вырос с 31,6% до 39%, то в Пролетарском районе он увеличился с 37,9% до 58%¹⁶. На автозаводе был создан большой учебный комбинат, объединивший школу фабрично-заводского обучения, цеховые школы, курсы рабочих, мастеров, бригадиров и наладчиков, техникум, втуз с подготовительными группами, отделение Промакадемии, а также мастерские, лаборатории (хи-

мические, электротехнические и т. п.)¹⁷. Такой же комбинат возник на заводе «Серп и молот». Эта система подготовки промышленных кадров вызвала к жизни новый тип библиотеки предприятия — учебную, располагающую собраниями учебно-производственной литературы. По существу, предприятия района стали превращаться в заводы-втузы, в заводы-техникумы со своими системами библиотек — профсоюзных, учебных, технических.

Это позволило дифференцировать работу с книгой в помощь производству. Дифференциация шла по следующим направлениям: массовая библиотека (в том числе профсоюзная) брала на себя функции технического просвещения, обслуживания производственной книгой рабочих массовых профессий; техническая библиотека формировалась как учреждение, оказывающее промышленному предприятию оперативную помощь в решении конкретных производственных задач; учебные библиотеки были призваны содействовать подготовке промышленных кадров. Особенно интенсивно развивается в этот период сеть технических библиотек района. Они возникали вместе с предприятиями-новостройками — ГПЗ-1 (1931), заводом малолитражных автомобилей (1931), шинным заводом (1931) и т. д. Однако эти и другие технические библиотеки в начале 30-х гг. еще не проявили себя в полной мере как важные информационные центры.

Производственная тематика становилась основной для профсоюзных библиотек района. В понятие «производственное просвещение» теперь включалась не только работа с технической книгой, но и работа с естественно-научной, художественной литературой. Художественная литература, например, стала использоваться не для «приманки» на производственные мероприятия, как прежде, а главным образом для развития у рабочих интереса к производству, технике, заводу. Библиотекари подбирали художественные книги на производственные темы, проводили читательские конференции и т. п. Так, в цехах завода АМО было организовано несколько вечеров на темы: «Что пишут пролетарские писатели о современном рабочем?», «Ударничество в художественной литературе» и т. п., на которых обсуждались про-

8*

изведения Ф. Гладкова, А. Караваевой, Г. Ляшко, книги авторов заводцев М. Платошкина, В. Салова и др.¹⁸. По мере развития промышленности, перевооружения и реконструкции предприятий началась, как отмечала в 1929 г. газета рабочих завода АМО «Вагранка», «поголовная техническая переквалификация всего рабочего класса»¹⁹. Рабочие этого завода навстречу лозунгу «Библиотека — лицом к производству» выдвинули свой: «Рабочие — лицом к библиотеке». Они называли библиотеку «культурным цехом»²⁰. Повсюду на заводе можно было видеть плакаты: «Борясь за технику — вооружайся книгой», «Технической книгой строительство двигай». «Вагранка» из номера в номер публиковала списки технических книг под двумя рубриками: «Начинающему рабочему по своей специальности», «Рабочему, повышающему свою квалификацию».

Большинство библиотек района открыло свободный доступ читателям к фондам технической литературы. При переходе заводов района на непрерывную рабочую неделю библиотеки стали обслуживать все три смены. На заводах АМО, «Серп и молот», «Клейтук» при цеховых передвижках были организованы «коллективные библиотекари», то есть бригады «передвижников»-общественников, состоящие из представителей трех смен. Передвижные библиотеки работали круглосуточно. В 1931 г. была проведена производственная конференция культурных учреждений района. Значительное место на ней было уделено библиотекам, работала библиотечная секция²¹. Совещание отметило, что за последние годы библиотеки улучшили работу с технической литературой. В их книжных фондах она составляла уже 15%, выдача ее достигла по району 14% (против 7,5% в 1930 г.). Было принято решение о создании единого плана политической пропаганды в районе, о дальнейшей «политехнизации библиотек», прежде всего массовых. Такая политехнизация подразумевала: усиление связи с предприятиями, проведение их паспортизации (то есть определение их производственного профиля), организацию актива читателей. Большое значение придавалось политехнизации детских библиотек для профориентации под-

ростков. В промышленном Пролетарском районе эта проблема была непосредственно связана с проблемой перспективного обеспечения предприятий рабочей силой. С целью политехнизации детских библиотек предлагалось: прикрепить их к предприятиям; закупать книги, ориентируясь на существующие в районе производства; применять особые формы работы с подростками — технические кружки и т. п.

Конференция предложила создать в районе «Единый методический центр» работы с книгой и организовать единую систему пропаганды производственной литературы всеми библиотеками, независимо от функций и профиля. Впервые работа всех библиотек стала тесно увязываться с конкретными задачами, решаемыми на производстве.

Вместе с тем к середине 30-х гг. выяснилось, что массовые (в том числе заводские) библиотеки не в состоянии справиться с растущим потоком специализированных запросов на техническую литературу. Это происходило по многим причинам. Прежде всего они ориентировались преимущественно на рабочих, особенно на малоподготовленных — специалисты предприятий не получали здесь необходимой помощи. К тому же и требования рабочих усложнялись, большинство из них стали, как отмечалось в то время, «требовать не только книжечку с элементарными понятиями, но и книгу серьезную»²². Естественно, рамки массовых библиотек для них становились тесными: им необходима была другая, специализированная библиотека, в которой была бы полно подобрана производственно-техническая литература повышенной сложности. К тому же к середине 30-х гг. на предприятиях остро проявилась потребность в оперативном обеспечении технической книгой и информацией наиболее важных, ведущих участков производства. Наконец, работа с технической литературой в массовых библиотеках — это только часть их многообразной деятельности, и библиотеки не могли уделять ей должного внимания. Не права была А. Полищук, которая в 1931 г. в статье «Рабочие еще не повернулись лицом к технике»²³ упрекала профсоюзную библиотеку

завода АМО за то, что она приобретает беллетристики 51,5%, а технической литературы лишь 9%. Для массовой библиотеки такое соотношение разделов книжного фонда при наличии на предприятии технической библиотеки было нормальным. Нельзя было предъявлять к массовой библиотеке те же требования, что к технической библиотеке, которая, кстати, на АМО была и располагала значительным для того времени книжным фондом в 10 000 экземпляров. Постепенно к техническим библиотекам предприятий переходила значительная часть массовой работы с технической литературой, углублялся процесс размежевания сфер влияния и функций между ними и массовыми библиотеками. Этот процесс шел с трудом, особенно там, где крупные профсоюзные библиотеки соседствовали с небольшими техническими. На автозаводе всю работу по пропаганде технической литературы, как и прежде, вела профсоюзная библиотека. А. Алексеев в статье «Две библиотеки — два стиля работы», еще в 1933 г. справедливо отмечал, что массовая библиотека автозавода в данном случае подменяет техническую, взяв на себя несвойственные ей функции информационно-библиографического обслуживания производства, а техническая уступила ей «львиную долю своей работы» и стала похожа на «хорошую инструментальную кладовую», где идеальный порядок и нет «никакой техпропаганды». «Это положение должно измениться, — резюмирует А. Алексеев. — Профсоюзная библиотека не должна вести функции технической, коли есть последняя»²⁴.

Перестройка технических библиотек заводов и фабрик в Москве проходила трудно. Особенno сложно было сделать их доступными для рабочих. Технические библиотеки особое значение придавали обслуживанию высококвалифицированных рабочих, мастеров, которых было уже большинство среди читателей (на ГПЗ-1 их насчитывалось до 60%), и хозяйственников, то есть руководителей производства. «Их чтение, — писал работник ГПЗ-1 А. Полозов, — всегда связано с какими-нибудь проблемами, стоящими перед заводом», они требуют оперативной информации, снабжения «не у-

певшим остыть материалом»²⁵. В технической библиотеке завода «Динамо» стало правилом: «хозяйственник обязательно должен иметь книгу, даже если ее нет в библиотеке». Поиск ее шел чуть ли не во всех библиотеках страны, имеющих отношение к электромашиностроению²⁶. Систематически составлялись и распространялись среди всех производственников списки новой технической литературы. На учет и индивидуальную информацию были взяты ведущие инженеры, рационализаторы и изобретатели. С их помощью многие библиотеки, в частности на ГПЗ-1, автозаводе, провели подробное аннотирование всех получаемых отечественных и иностранных журналов²⁷. Несколько библиотек Москвы, прежде всего Пролетарского района, объединились для кооперирования работы по просмотру и сплошной росписи журналов, обмена карточками²⁸.

Ощущался недостаток на книжном рынке и в библиотеках иностранной литературы. Технические библиотеки стали использовать любую возможность для поиска иностранной промышленной информации. На ГПЗ-1 был, например, организован отбор, устный и письменный перевод иностранной технической документации, поступающей на предприятие. Переводы служили основными пособиями для рабочих, осваивающих иностранное оборудование²⁹.

На деятельности технических библиотек стала отрицательно сказываться территориальная удаленность некоторых из них («Динамо», ГПЗ-1 и др.) от своих предприятий. Библиотеку ГПЗ-1 из-за этого в 1936 г. посещали лишь 15—16 человек в день³⁰. К 1939 г. все технические библиотеки района располагались на территории своих предприятий.

Стала развиваться совместная работа технических и профсоюзных библиотек. На ГПЗ-1 работников библиотек закрепили за цехами и отделами и сделали их ответственными за качество обслуживания цехов книгой; были составлены сводные тематические картотеки технической литературы, в которых отмечали книги, имеющиеся в той или другой библиотеке завода. По существу, здесь зародились и получили практическое воплощение

многие формы совместной работы, которые в дальнейшем стали основой взаимоотношений библиотек промышленного предприятия. Причем профсоюзную библиотеку стали рассматривать как учреждение первой, начальной, а техническую — второй, высшей ступени в помощь техническому самообразованию рабочих. Новые, молодые, малоквалифицированные рабочие ГПЗ-1 получали в профсоюзной библиотеке первичное ознакомление с профессионально-технической книгой, а затем их организованно переводили в техническую библиотеку завода, где был значительно богаче выбор технической литературы. Такой «перевод» рабочих к 40-м гг. на заводах района стал массовым явлением. Формировалась библиотечная производственная «педагогика».

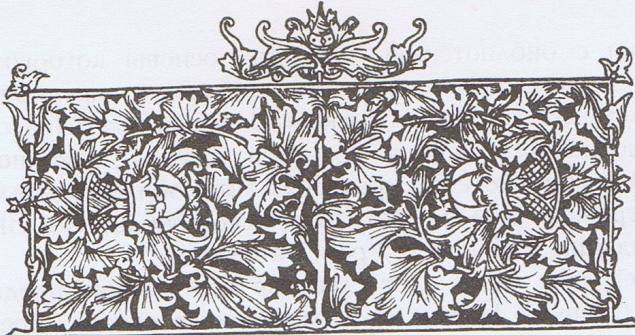
* * *

В 30-е гг. стала формироваться система библиотек, дифференцированно обслуживающая предприятия, начал развиваться межбиблиотечный абонемент, расширяться сфера взаимного обмена опытом работы и информацией. По существу, здесь четко проявилась зависимость развития производства от деятельности библиотек и развития библиотек от деятельности производства. Именно в 30-е гг. сформировалась система библиотечного обслуживания промышленности, которая затем в военные и послевоенные годы активно функционировала совместно с НТИ, осваивая новые формы и методы, выявляя огромный информационный потенциал библиотек. Заводы района уже не в состоянии были функционировать без системы библиотек. Когда в годы Великой Отечественной войны предприятия района частично эвакуировались на восток, в Сибирь, то вместе с ними частично эвакуировались и библиотеки. Эвакуация заводских библиотек в то время, когда было чрезвычайно дорого каждое место на железной дороге, — свидетельство признания работниками предприятий огромного значения специальных библиотек для промышленного производства. В Миассе, Ульяновске, Куйбышеве и других городах возникали новые автомобильные, шарикоподшипниковые, часовые

заводы с библиотеками при них, основы которых заложены книжными фондами библиотек предприятий Пролетарского района Москвы. В библиотеке Миасского автомобильного завода хранится альбом «Библиотека ЗИЛ — библиотекам уральских автомобилестроителей», где отражена роль научно-технической библиотеки ЗИЛа в создании библиотек Урал-Автозавода*.

Сегодня, когда идет глубокая перестройка предприятий бывшего Рогожско-Симоновского района, превращение их в акционерные общества, промышленные фирмы и т.п., развивается и библиотечно-информационная система, широко используется все то ценное и лучшее, что дала история развития библиотек в Рогожско-Симоновском районе Москвы.

* Уральский автомобильный завод в Миассе Челябинской области

И. К. ГОРБАЧЕВА ИЗ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ № 175

Библиотека № 175 (ЦБС — Юго-Запад) расположена в районе метро «Академическая» на Новочеремушкинской улице.

Надо заметить, что место это имеет свою небезынтересную историю. Деревня Черемошье была известна с 1629 г., и принадлежали эти земли Прозоровским, Голицыным, Меншиковым. А в конце века — семьи Якунчиковых, состоявшей в родстве с Мамонтовым и Третьяковым. В усадьбе, расположенной всего в трех остановках трамвая от библиотеки, собирались художники, поэты, музыканты. Якунчиковым принадлежал и кирпичный завод, ныне — Черемушкинский керамический завод. В конце века здесь жили около 500 человек, а к 1937 г., когда деревня стала рабочим поселком, — около 1000. В послевоенные годы кирпичный завод стал основным поставщиком кирпича для строительства МГУ, и деревня еще выросла.

В 1952 г. здесь была открыта изба-читальня. Во всяком случае, именно так именуется это учреждение культуры в первой инвентарной книге: изба-читальня

дер. Черемушки Ленинского р-на Московской области. К сожалению, от тех времен ничего более не сохранилось. В марте 1958 г. деревня Черемушки вошла в черту города, и изба-читальня стала московской. Вероятно, через некоторое время после того она и перестала быть избой, а стала библиотекой № 132 Октябрьского района. Располагалась тогда библиотека в здании хоздела жэка, занимала площадь около 40 кв. м, в штате было два библиотечных сотрудника и, как ни странно, уборщица на полставки. Зарплаты были тогда маленькие, условия труда в этом помещении — трудные. Сохранилась до-кладная от 1960 г., в которой заведующая библиотекой писала о тесноте и неудобствах работы: книги не столько стояли, сколько лежали на стеллажах до самого потолка, часто приходилось передвигать стеллажи и переставлять книги с места на место, чтобы найти нужные. Библиотека получала газеты и журналы, а читать их приходилось в коридоре жэка. Оформить какой-либо стенд или выставку было проблемой, потому что «даже стен нет свободных».

А рядом в это время росли новые кварталы Черемушек, те самые, знаменитые — 11—14-й. И приезжали люди читающие: семьи репрессированных, возвращавшиеся в Москву, начинающие жизнь с нуля. Фонды библиотеки тоже росли и требовали места: если в 1959 г. было 8 тыс. книг, то в 1960 г. — уже 15 тыс. Затем рост замедлился и за двадцать лет достиг только 30 тыс. Но и их ставить было некуда. К 1980 г. относится докладная, связанная с хищением книг из библиотеки.

За двадцать лет площадь выросла только до 76 кв. м — и все в том же хозделе, где двери не закрываются, зимой — холод, аварии отопления и т. п. Никто бы не удивился, если бы библиотека закрылась по санитарным причинам. А она — работала. После заведующих и сотрудников, менявшихся почти каждый год, в 1969 г. в библиотеку пришла Софья Михайловна Олинова. С этого времени начинается, можно сказать, новая история библиотеки.

С. М. Олинова, не имея своего помещения, все мероприятия проводила вне стен библиотеки: в школах,

куда по ее приглашению постоянно приезжали критики В. Камянов и Л. Анненский, в кинотеатре «Улан-Батор», куда приходили учащиеся двух школ, да еще техникума или ПТУ № 183. Проводили мероприятия военной, патриотической тематики, литературно-музыкальные программы. В библиотеке выступали Э. Палванова, Ч. Гусейнов, Э. Бээкман, В. Бээкман, В. Мартинкус, Ч. Амирэджиби, Т. Бек и Н. Ильина, Т. Толстая и А. Чернов («Слово о полку Игореве»), С. Есин и Л. Шерешевский, Н. Коржавин, К. Ковальджи, И. Губерман и др.

Особо надо сказать о клубе «Образ и мысль» (руководитель М. Эпштейн). В настоящее время на заседания клуба в новом помещении библиотеки раз в неделю ходят люди, посещавшие его еще в 1983—1986 гг. Какие только темы не затрагивались на этих встречах: поэзия, проза, философия, религия, астрология, музыка и др.

Еще одна страница — работа с детьми. Школа шахматного резерва при Доме пионеров долгое время занималась в библиотеке. Члены клуба «Образ и мысль» выступали перед детьми разных возрастов. В 1993 г. библиотека отвоевала право записывать детей — стала библиотекой семейного чтения.

И. Д. ЭПТИНА

ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ БИБЛИОТЕКИ № 36 им. Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

В октябре 1993 г. исполнилось 145 лет нашей библиотеке. Она была основана в 1848 г. при обществе трезвости книголюбом и коммерсантом Вивьеоном. Первое здание библиотеки было расположено напротив Манежа рядом с Московским университетом. В 1897 г. она перешла к другому книголюбу — Дерягину. К началу нашего века это было крупное собрание книг, насчитывающее десятки тысяч экземпляров и известное читающей московской публике как библиотека Дерягина.

Читатели ее делились на 5 разрядов. В 1-й разряд зачислялись наиболее состоятельные люди. Они платили по 18 рублей за абонемент в год и получали книги и журналы в день поступления их в библиотеку. А в 5-й разряд входили мелкие служащие, разночинцы, студенты и пр. Эти читатели получали книги, уже прочитанные первыми четырьмя разрядами, и журналы годовой давности. Пользоваться читальным кабинетом им разреша-

лось один раз в неделю. За однодневное чтение взимались 10 коп.

В 1919 г. библиотека Дерягина была национализирована. Сразу после революции стали широко пропагандировать и издавать произведения русских революционеров-демократов, а в библиотеке Дерягина было собрано большое количество разнообразных изданий произведений Добролюбова, и в 1919 г. ей было присвоено его имя.

К 1920 г. библиотека обслуживала 2700 читателей. В архивах библиотеки сохранились данные о социальном составе читателей библиотеки тех лет: рабочих было 69 человек, учащихся 2-й ступени — 403 человека, студентов — 434, служащих — 911, преподавателей и профессуры — 182, домашних хозяек — 61 чел. Если в 1920 г. рабочих-читателей было 2%, то к 1926 г. их стало 23%.

В 1927 г. библиотека была переведена в новое помещение, на Смоленскую площадь, д. 4.

В 30-е гг. особое внимание уделялось библиотечному обслуживанию трудовых коллективов. Основные формы: громкие чтения, лекции. Книжный фонд библиотеки к началу 30-х гг. насчитывал 25 000 книг. Ядро фонда составляли наиболее ценные книги библиотеки Дерягина и новые советские издания.

В книжном фонде были: первое русское издание «Капитала» К. Маркса, произведения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова, Т. Г. Шевченко и др. Библиотека росла, завоевывала массы читателей. Уже в 40-е гг. она обслуживала 10 000 человек.

В годы войны библиотекари проводили в госпиталях громкие чтения, политинформации, писали письма по просьбе раненых бойцов и командиров. В обзорах библиотекарей звучали отрывки из книг и статей писателей военных лет: К. Симонова, М. Шолохова, И. Эренбурга, А. Твардовского. Многие тысячи экземпляров книг были переданы воинским частям, военным училищам, госпиталям.

В 1948 г., когда отмечали 100-летие библиотеки, ей предоставили новое специальное помещение на Смоленской площади. Заведовала библиотекой в эти годы Фаина

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ БИБЛИОТЕКИ им. Н. А. Добролюбова.

Венедиктовна Мелешко — замечательный специалист и энтузиаст библиотечного дела. Она приложила много сил для организации работы библиотеки и оборудования нового помещения.

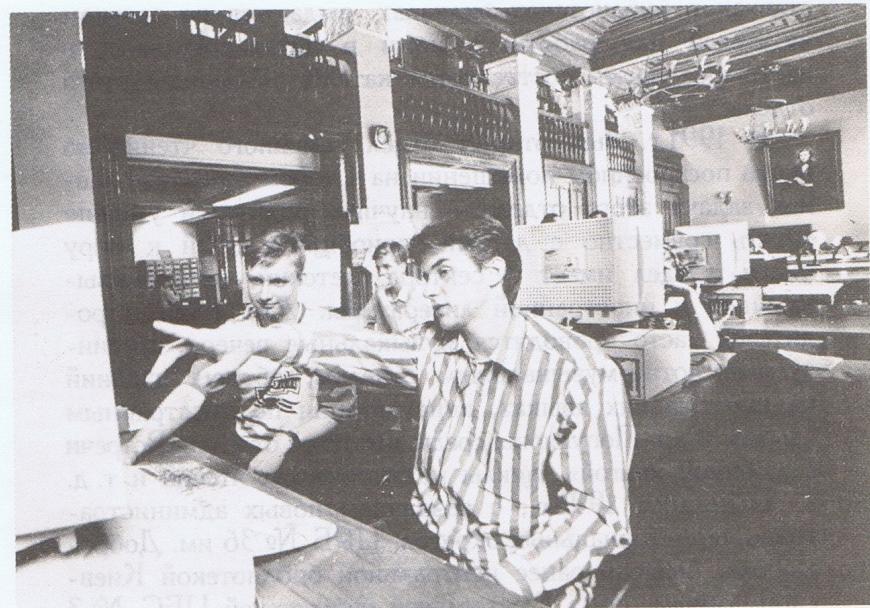
В 1961 г. библиотека им. Добролюбова в числе первых в столице перешла на открытый доступ к книжным фондам. Перед библиотекой была поставлена задача пропаганды книги среди специалистов народного хозяйства, научных работников, творческой интеллигенции.

В проведении этой работы велика заслуга зав. библиотекой тех лет Валентины Сергеевны Ждановой и зав. отделом комплектования и обработки Берты Марковны Спринцсон, ведущего методиста района по организации библиотечных фондов, работавшей в библиотеке Добролюбова с 1951 по 1987 г.

В течение 15 лет, с 1973 по 1988 г., в библиотеке работал Народный университет культуры, факультет «Литература и искусство». Ректором университета был профессор Института мировой литературы Н. А. Трифонов. В рамках университета в библиотеке выступали известные писатели, актеры, литературоведы. В 1988 г. вместо университета была создана гостиная «Литературные среды на Смоленской». Здесь проходят свободные дискуссии, обсуждения интересующих читателей произведений, встречи с писателями, презентации новых книг. Из наиболее интересных заседаний последних лет надо отметить: читательскую конференцию с участием писателя В. Пьецуха, встречу, посвященную 100-летию со дня рождения К. Паустовского (в ней приняли участие директор, сотрудники музея писателя в Москве и сын писателя Вадим Паустовский), встречи с журналистами радиостанции «Эхо Москвы», с писателем С. Калединым, с редакциями журналов «Дружба народов», «Юность», газеты «Книжное обозрение», вечера, посвященные Дню города, 500-летию Арбата.

Особой гордостью библиотеки является фонд редких дореволюционных книг. Их немногим больше 800 экземпляров, но они уникальны, ибо отражают историю культуры отечества. Это такие издания, как:

С. Т. Аксаков. Полное собрание сочинений в 6 т.— СПб., 1886.

Сегодня в библиотеке работают не только с книгой.

Л. Н. Андреев. Царь-голод. СПб., Шиповник, 1908.
Д. В. Григорович. Полное собрание сочинений в 12 т. СПб., Изд-во А.Ф. Маркса, 1896.
Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Т. 1, 2, 3, 5, 8, 10, 11. СПб., Изд-во А.Ф. Маркса, 1894.
Н. М. Карамзин. Сочинения. Т.1, 2. СПб., тип. К. Крайя, 1848.
Л. Н. Толстой. Война и мир. Т. 1, З.М., 1868.

Книги хранятся в отделе организации и использования книжных фондов, демонстрируются на кольцевых выставках в библиотеках-филиалах, выдаются по заявкам читателей для работы с ними в читальном зале, в настоящее время составляется каталог на фонды этого отдела.

В 1991 г. был открыт отдел семейного чтения во вновь построенном помещении на Старом Арбате. Главная задача этого отдела — научить родителей умению читать совместно с детьми, приобщить детей к миру книги. Отдел имеет 3 сектора: детский, нотно-музыкальный и иностранной литературы. Для детей и родителей часто проводятся музыкальные вечера, организуемые нотно-музыкальным отделом, обзоры изданий на иностранных языках, консультации по иностранным языкам и др. Популярны среди читателей отдела: «Встречи с любимой книгой», циклы педагогических чтений и т. д.

В декабре 1991 г., с созданием новых административно-территориальных округов, ЦРБ № 36 им. Добролюбова, бывшая ранее центральной библиотекой Киевского района, стала Центральной библиотекой ЦБС № 3 «Хамовники». Усилия библиотеки № 36 направляются на поиск новых современных, отвечающих духу времени форм работы, внедрение маркетинговой концепции управления. С целью изучения потребностей читателей, анализа их отношения в библиотеке проводятся опросы. Библиотека начала предлагать платные услуги: кружки иностранных языков, продажу новой экономической литературы, копирование. Наряду с платными в библиотеке проводятся (студентами американских колледжей) миссионерские занятия по английскому языку для всех желающих.

Библиотека сотрудничает с рядом малых предприятий. Договоры о совместной деятельности дают библиотеке возможность совершенствовать ее материально-техническую базу, создать премиальный фонд для поощрения лучших библиотечных работников, ветеранов, неработающих пенсионеров, библиотекарей-общественников. Правда, в этом сотрудничестве есть очень много нерешиенных проблем юридического и финансового характера, объясняющихся отсутствием документов, регулирующих деятельность библиотек в новых экономических условиях.

В апреле 1993 г. в библиотеку обратились работники Московской программы Центрального телевидения с просьбой систематически (раз в неделю) оказывать библиографическую помощь в подборе материала к разделу «Зарубки» — «Подмосковье. Русский дом». В этом разделе освещаются памятные исторические и литературные даты России. Справки выполняют сотрудники библиографического отдела. Им оказываются помощь работники читального зала. Надо отметить, что в течение десятилетий значительное внимание в библиотеке придавалось комплектованию читального зала. И в настоящее время состав фонда таков, что, по существу, он позволяет выполнить любую справку. В читальном зале очень хорошо укомплектован отдел искусства. Это дает возможность иллюстрировать справки репродукциями русских и зарубежных художников. Например, ко дню рождения Сергея Радонежского были подобраны репродукции картин М. В. Нестерова. Очень часто использовались репродукции картин В. В. Верещагина, И. Е. Айвазовского, И. К. Репина и др. Можно привести пример справок, подобранных только к одной передаче 4 июля 1993 г.:
60 лет со дня рождения Зинаиды Кириенко
Взятие русскими войсками турецкой крепости Карс
Рождество Иоанна Предтечи
Ночь на Ивана Купалу
Подписание Тильзитского мира
Победа Петра I под Полтавой
Танковое сражение под Прохоровкой и др.

Предстоит еще немало сделать, чтобы полностью раскрыть информационно-культурный потенциал библиотеки для читателей.

М. М. САМОХИНА

ЗАОЧНЫЕ ВЫСШИЕ БИБЛИОТЕЧНЫЕ КУРСЫ в 1928—1931 гг.

Короткая история заочных высших библиотечных курсов разворачивалась в те годы, когда библиотечное образование еще не отделилось от педагогического. Педагогический факультет 2-го Московского государственного университета стал во второй половине 20-х гг. пионером в формировании системы заочного образования. Для оперативного руководства этой деятельностью, для разработки учебных планов, пособий в 1927 г. на факультете было создано бюро заочного обучения¹. Ответственным секретарем БЗО работал Владимир Александрович Невский — человек достаточно известный и в 20-е гг., и позже, культпросветчик, библиограф, библиотековед, методист, личность яркая и неоднозначная. Именно он стал одним из главных организаторов и идеологов заочного библиотечного образования, как, впрочем, и заочного педагогического.

В 1928 г. БЗО объявило о создании заочных библиотечных курсов по психолого-педагогическим дисцип-

132

линам², впоследствии переименованных в Заочные высшие библиотечные курсы³. К ноябрю 1929 г. на курсах обучалось 496 человек; всего же заочников на факультете насчитывалось тогда 12 993⁴. В середине декабря подробный проект Положения о курсах и их учебный план был разослан всем заочникам и во все крупные библиотеки СССР. Вскоре он был также издан⁵.

В 1930 г. 2-й МГУ был преобразован в Московский педагогический институт⁶, и библиотечные курсы очень недолго работали при его БЗО. В том же 1930 г. на базе БЗО МПИ, с одной стороны, и заочной секции Института повышения квалификации педагогов (ИПКП) — с другой, возникает Центральный институт заочного педагогического образования (ЦИЗПО). В информационном бюллетене ЦИЗПО читаем: «Заочные высшие библиотечные курсы Московского педагогического института реорганизуются с 1930—1931 учебного года в заочный бибвуз».

В соответствии с этим учебные планы курсов перестраиваются в соответствии с учебными планами бибвузов (и библиотечных отделений педвузов), а руководство учебной работой заочных студентов переносится в местные бибвузы (и библиотечные отделения педвузов)⁷. Далее в том же бюллетене пишут: «Ими (курсами) интересуются... педагоги, психологические и педагогические кабинеты вузов СССР, психотехнические организации и др.

Интересуются бибкурсами и за границей: материалы курсов нередко требуют через Бюро международного книгообмена. Получено приветствие курсам от Н. А. Рубакина из Лозанны. В «Library Journal» ожидается специальная статья о советском заочном бибобразовании⁸.

Однако после 1931 г. упоминания о ЦИЗПО вообще и о его заочном бибвузе исчезают. Можно предположить, что он был расформирован; заочное библиотечное обучение целиком перешло к образовавшемуся в 1930 г. Московскому библиотечному институту и к региональным учебным заведениям.

133

* * *

Курсы, как следовало из их «самохарактеристики» (высказанной в Положении, объявлениях, объяснениях и, главное, в учебном плане), ставили своей целью «дать библиотекарю заочное высшее библиотечное образование, увенчанное дипломом вуза и всеми вытекающими отсюда последствиями»⁹. Предполагалось трехгодичное обучение. В первый год организаторы курсов собирались дать заочникам психологические знания, во второй — основы педагогики, методику политического просвещения в библиотеках (потому что библиотекарь понимался ими прежде всего как политпросветчик), технику библиотечного дела; в третий — научные курсы библиографии обществоведения, литературоведения, естествознания вместе с реальными знаниями по этим дисциплинам.

Планировался факультативный курс английского языка со специальным библиотечным уклоном. Среди организаторов велись споры о будущем курсов: одни хотели превратить их в годичные с постоянно актуализирующейся программой; другие предлагали четырехгодичное обучение с выдачей вузовского диплома¹⁰.

Судя по изменению названия курсов, победили сторонники именно последней идеи.

Курсы были рассчитаны на 2000 человек — библиотекарей домов работников просвещения, педагогических библиотек ОНО, педагогических учебных заведений, детских библиотек, а также на библиотекарей всех крупных библиотек (научных, областных, окружных) и на работников библиотечных методических организаций¹¹. Но развернуть свою деятельность так широко организаторы за отпущененный им недолгий срок, видимо, не сумели.

Курсы были платными. Документов при приеме не требовалось. Ограничений по библиотечному стажу не было, не было их и по образованию — только пожелание, чтобы слушателями становились те, кто уже закончил семилетку¹².

Для осуществления намеченной программы организаторы курсов хотели привлечь к преподаванию крупных

специалистов — психологов, педагогов, библиотечных работников. И такие специалисты были привлечены. В «Полном списке сотрудников», опубликованном в одном из выпусков курсов, значится 35 человек; более трети — профессора и доценты.

Поражает множество и пестрота учреждений и организаций, представленных этими людьми: научные институты — экспериментальной психологии, методов внешкольной работы, труда, судебно-психиатрической экспертизы, Академия коммунистического воспитания; учебные институты — 2-й МГУ, политпросвещения (Ленинград), народного образования (Харьков); библиотеки — московская губернская, харьковская, армавирская; государственные учреждения и редакции газет¹³.

* * *

Важнейшей частью деятельности курсов стала подготовка учебных пособий. В 1929—1931 гг. было выпущено около десятка книг (некоторые из заявленных к выпуску не удалось обнаружить ни в РГБ, ни в РНПБ им. К. Д. Ушинского).

Структура курсовых пособий для заочников, на сегодняшний взгляд, достаточно оригинальна. Каждый раздел, посвященный конкретному психолого-педагогическому фактору, явлению, процессу, обычно состоит из трех частей.

Первая — обычно статья общего характера. Авторами таких статей были известные психологи, чаще всего сотрудники Института психологии: К. Н. Корнилов (его директор), А. Р. Лuria, А. Б. Залкинд и другие. Затем статья о применении, приспособлении соответствующих психологических, социально-психологических, социологических знаний к библиотечной работе. Их авторы — известные в те годы специалисты: Д. А. Балика, С. Л. Вальдгард, П. И. Гуров, Я. В. Ривлин, Е. И. Хлебневич и другие. Завершает раздел подробная библиография: аннотации, характеристики многих авторов книг

и статей, их достоинства и недостатки, степень трудности материала, примерная адресация.

Библиография составляет почти треть объема пособия. Ее составителем был В. А. Невский. Он давал конкретные советы по проблемам формирования библиотечных фондов: какие книги необходимо приобрести (и в какие разделы фонда их следует внести), какие — желательны, какие — не нужны.

Советы эти достаточно сильно политизированы, сопровождаются идеологическим нажимом. Например, работы Н. А. Рубакина Невский считает псевдонаучными и вредными для начинающих библиотекарей¹⁴. Рубакинской идеи о разных книгах для разных читателей, о возможности и неизбежности различий в восприятии одной и той же книги сотрудники противопоставляли рассуждения о верном и неверном восприятии, о необходимости внедрения верного восприятия и о роли библиотеки в таком внедрении.

Очевидно, В. А. Невский был резок, односторонен, нетерпим. Хотя многие спорные проблемы актуальны и сегодня. Это область соотношения библиотечного дела с психологией и педагогикой, социальные и социально-психологические истоки интереса и спроса, психологические факторы эффективной библиотечной пропаганды.

Несмотря на многочисленные научные неточности и политические вульгаризмы, характеризующие и В. А. Невского, и многих его коллег и, главное, характеризующие само время, была создана достаточно четкая структура курсовых пособий: общие знания, специальные знания, библиография к теме. Имея некоторую систему координат, заданных в лекциях-статьях, заочник мог углубить свои знания по любой теме, проблеме, читая литературу в соответствии с уровнем своей подготовки. В пособиях давались темы контрольных работ, таблицы и схемы, которые студенты должны были заполнять на материале своих библиотек. Постоянно печатали текущую информацию, объявления и т. д. Организаторы курсов обращали особое внимание заочников на необходимость постоянного изучения читателей. «Задания по изучению

читателей в связи с заочным обучением, — утверждал В. А. Невский, — представляют особую ценность, потому что в них чрезвычайно удобно для библиотекаря объединять свое повседневно-практическое дело с теоретической учебой, втягиваясь в то же время в научно-исследовательскую работу»¹⁵. Всем заочникам было, например, предложено разработать и представить «Проект деловой инструкции по использованию в библиотечной работе одного из методов психологии»¹⁶.

Все выпущенные пособия соотносятся с тематикой и программой первого года обучения. Они издавались сначала БЗО 2-го МГУ, потом БЗО МПИ. Авторы общих психолого-педагогических статей одинаково активно работали и на заочников-библиотекарей, и на заочников-педагогов.

Реорганизованные в бибвуз при ЦИЭПО, курсы уверенно гарантировали всем своим заочникам возможность продолжения обучения: «Ранее записавшиеся заочники, получившие все 9 психологических выпусков прежних ЭВБК, переводятся на 2-й курс при условии проработки ими (присылки контрольных работ) 1, 4, 5 и 9 выпусков библиотечных курсов и по проработке политэкономии, биологии, русской литературы XIX в. и анатомии и физиологии человека... остальные предметы 1-го курса старые заочники прорабатывают на 2-м курсе, — объявлял ЦИЭПО. — Заочники, пожелавшие сверх указанного проработать (прислать контрольные работы) всех 9 психологических выпусков прежних бибкурсов, помимо перевода их на 2-й курс получают специальные свидетельства о прохождении ими специальных одногодичных высших психолого-библиотечных курсов»¹⁷.

Первым курсовым пособием была книга «Предмет и методы современной психологии»¹⁸ (редактор Л. С. Выготский, один из выдающихся психологов XX в., автор-составитель В. А. Невский). Основные темы выпуска — предмет и значение психологии как науки; значение ее для библиотекаря; психологическая литература в библиотеке; психологические, социально-психологические, социологические методы в изучении читателя, в

справочной и консультационной работе. Методы охарактеризованы очень подробно, указаны их достоинства и недостатки, приведены примеры использования.

Вторым выпуском курсовых пособий был заявлен сборник «Основные направления современной психологии» (редактор Л. С. Выготский, авторы статей К. Н. Корнилов, А. Р. Лuria, А. Б. Залкинд и др.). Он должен был содержать анализ специфики и важнейших постулатов различных психологических школ (прежде всего фрейдизма и бихевиоризма, вызывавших в те годы наибольшее внимание и имевших наибольшее число приверженцев). Идеи психологов должны были быть рассмотрены с точки зрения полезности их в библиотечной работе. Выяснить, был ли издан этот сборник, не удалось. В первом и, очевидно, последнем бюллетене ЦИЭПО 1931 г. есть сообщение, что сборник должен выйти¹⁹.

Выпуск третий — «Естественно-научные предпосылки психологии»²⁰ (редакторы К. Н. Корнилов, В. А. Невский и библиотековед, заведующий Армавирской центральной рабочей библиотекой П. И. Гуров, автор обще-психологических статей доцент 2-го МГУ В. М. Боровский, библиотечных — В. А. Невский). Основные темы выпуска — биологические факторы человеческого поведения, проблемы наследственности и среды. Рассматриваются вопросы дифференциации читателей в связи с биологически обусловленными признаками, возможность использования классификации Кречмера и других классификаций.

Особенно интересным получился четвертый выпуск курсовых пособий — «Элементы общей психологии. Основные механизмы человеческого поведения»²¹ (редактор К. Н. Корнилов). Выпуск открывает статья врача-психолога С. И. Гинцбурга «Социальные факторы поведения». В соответствующей «прикладной» статье В. А. Невский определяет и характеризует библиотечную работу как социальную, говорит о ее роли в социальном строительстве, о необходимости изучения личности через коллектив, о том, как именно должна строиться работа библиотеки по социологическому изучению читателей. Он

подробно обосновывает необходимость учета социальной среды, ее положительных и отрицательных влияний, настаивает на необходимости для библиотекаря знать свой микрорайон (жилищные условия, количество и профиль предприятий, условия работы на них и т. д.). С одной стороны, говорит Невский, это нужно для эффективной организации самого процесса обслуживания — для четкого представления о потребностях, для адекватной пропаганды книги, привлечения читателей в библиотеку. С другой стороны, такого рода описания, составленные библиотекарями, сливаются в общую «комплексную характеристику» района (мысль о создании таких «политико-просветительных паспортов» сегодня деполитизировалась и превратилась в мысль о формировании и постоянном пополнении банков данных). Невский считает, что работу эту должен вести любой библиотекарь постоянно, дабы он не отстал от быстро меняющейся действительности.

Далее следуют две статьи Л. С. Выготского (их тема — сознание и бессознательное) и статья В. А. Невского о возможностях применения библиотекарем соответствующих знаний. Статьи по общей психологии — о стимулах и реакциях, об органах чувств и их функциях, о влечениях и инстинктах сопровождаются статьями методиста Московской губернской библиотеки С. Л. Вальдгарда — «Психология интереса» и «Книга как социальный раздражитель».

С. Л. Вальдгард затрагивает множество важнейших, актуальных и сегодня, теоретических и практических проблем. Свой анализ интереса он называет биосоциальным. Одна из центральных его идей: чтение — это работа, прежде всего работа по восприятию и усвоению коллективного опыта. Книга воздействует убеждением и внушением, доказывает Вальдгард, причем воздействует не только на интеллектуальные, но и на эмоциональные стороны личности. Книга побуждает к действию и организует активность, за ее автором всегда стоит социальный коллектив, определяющий не только содержание, но подчас и форму книги. От социальной об-

щности с автором в большой степени зависит понимание, согласие и доверие читателя. Вальдгард анализирует также уровни критичности восприятия, пассивное и активное (то есть наступающее после самостоятельного размышления) согласие читателя с автором, доказывает преимущества убеждающей книги над внушающей.

В сборнике рассматривается роль в чтении различных психологических факторов — эмоций, внимания, воображения, воли. Помещена обобщающая статья П. И. Гурова «Механизмы чтения и книжного влияния» с огромной библиографией по проблемам восприятия, книжного влияния, влияния отдельных видов литературы. Завершают выпуск две статьи В. А. Невского, одна из которых содержит резкую полемику с Н. А. Рубакиным об истинной и ложной библиопсихологии, а другая посвящена методическим вопросам изучения и применения психологии библиотекарями.

Выпуск пятый — «Элементы дифференциальной психологии»²² (редактор К. Н. Корнилов). Основные темы — психологические различия, характерология, типы поведения и их связь с читательским поведением, проблемы индивидуальной одаренности и способности к творчеству, психология пола (в частности, женская психология) и возраста (в частности, психология ребенка, подростка, юноши), связь этих факторов с чтением. Подробно рассмотрены различные психологические классификации — Э. Кречмера, К. Юнга, А. Ф. Лазурского. Основные авторы — П. И. Гуров, В. А. Невский, психолог, доцент 2-го МГУ Н. Ф. Добрынин, преподаватель Ленинградского института политпросвещения Я. В. Ривлин (один из немногих преподавателей, поддерживавших идеи Н. А. Рубакина, оппонент В. А. Невского).

Шестым выпуском курсовых пособий стала книга «Педология и детская психология»²³ (редактор — педагог А. Б. Залкинд, известный в те годы своими идеями о доминировании социального фактора в формировании личности). Основные темы — педология как наука, соотношение наследственного влияния и влияния среды, возрастная педология; роль книги в овладении культурой,

педагогическое значение библиотечной работы, читательские интересы детей и подростков, проблемы и специфика подростковой литературы. Преподаватель Академии коммунистического воспитания И. С. Горелик доказывает, что одной из главных задач подростковой книги является помочь в выработке философского мировоззрения, одним из главных принципов — отсутствие готовых выводов. Но, конечно, авторы курсовых пособий были детьми своего времени: говоря о художественной литературе, они превозносят пролетарских писателей (сегодня всеми забытых), резко критикуют Есенина, Олешу, Эренбурга, принципиально недоверчивы к бытовому роману, лирике, фантастике, сказкам.

Седьмым выпуском был сборник «Прикладная психология (Психофизиология труда и психотехники)»²⁴ (редактор нарком труда И. Н. Шпильрейн). Ведущая тема — использование данных прикладной психологии (в частности, психологии труда) в библиотечной работе. Речь идет о связи читательских интересов с профессией, о профориентационной работе в библиотеке, о профессиональном отборе библиотекарей, о библиотечной рекламе.

Специфична тема восьмого выпуска — «Социально-неполноденное поведение. (Элементы психопатологии, криминологии и патологической педагогии)»²⁵ (редактор А. Б. Залкинд). В статьях рассматриваются проблемы библиотечной работы с психоневротиками, с беспризорными и трудными детьми, с заключенными. В статье «Психотерапия и ее значение в библиотечной работе» В. А. Невский говорит о терпении и внимании как необходимых качествах библиотекаря и о классификации книг с точки зрения их терапевтических возможностей.

Проблемам социальной дифференциации читателей посвящен девятый выпуск курсовых пособий — «Элементы социальной психологии»²⁶ (редактор К. Н. Корнилов). В статьях С. Л. Вальдгарда, Л. Р. Когана, П. И. Гурова, Е. И. Хлебневича дана характеристика различных читательских групп — рабочих, крестьян, служащих, красноармейцев. Напечатана и статья В. А. Невского о значении социальной психологии для библиотечной работы.

Сборники своих трудов собирался выпускать и библиопсихологический кружок, который начал работать еще весной 1928 г. при Московской губернской центральной библиотеке. Зимой 1929—1930 гг. он действовал при БЗО 2-го МГУ, а затем при БЗО МПИ. Консультантом кружка был Л. С. Выготский. Участники кружка (С. Л. Вальдгард, В. А. Невский, А. А. Покровский и другие) заявили, что будут заниматься наиболее злободневными проблемами библиотечного дела, в частности проблемами влияния на читателя художественной и политической книг»²⁷.

Из изданий кружка удалось выявить сборник статей «Психология интереса в связи с вопросами книжно-библиотечной работы»²⁸.

Планировались и, возможно, были изданы также выпуски специальных серий курсов: «В помощь исследовательской работе», «В помощь практической работе библиотекаря», «Дискуссионные материалы»²⁹.

Чрезвычайно интересна книга Б. А. Невского «НОТ в библиотеке (125 тем для библиотекарских кружков)», выпущенная ЦИЭПО в помощь педагогической практике заочников второго года обучения³⁰. Цель автора — помочь студентам (в ответ на их просьбы, изложенные в многочисленных письмах) «организовать на местах текущую переподготовку библиотечных работников-мастеров в библиотечных совещаниях, кружках и т. д.»³¹.

Невский дает примерную схему деятельности кружка, опираясь на опыт (очевидно, свой собственный) работы в московских библиотеках. Каждая тема (например, «Каким требованиям должен удовлетворять современный библиотекарь») должна быть проработана тремя методами. Во-первых, это изучение литературы (Невский традиционно предлагает обширную библиографию). Во-вторых, это наблюдение, фиксирующее конкретные факты (например, по названной теме: «Есть ли в библиотеке работники, которые особо любимы читателями? Чем при производстве конкретных операций отличается работа опытного библиотекаря от работы библиотекаря начинающего?»). В-третьих, это некая практическая дея-

тельность (например, полный хронометраж своей собственной работы или работы коллег в течение одного или нескольких дней).

Темы, предложенные Невским, составляют три раздела: «экономия времени, сил и средств в общем распорядке библиотечной работы»; «ускорение и удешевление обработки книг»; «ускорение и удешевление выдачи книг». В конце книги дан предметный указатель всех затронутых вопросов.

У ЦИЭПО были грандиозные планы заочного библиотечного обучения. В течение 1930—1931 гг. предполагалось издать около десятка пособий по вопросам организации библиотечного дела (история книги и библиотеки, библиотечная политика, структура и законодательство, организация отдельной библиотеки, техника и организация издательского дела и т. д.), более десятка — по вопросам работы с читателями (методы пропаганды книги и библиотеки, организация абонемента, читального зала, организация справочно-консультационной работы, обзоры русских и иностранных справочников и т. д.), а также пособия по вопросам комплектования, обработки, хранения книг³². Однако планам этим не суждено было сбыться.

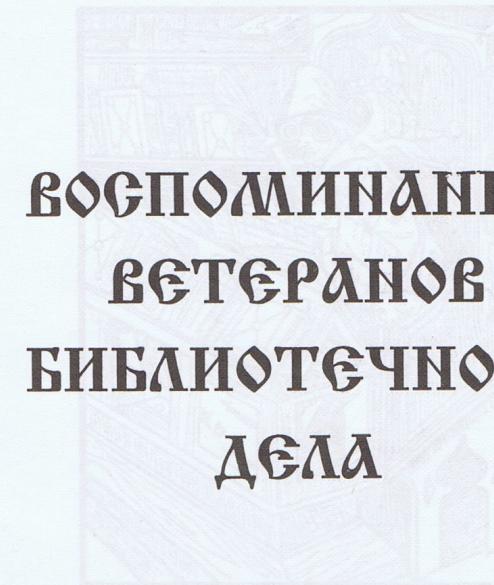
* * *

Нельзя не удивляться колossalному труду, проделанному менее чем за три года четырьмя десятками людей. Фактически была разработана содержательная часть системы высшего заочного библиотечного образования. Разработка эта была не академической, а точнее — антиакадемической. На страницы курсовых пособий выплескивались остройшие идеологические и научные споры: о соотношении психологии с общественными науками, о проблемах взаимоотношений коллектива и личности, о новейших направлениях в психологии и педагогике, о значении инстинктов и «половом вопросе». Наравне с классиками психологии и педагогики (а порой и более активно) изучались и обсуждались работы современников: А. А. Ухтомского, Л. С. Выготского,

С. Г. Струмилина. Смелость, полемичность сочетались с политическими обвинениями и вульгарностью...

Конец деятельности курсов был и концом того исторического периода, когда в нашей стране разные мнения еще могли кое-как существовать. Сотрудников курсов разбросало в разные стороны. Многие были репрессированы и погибли. Другие продолжали работать, добились успехов, конъюнктурных или истинных. Но в тот очень короткий период они вместе делали интересное и важное дело.

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕСТЕРАНОВ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА

Брандт, «Корабль дураков», 1494 г.
«Книжный дурак». Рисунок автора.

Е. Е. ТРОИЦКАЯ

В центре Киева до революции находилась частная детская библиотека, которую содержала А. Ю. Добрая. Библиотека пользовалась большой популярностью у населения. Я тоже была туда записана и участвовала в кружке друзей книги. Ходила я в библиотеку часто, мне очень нравилось рыться в книгах и помогать библиотекарям. Когда я кончила школу и не была по социальным мотивам принята на медицинский факультет Киевского университета, я пошла в Центральную детскую библиотеку города, которая располагалась на территории Софийского собора. Заведовала библиотекой А. Марголина, ранее работавшая в библиотеке А. Ю. Доброй (библиотека была национализирована и... уничтожена). Она меня знала и предложила должность помощника библиотекаря. Работа моя заключалась в том, что я сидела рядом с библиотекарем и подробно записывала весь разговор, диалог библиотекаря с читателем. Мне повезло фиксировать на бумаге работу таких необыкновенно талантливых педагогов-библиотекарей, как Евгения Ефимовна Городецкая и Лидия Германовна Герчикова (впоследствии, уже в Москве,

мы дружили с Е. Е. Городецкой, кандидатом наук, ставшей женой еврейского писателя Ноаха Лурье). Они были намного старше меня, и было необыкновенно интересно, ново, поучительно слушать их и позже участвовать в обсуждении записей. Это приучило меня считать главным в работе умение разговаривать с читателями, уважать, выявлять и формировать их интересы. Я проработала там около двух лет, пытаясь сама обслуживать читателей. Получалось неплохо.

В конце 1925 г. я приехала в Москву, училась год в консерватории (в Киеве я окончила музыкальное училище), затем на вечернем отделении университета и продолжала работать в библиотеках. Моей первой работой в столице была Центральная городская библиотека (должность помощника библиотекаря), которой руководил Александр Александрович Покровский. О том, что его ругали, прорабатывали за идеалистический подход, я узнала позже. А тогда весь коллектив очень любил его и его кошку, в библиотеке царила чрезвычайно доброжелательная атмосфера, и мне было интересно и приятно работать в читальном зале, подбирать книги по читательским требованиям, расставлять книги.

Там я познакомилась с двумя биографиями. Одна была брюнетка с прекрасными зелеными глазами, все знала, на все вопросы умно и быстро находила ответ. Это была Дебора Михайловна Войтинская, с которой мы крепко дружим до сих пор. Вторая была красивая блондинка Елизавета Петровна Коршунова, с ней мы позже встретились в научно-методическом отделе ГБЛ.

Они мне казались богинями: все знали, на все находили ответ, и, наверное, их пример внушил мне уважение и интерес к библиографии.

После работы в ЦГБ я состояла на бирже труда, попадала на временную работу и, наконец, в 1928 г. получила работу библиотекаря в Промышленной академии им. Сталина.

Она была основана в 1927 г. (для нее было построено здание на Новобасманной, 20) для переподготовки красных директоров — рабочих выдвиженцев. Большинство из них не имели никакой образовательной подготовки. Широко

известно, что там учились Н. С. Хрущев и Н. С. Алилуева. Там были и люди с богатыми биографиями.

После Промышленной академии (с 1930 по 1932 г.) я работала заведующей научно-технической библиотекой на ижевских оружейных и сталелитейных заводах; с сентября 1933 г. — заведующей библиотекой завкома ГПЗ-1 в Москве.

В апреле 1945 г. я пришла в Государственную библиотеку СССР им. Ленина. Мне пришлось во многом переучиваться. Все, что я знала и умела делать, было непригодно для большой научной библиотеки. Существовал процесс прохождения книги, «путь требования», «путь читателя», которыми занимались несколько отделов. И только благодаря прекрасному отношению товарищей по работе, стремлению помочь в освоении всех тонкостей процесса обслуживания читателей, вниманию дирекции я довольно скоро стала свободно ориентироваться в работе отдела обслуживания, где проработала два первых года. Там началась наша дружба с Б. И. Щеголевой, которая продолжалась до ее смерти в 1975 г. и имела большое влияние на мою жизнь и мировоззрение.

Хочу остановиться на двух моментах работы в отделе обслуживания. Лето 1945 г. было временем возвращения к мирной жизни тысяч солдат, в том числе молодежи, ушедшей на фронт из школ, с первых курсов институтов. Они стремились возвратиться к учебе, наверстать упущенное, приобрести профессию. Ими был заполнен общий читальный зал, где работали три прелестные молодые женщины — З. И. Колчина, А. Н. Ефимова, А. З. Вощинина. Работали весело, с полной отдачей сил, высоким профессионализмом. Стали вместе думать, как лучше помочь этой новой для ГБЛ аудитории читателей. И тут пригодился мой и З. И. Колчиной опыт работы в массовых библиотеках.

На площадках перед залом и перед антресолями была организована большая открытая выставка книг в помощь самообразованию, самостоятельной учебе, подготовке в вузы и техникумы. Книги можно было просмотреть, брать для чтения. Проводились консультации по выбору профессии, по работе с книгой, культуре

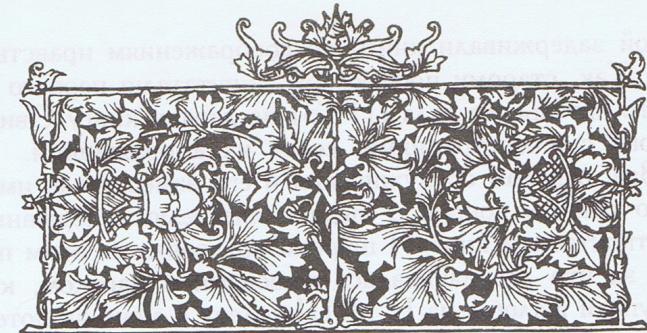
чтения, обзоры книг, справочных, учебных пособий. Выставка активно использовалась молодыми читателями. Она просуществовала около года и была свернута, когда изменился контингент читателей и надобность в ней миновала.

Существование общего читального зала было необходимым звеном в обслуживании читателей ГБЛ. Многие поколения студентов обретали здесь любовь к книге, учились использовать источники, найти которые можно было только в ГБЛ и библиотеке МГУ. Атмосфера этого зала запомнилась многим тысячам читателей. Несмотря на очереди, они старались записаться именно сюда, чтобы пользоваться отличным справочно-библиографическим обслуживанием, ощутить атмосферу культуры, науки, знания.

Закрытие зала было большой ошибкой руководства ГБЛ, уступкой увлечению помочью в профессиональном чтении другим категориям читателей.

Надо было только уменьшить количество учебников, чтобы люди приходили в общий читальный зал не сидеть за учебным пособием к экзамену, а использовать фонды ГБЛ для культурного роста, приобщения к миру науки и искусства, для сохранения преемственности поколений.

Второй момент — политконтроль, установленный на пути книги к читателю. Доставляемые по требованию читателей из основного хранения книги попадали на стол дежурного политконтролера на предмет установления, нет ли в них политической крамолы или запрещенных авторов и т. п. Политконтролеры (в их группу входили несколько старых коммунистов — тт. М. К. Бубнова, Иткова, А. Я. Фельдман) свирепствовали. Отказывали читателям — профессорам, кандидатам наук, специалистам — в сборниках, где печатались «враги народа», журналах, если в номерах, переплетенных вместе с требуемым читателем номером, были опубликованы статьи многочисленных запрещенных авторов. Не слишком образованные политконтролеры могли задержать книги по собственному разумению — не выдавать читателю научного читального зала И. Фихте, И. Канта, К. Каутского, З. Фрейда и многих других авторов.

Порой задерживали книги по соображениям нравственным. Так, старому профессору — читателю первого научного читального зала (НЧЗ) не давали книгу Овидия Назона с иллюстрациями, сочтя их аморальными.

Зав. отделом обслуживания и его заместитель имели право решить вопрос о выдаче читателю задержанных политконтролем книг. Я широко пользовалась этим правом, за что расплачивалась вызовами в партком, куда поступали жалобы на Б. И. Щеголеву и меня за потерю или притупление бдительности, за пропаганду трудов врагов народа, за потакание читателям в их любознательности. Это очень омрачало интересную работу в прекрасном коллективе. Хорошо, что директор В. Г. Олишев брал нас под защиту, понимая абсурдность и вред политической цензуры.

После войны библиотека переходила к специализированному обслуживанию читателей. Шли поиски лучших форм организации читальных залов. Было принято решение о создании подсобных фондов при научных читальных залах, шли споры о том, как осуществить справочно-библиографическое обслуживание.

3 сентября 1945 г. был открыт научный читальный зал № 3 — гуманитарных наук. Он располагался в помещении теперешних отделов комплектования и абонемента. Читателей прибавлялось с каждым днем, потребность в таком зале была очень большой. Зал возглавляла Е. Д. Ягодина, я курировала работу зала, высказывалась за необходимость приближения справочно-библиографического обслуживания к читателю.

В 1948 г. решением дирекции была освобождена от работы заведующей справочно-библиографическим отделом М. М. Лозоватская (беспартийная) и назначена на ее место Б. И. Щеголева (старый член КПСС). Это было, как я теперь оцениваю, несправедливо. М. М. Лозоватская была специалистом, сумевшим собрать великолепный коллектив, создать бесценный, уникальный фонд справочных изданий. Б. И. Щеголева была хорошим организатором, сразу оценила достоинства своих сотрудников (традиции коллектива) и мало что изменила в жизни отдела.

Через 2 года я перешла на работу в справочно-библиографический отдел. Здесь я столкнулась с целым рядом уникальных, бесценных, незаменимых специалистов — знатоков общей и отраслевой библиографии, для которых слова «нет» в ответ на запрос читателя не существовало.

Мне хочется рассказать об этих людях, моих наставниках, охотно делившихся со мной и с другими молодыми сотрудниками своими уникальными знаниями.

Я никогда не встречала более организованного, квалифицированного работника, чем Валентина Васильевна Клевенская, которая была правой рукой заведующего отделом.

Знатоком своего дела была Зинаида Васильевна З布鲁ева, специалист по русской истории.

Вся театральная, искусствоведческая Москва знала Аллу Ивановну Савицкую, специалиста в области изобразительных искусств, театра, музыки.

Не уступали им в своих знаниях Александра Георгиевна Тимофеева, Михаил Иванович Нефедов, Лидия Руфовна Агранат, Фаня Ефимовна Эбин, Юлия Германовна Кондратьева. Я чувствовала себя профаном, но мои намерения организовать специализированное обслуживание читателей, приблизить к ним подсобные фонды, справочный аппарат нашли отклик среди специалистов-отраслевиков. Был организован справочно-библиографический кабинет при читальном зале для научных работников гуманитариев — историков, филологов, юристов, искусствоведов. Созданный подсобный книжный фонд, фонд наиболее употребляемых справочных изданий и библиографических пособий широко использовались читателями. Их обслуживали дежурные библиотекарь и библиограф. При любых трудностях у дежурного библиографа всегда была возможность обратиться к главному специалисту-библиографу, пригласить его на встречу с читателем, получить консультации или передать на доработку запрос читателя. Мы впервые стали проводить для читателей обзоры источников, основных для разных специалистов библиографических пособий, учили составлять библиографию к диссертации.

С переездом научного читального зала № 3 в новое помещение, передачей подсобного фонда в отдел обслуживания Центральная справочная библиотека (ЦСБ) оказалась на том же этаже, что и читальный зал. Поэтому система справочно-библиографического обслуживания была изменена*.

Я была хорошо знакома с заведующей научно-методическим отделом (НМО) Е. Д. Ягодиной, которая до войны работала в профсоюзной библиотеке Центрального телеграфа. Она искала в реорганизуемый кабинет библиотековедения (КБ) ГБЛ людей из массовых библиотек и очень соблазняла меня переходить в НМО. С этой целью послала меня в командировку на Алтай посмотреть, как обслуживаются книгой целинники. Мы с Л. Глазычевой побывали в Алейском, Быстроистокском, Уч-Пристанском и других районах. При нас приходили посылки с книгами, мы участвовали в их распределении, посещали колхозы, совхозы и вновь созданные бригады, работающие в самых отдаленных местах, познакомились с работой Алтайской краевой и районной библиотек. Впечатлений была масса, ездили на бензовозах и на лошадях, ночевали в самых экзотических условиях.

После этой поездки я дала согласие перейти на новую работу. В КБ были переведены работники методического кабинета библиотековедения, существовавшего как самостоятельная организация. Менялись функции — надо было осуществлять методическую помощь всем библиотекам РСФСР, а вскоре и СССР. Формировался коллектив из опытнейших методистов: Е. И. Хасина, В. В. Нейман, Е. П. Коршунова, Н. М. Метелкина, позже, в 1955 г., к нам из Министерства культуры пришли В. С. Кессених, Г. А. Семенова.

* Как читатель НЧЗ № 3 могу сказать, что в 1980—1993 гг. справочно-библиографическое обслуживание было неудовлетворительно. Дежурные библиографы в большинстве не знали фонда ЦСБ, легко отказывали читателям, были нелюбезны, а иногда и просто грубы. Фонды ЦСБ использовались недостаточно. Читателя легко отсылали в систематический каталог и даже к справочному аппарату Государственной публичной исторической библиотеки.

Были чудесные молодые сотрудники — С. М. Смирнова, Н. Е. Добрынина, пришедшая в 1955 г. после окончания МГУ, талантливая, яркая индивидуальность которой помогла ей быстро стать любимицей отдела и вырасти в доктора наук, ведущего специалиста библиотеки.

Налаживалась работа — новая для КБ, для библиотеки Ленина — помочь массовым библиотекам. Я довольно быстро освоилась в новом коллективе (было много и старых знакомых), в котором существовало единое мнение, взгляды и на работу массовых библиотек, и на роль ГБЛ как методического центра. Был организован небольшой сектор работы с читателями, которым заведовала Е. И. Хасина, человек огромного обаяния, больших знаний. Она направляла усилия сектора на оказание помощи массовым библиотекам в пропаганде книг, в выборе наиболее действенных, прогрессивных форм работы с книгой, в оказании помощи читателям в выборе книги.

Я пришла в НМО уже со сложившимися взглядами на методы и принципы деятельности массовой библиотеки, на значение рекомендательной библиографии, на ведущую роль индивидуального общения библиотекаря с читателем.

Конечно, мы допускали очень серьезные ошибки, характерные для того времени, — ориентировали работу в основном на малоподготовленного читателя, не имеющего навыков культуры чтения, помочь которому реализуется в пределах книжного фонда массовой библиотеки, ограничивается кругом общеобразовательных проблем, привлечением к самообразовательному чтению. Мы не чувствовали ограниченности репертуара книги, связанной с состоянием книгоиздательского дела. Нам не приходило в голову, как обделяет читателя невозможность ознакомить его с трудами Н. А. Бердяева, В. В. Розанова и других философов, с поэзией М. И. Цветаевой и О. Э. Мандельштама, с книгами троцкистов, других оппозиционеров и т. д.

Это происходило от нашей зашоренности, узости взглядов, от слепой веры в правоту коммунистической идеологии.

В 1955 г. состоялась одна очень важная и интересная для меня командировка в Киргизию для оказания помощи Государственной республиканской библиотеке. Со мной были С. М. Смирнова и Ванштейн (из отдела восточной литературы). Это было связано с переходом ГБЛ в ведение Министерства культуры СССР и новой обязанностью — оказанием помощи библиотекам союзных республик. Выезд в Киргизию был первым.

Впечатлений была масса. От красоты высоких снежных гор, от Иссыккуля, от людей, от бедности самой библиотеки. Мы выезжали в 4 района, провели совещания директоров тогда 5 областных библиотек, подробно ознакомились с работой всех отделов библиотек. По итогам поездки мы предложили заменить старого директора Государственной республиканской библиотеки работавшей в отделе обслуживания Асей Сагимбаевой. Она директорствовала очень много лет, построила новое здание и вывела библиотеку в число лучших. Она ездила в Париж, по всей стране, стала настоящим деятелем культуры.

Немало времени я уделяла написанию и редактированию методических работ. Первыми я редактировала брошюру Е. П. Коршуновой «Справочно-библиографическая работа сельской библиотеки» и сборник «Пропаганда общественно-политической литературы». Затем я писала статьи и методические рекомендации по вопросам пропаганды трудов Ленина, материалов съездов КПСС, по работе с разными сериями общественно-политической литературы.

Мое стремление заниматься проблемами работы с читателями в более крупных библиотеках нашло выход в создании (1958—1961 гг.) пособия «Абонемент городской библиотеки», в котором участвовали методисты и библиографы отдела рекомендательной библиографии (в 1958 г. НМО и ОРБ существовали как один отдел). Говорят, что этим пособием пользуются до сегодняшнего дня. Построенное по отраслевому принципу, оно содержит полезные рекомендации по формам и методам наглядной пропаганды, индивидуального подхода к читателям.

В этом пособии редакторы — В. В. Нейман и я — отказались от термина «руководство чтением». Мы заменили его не слишком удачным термином «помощь читателям в выборе книг». Понимая его нечеткость и недостаточность, мы хотели освободиться от командного, назойливого понятия «руководство чтением». При обсуждениях глав пособия, с которыми мы выезжали в Саратов, Куйбышев, библиотекари одобрили эту попытку уйти от несоответствующего, вызывающего раздражение читателя понятия. Книга вышла, пользовалась успехом у библиотекарей и методистов.

В 1962 г. к нам в отдел пришел новый зам. директора ГБЛ О. С. Чубарьян и сделал суровое внушение: как мы посмели пренебречь установленным в библиотековедении термином, недооценить значение именно руководства чтением со стороны библиотекаря — проводника политики партии, воспитателя нового человека и т. д. и т. п. Мы с этим не соглашались, но... в дальнейшем, как подневольные работники государственного учреждения, были вынуждены вернуться к понятию «руководство чтением».

Вынуждены мы были при подготовке пособия принять поправки редактора издательства «Книга», которая требовала вставить несколько примеров работы с книгами на злобу дня. Так появились упоминания книг Заглады и др., от которых сегодня краснеют уши.

Я писала о том, что в 1958 г. НМО был слит с отделом рекомендательной библиографии. Не будем обсуждать, было это правильно или нет, но для решения проблем пропаганды книги, работы с читателями это, несомненно, было благо. Библиографы — специалисты-отраслевики — работали вместе с нами, ездили в командировки, участвовали в подготовке и проведении межобластных и других совещаний. Дважды было издано пособие С. С Левиной «Как работать с рекомендательной библиографией». Редактором была я. Очень много спорили о типах пособий, о малых формах, адресованных малоопытному читателю, молодежи.

Коллектив библиографов работал над многотомной «Книгой о книгах», мы настаивали на необходимости издания книжных закладок типа «Что читать дальше»,

«С чего начать» и др. Такие закладки были выпущены нами по материалам Куйбышевской областной библиотеки; эксперименты по работе с ними показали эффективность такого вида пособий.

Почти 20 лет я была членом редакционного совета отдела рекомендательной библиографии, участвовала в активных, неутихающих спорах о месте, роли и путях ее развития. До сегодняшнего дня я убеждена в необходимости пособий, ориентирующих и библиотекаря и читателя в мире книг, помогающих в их выборе.

Хорошо запомнились межобластные научно-практические конференции, проведенные в 1958 и 1964—1965 гг. Они были посвящены работе с читателями.

Тщательно готовились. По материалам конференций в Куйбышеве и Иркутске (1958 г.) был выпущен большой сборник «Идейно-воспитательная работа библиотек». На основе конференций в Волгограде и Красноярске (1964 г.) и во Львове (1965 г.), подготовленных и проведенных под непосредственным руководством О. С. Чубарьона, был опубликован сборник «Роль библиотек в коммунистическом воспитании». В нем представлен самый интересный опыт библиотек и комментарии наших лучших специалистов — В. В. Нейман, С. М. Смирновой, В. Д. Стельмах и др. Это был шаг вперед в выработке типа методического пособия.

Конференции давали очень хорошее знание людей, содействовали общению библиотекарей между собой, позволяли выявить, апробировать лучший опыт, полезную инициативу, послушать критику в свой адрес. В Иркутске, где присутствовали представители Министерства культуры, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ГБЛ, было внесено предложение открыть в Улан-Удэ библиотечный институт в целях подготовки кадров для Сибири и Дальнего Востока.

В обязанности нашего отдела входили многочисленные выезды — индивидуальные и бригадные — во все республики Союза, во все типы библиотек. Цели их — изучение опыта, оказание помощи, проведение совещаний, присутствие на конференциях, семинарах, обследование работы государственных республиканских библи-

отек, апробирование наших пособий и др. Таких командировок в год бывало 4—5, а то и больше. Меня — любительницу ездить и смотреть — это необычайно устраивало. Поездки создавали дружеские связи, добрые отношения с библиотекарями, позволяли работникам НМО действительно хорошо узнать состояние и нужды библиотек страны. Это создавало и авторитет отдела, порождало активную переписку, поток запросов и обращений.

Мы были в те годы, до создания Института повышения квалификации, вместе с Министерством культуры организаторами и преподавателями курсов для разных категорий работников — директоров областных, городских библиотек, методистов, зав. справочно-библиографическими отделами республиканских и областных библиотек, отделами комплектования, каталогизации, работников абонементов, читальных залов и др.

В конце 60 — начале 70-х гг. всталась проблема профессионального чтения, обслуживания книгой специалистов. На мой взгляд, Оган Степанович Чубарьян занял тогда не очень правильную позицию, рассматривая областные библиотеки как организаторов профессионального чтения специалистов. До этого держали курс на развитие областных библиотек как центров культуры, призванных обеспечить общеобразовательное, самообразовательное (в том числе профессиональное) чтение, имея в виду существование сети специальных научно-технических заводских, областных библиотек, библиотек медицинских, институтов повышения квалификации учителей. О. С. Чубарьян считал иначе: во главу угла поставить обслуживание специальной литературой, строить библиотеку по отраслевому принципу, закрыть универсальный абонемент. Это влекло за собой прекращение обслуживания республиканскими библиотеками студентов, ослабление культурно-просветительной работы, снижение числа читателей, уменьшение использования книжных фондов областных и республиканских библиотек.

По этим вопросам было очень много споров, мы сопротивлялись, но мнение Огана Степановича, которому мы безгранично доверяли, общая тенденция развития

производства заставили нас смириться с такой направленностью республиканских и областных библиотек.

В 1966—1967 гг. была издана работа «Обслуживание специалистов областной библиотекой» (авторы С. М. Смирнова и я), в которой сделана попытка примирить разные точки зрения и определить оптимальные пути совершенствования обслуживания читателей-специалистов.

Во всех пособиях, посвященных пропаганде той или иной литературы, мы всегда нацеливали библиотекарей на привлечение читателей к литературе по самым разным проблемам, темам, вопросам. Придавали большое значение чтению художественной литературы, книг по искусству.

Мы верили в возможности библиотеки влиять на формирование советского человека. Поэтому принимали немалое участие в ориентации библиотек на работу в помощь интернациональному, патриотическому, атеистическому воспитанию. Сознавая с позиций сегодняшнего дня все отрицательные стороны нашей работы, я невольно вспоминаю — и этим утешаю себя — отзыв библиотекаря К. Богацкой, работающей на Дальнем Востоке, о лично моей деятельности, опубликованный в журнале «Библиотекарь» (примерно в 1966—1968 гг.). В нем говорилось о том, что обычно приезжающие методисты и работники Управления культуры спрашивают о цифрах, требуют выполнения контрольных показателей, а вот приезжала Е. Е. Троицкая и смотрела формуляры читателей, интересовалась логикой рекомендаций, снимала с полок книги, которые мало рекомендовались, но которые должны быть интересны читателям.

С каждым годом мы все острее ощущали отсутствие научной базы своей работы, знания психологии чтения и читателей, круга их интересов, научно обоснованных принципов дифференциации читательской аудитории.

И когда в начале 60-х гг. стала возрождаться социология, начали и мы применять ее методы для получения научно обоснованных данных. В 1965—1966 гг. мне довелось участвовать в двух опросах читателей: в селе Отказном Ставропольского края, где мы провели две недели, подробно изучая формуляры читателей и

беседуя с каждым, чтобы выявить полную картину чтения, состав домашней библиотеки, процесс использования ее фонда в совокупности с фондами других библиотек. Работала я также в составе бригады ЦК КПСС в селе Комсомольское Минской области, где проводилось комплексное изучение всей социальной и культурной сферы села путем интервью, анкетирования, анализа документации.

Об итогах поездки этой бригады мы докладывали в ЦК КП БССР и написали коллективную статью в журнал «Партийное строительство». Очень огорчились, когда после нескольких редакций (в ЦК, журнале) и цензуры статья все «розовела и розовела», из нее уходили отдельные фразы, цифры, а с ними и правда жизни и оставалась лишь шелуха слов. Это было нормально в те годы.

Вскоре, в 1965 г., была создана группа молодых талантливых сотрудников, которые организовали изучение интересов, структуры чтения разных аудиторий читателей. Это были Н. Е. Добринина, С. М. Смирнова, В. Д. Стельмах. Принимали участие в работе и методисты — С. П. Бачадина, В. В. Нейман, я и др. Во многом шли ощупью, пользуясь консультациями социологов, таких как В. Шляпентох, М. Айвазян, Ю. Левада, Л. Гордон, на ходу осваивали методы социологического исследования.

Это было необыкновенно интересно, ново. Однако во многом мы шли методом проб и ошибок. Складывалась неполная картина чтения оттого, что мы его анализировали только по материалам библиотек.

Это была первая проба в области социологического исследования чтения, и в те годы, безусловно, полезная.

После выхода в свет монографии «Советский читатель» из НМО выделилось научно-исследовательское подразделение с сектором социологии чтения.

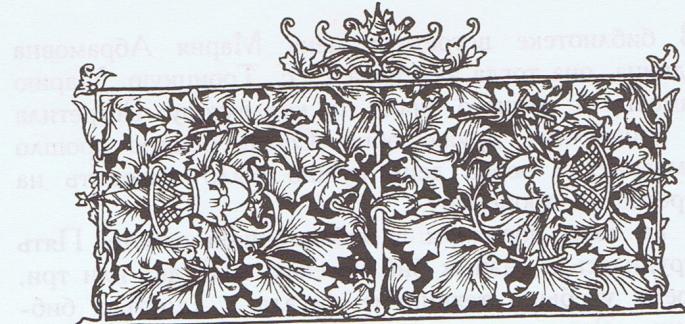
Я осталась в секторе работы с читателями научно-методического отдела. Пришли в 1968 г. новые люди — М.И. Львова, Л.Г. Жукова, Т.И. Ходукина. Мы продолжали свою работу в помощь библиотекам, участвовали в подготовке 2-го издания пособия «Сельская библио-

тека», опубликовали серию пособий в помощь пропаганде художественной литературы.

В эти годы начиналась работа по централизации массовых библиотек. Я была абсолютно не согласна с ее быстрыми темпами, с тем, что лишалась инициативы отдельная библиотека, внедрялся шаблон, единообразие. Не верилось в лучшую организацию использования фондов, в увеличение их мобильности, в движение книг по запросам читателей ввиду отсутствия транспорта, телефонной связи. Однако согласно директивам Министерства культуры СССР сектор принимал участие в разработке ряда основных документов, регламентирующих деятельность библиотек.

Провели мы Всесоюзную конференцию по эстетическому воспитанию читателей. Разрабатывали комплексную программу работы библиотек и оказания им методической помощи.

В начале 1974 г. я ушла на пенсию, оставив во главе сектора Л. Г. Жукову.

О. А. ТЕРЕНТЬЕВА

Первое знакомство с библиотекой завкома 1-го ГПЗ произошло в 1933 (34?) г. на одном из собраний библиотекарей, на котором зав. библиотекой 1-го ГПЗ Е. Е. Троицкая делала сообщение о проводившемся «походе за знание». Я тогда работала в библиотеке одного из подмосковных заводов. Хорошо помню впечатление, которое произвели на меня, да и не только на меня, серьезность, размах проведенной работы, количество привлеченных к ней читателей. Я по-хорошему позавидовала умелому и дружному коллективу библиотеки 1-го ГПЗ.

В 1935 г. осенью я по сложившимся семейным обстоятельствам переехала в Москву и пошла к Розалии Самуиловне Кибрик, методисту профсоюзных библиотек, автору книг, библиотековедческих публикаций, которая меня знала по прошлой работе, с просьбой посоветовать, куда пойти «наниматься». Розалия Самуиловна предложила мне 1-й ГПЗ, правда, сказала она, туда будет далеко ездить от дома, но я ответила, что на 1-й ГПЗ я согласна ездить из любого места. Было мне в ту пору 24 года, и расстояния не играли роли.

В библиотеке встретила меня Мария Абрамовна Фрадкина, она тогда заменяла Е. Е. Троицкую. Марию Абрамовну я немного знала по коллекtorу. Встретила меня приветливо, дружелюбно. Очень быстро прошло оформление, и через день нужно было выходить на дежурство на абонемент.

Я не была новичком в библиотечной работе. Пять лет трудилась в разных библиотеках, года два или три, во время учебы в техникуме, бегала в «друзьях библиотеки». Это давало мне право чувствовать себя более или менее уверенно, но на самом деле получилось по-иному, по крайней мере на первых порах.

При том дефицит на книги, который был в 30-е гг., ни о каком открытом доступе и речи не могло быть. Даже на кафедру выдачи книги не выкладывались. Витрины книжных выставок были застеклены. На подручной полке книги стояли открытыми (по разделам). Если не было нужной читателю книги, библиотекарь с этой полки подбирал книгу, которая в какой-то степени могла заменить ту, которую спросил читатель, или, если у него нет определенного спроса, пытался установить, о чем хочет читать этот человек, и предложить из наличия книги. Рекомендовали не только беллетристику, но и стремились пробудить интерес к научно-популярной, исторической и политической книге.

В те годы в библиотеке было порядка 10 000—12 000 читателей (может быть, ошибаюсь в сторону преувеличения, но ненамного), в день проходило до 400—500, а иногда и до 600 человек. Почти все время стояли очереди, особенно в часы пик, то есть перед и после смен на заводе. Каждый библиотекарь должен был «отпустить» не менее 80 человек за четыре часа работы на абонементе, но редко кто из нас работал четыре часа, обычно прихватывали час-полтора, а то и все два... На читателя мы могли истратить три-четыре минуты, за которые нужно было принять книги, выяснить, что он хочет получить, сбегать в книгохранилище или предложить с подручной полки книги, хотя бы несколько слов сказать об этой книге, да еще порекомендовать что-нибудь небеллетристическое, так как художествен-

ную книгу мы могли выдать читателю только одну. Когда Мария Абрамовна знакомила меня с заведенными на абонементе порядками, мне они показались не очень страшными, а став на «вахту», я поняла, что это такое! Месяца два-три я работала особенно напряженно. Меня поразила тяга людей к книге, поразило, что люди, проработав смену в цехах, стоят 30—40 минут (а бывало и больше!) в очереди, чтобы получить книгу! Я должна сделать все, чтобы люди быстрее освобождались, поэтому и темп работы был соответствующим. Я плохо видела окружающее и плохо соображала что-нибудь другое, кроме технологии выдачи. Через два-три месяца я начала втягиваться, туман понемногу рассеивался, работать стала ровнее, но темп старалась не снижать. Появились «свои» читатели, особенно те, кто ценил мой темп, но более серьезный, вдумчивый читатель предпочитал постоять лишние десять минут и попасть к Анаид Артемьевне Лисиновой (мы с ней работали в одной смене первые полтора года) или к Марии Абрамовне, если она была с нами на абонементе.

Книг не хватало. Чтобы дать людям возможность прочитать то, что они хотят, мы ввели очередность на книги. Заполнялись обычные открытки, и, когда подходила очередь, посыпали читателям извещение о том, что книга им отложена. Естественно, что большая часть заказов падала на художественную литературу: книги русской и иностранной классики (романы Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, И. А. Gonчарова, Ф. М. Достоевского и многих других; из западных — О. Бальзака, Э. Золя, Р. Роллана, Ч. Диккенса и др.; современная советская литература — М. А. Шолохов, А. Н. Толстой, Н. Островский, Ильф и Петров и другие). Наряду с художественной литературой были заказы на историю гражданской войны (т. 1), книгу о Лейпцигском процессе (название забыла), книги по истории музыки, живописи и много других. Налаживать все это хозяйство было поручено мне. Заказов было очень много, и заказывали книги по-настоящему хорошие, называли их подчас не очень правильно, например, «Анна Каревна», «Анна Кареевна» и т. п. По заказам можно восстановить не-

которые события: Художественный театр поставил спектакль по роману Л. Н. Толстого — *Анна Каренина*; спектакль транслировался по радио, и сразу же возрос спрос на книгу.

Примерно в это же время мы начали работать с планами чтения, которые мы предлагали нашим читателям. Это были не готовые планы, а составленные вместе с читателем, с учетом его интересов и запросов, конечно, частично использовались и готовые планы чтения. Работа эта была интересной, но и очень трудной. У меня она не очень получалась: из всех составленных мною планов помню только один, но зато им остался доволен читатель. План был по произведениям Бальзака (!), я добросовестно оставляла читателю все основные его произведения. За это надо мной добродушно подсмеивалась Евгения Ефимовна, она говорила, что этот читатель очень меня хвалил.

Время шло, я чувствовала себя на абонементе уже спокойнее, увереннее. С читателями у меня, как правило, отношения были дружелюбные. Мне всегда хотелось, кроме быстроты, как-то скрасить томительное ожидание в очереди какой-нибудь немудреной шуткой. И читатели охотно откликались на это. Была, правда, одна небольшая группа читателей, которую я ненавидела (я не оговорилась). Это были люди, возможно, много читавшие и вообще культурные, но любившие показать свою «культурность», томно прося «дать им что-нибудь рафинированное», «что-нибудь вроде Шодерло де Лакло» (Боже мой, я и сейчас правильно написала фамилию этого писателя, только посмотрев в энциклопедию), а тогда я представления о нем не имела. Несколько раз они меня загоняли в тупик, и я, завидев их, под каким-нибудь предлогом исчезала с абонемента.

Мне хотелось бы отметить большое доверие к нам со стороны читателей, и не только не искушенных в чтении, а и тех, кто хорошо и много читал. Мы не имели возможности дать для выбора много книг, но читатели верили, что мы действительно даем им лучшее из того, что есть в настоящее время.

За время работы на абонементе я принимала участие в двух массовых мероприятиях. Первое было связано с 100-й годовщиной со дня гибели А. С. Пушкина. У нас в библиотеке была очень хорошая выставка, мы выдавали много книг великого поэта. Тогда удалось купить большое количество отдельных изданий А. С. Пушкина (*«Повести Белкина»*, *«Дубровский»*, *«Поэмы»* и др.), люди очень охотно брали эти маленькие книжечки и, возвращая, как-то очень хорошо о них говорили. Много бесед проводилось в цехах. К комсомольцам сепараторного цеха была приглашена лектор, мне было поручено ее сопровождать. Пришли мы в красный уголок, народу было человек 25—30. Лектор была замечательный, она как-то особенно тепло и проникновенно говорила о последних годах жизни А. С. Пушкина, о его дуэли и смерти. И вот я до сих пор вижу этих ребят, которые буквально затаив дыхание слушали ее рассказ о последних днях поэта и у некоторых стояли в глазах слезы. После беседы ребята очень дружески провожали нас.

Второе мероприятие — это обсуждение с читателями по просьбе издательства научно-популярной литературы небольшой серии книг: А. И. Опарин, *«Происхождение жизни на Земле»*; Б. А. Воронцов-Вельяминов, *«Происхождение миров»*; Шишков, *«Астрономия»*. Названия книг даю по памяти и потому, возможно, не совсем точно. Собирать отзывы читателей, суммировать их и готовить обсуждение было поручено мне. Книги эти читатели брали охотно, а отзывы писали значительно менее охотно, но все же какое-то количество отзывов мы собрали. Обсуждение было в присутствии представителя издательства и авторов. Правда, из авторов явился только один Шишков. Это было лето 1937 г., несколько дней назад происходило какое-то интересное астрономическое явление, и группа ученых выезжала из Москвы наблюдать его. На обратном пути произошла небольшая авария автомашины, в которой находились Воронцов-Вельяминов и Шишков, пострадали они не очень сильно, но все же Воронцов-Вельяминов не мог приехать к нам. Шишков явился с наклейкой на лице, но был

очень оживлен, с юмором рассказывал об их поездке и очень понравился всем присутствующим.

Обсуждение проходило достаточно живо и интересно, от имени неявившихся читателей выступала я, но, помнится, не лучшим образом.

Вот, пожалуй, и все, что я могу рассказать о своей работе на абонементе за два с половиной года. По недостаточной опытности я почти не принимала участия в работе «мозгового центра» библиотеки, который находился в кабинете заведующей и где рождались «гениальные идеи». Я просто старалась делать возможно лучше то, что мне было поручено. В рабочее время укладываться почти не удавалось, и потому мы часто прихватывали несколько часов, что мне не всегда было удобно.

Осенью 1938 г. обострившаяся болезнь вывела меня из строя. 6 месяцев я пробыла в санатории, а когда в феврале 1939 г. вышла на работу, то на абонемент уже не встала. Несколько месяцев я просидела на внутренней работе, а потом меня перевели в читальню, где я и работала до эвакуации в дни Отечественной войны.

Конечно, мне было очень жалко расставаться с абонементом, но я понимала, что работа в читальне мое спасение, а потому и старалась привыкнуть к новому темпу.

В читальне были газеты, журналы, небольшое количество наиболее дефицитных научно-технических, политических книг, учебники, художественная литература.

Был и свой, установившийся круг постоянных читателей: это работники завода, приходившие в обеденный перерыв просмотреть газеты или до смены на часок почитать какую-нибудь книгу, которую трудно получить на абонементе. Вечерами прибегали старшеклассники, дети работников, живущих рядом с заводом. Им нужно было подготовиться к урокам, написать сочинение и т. д. С некоторыми из этих ребят и девчат я потом дружила в Куйбышеве, даже когда они становились мамами или бабушками.

В читальне у нас было много альбомов газетных и журнальных вырезок по различным темам. Их охотно

использовали читатели. Вела я и библиографическую картотеку журнальных статей. Короче, день был занят, но на абонемент я все-таки посматривала с завистью.

В заключение хочу сказать о том, какой замечательный был у нас коллектив. Мне посчастливилось быстро войти в него. Наш костяк — Мария Абрамовна, Анаид Артемьевна, Лидия Степановна, позднее София Наумовна были по возрасту старше меня и намного опытнее. Это давало мне возможность многому учиться у них, а учили они меня очень дружески, не обидно.

Много помогли мне товарищи, когда в 1936—1938 гг. на мою бедную голову сыпались всякие беды: болезнь ребенка, болезнь мамы, собственная болезнь и, наконец, арест отца в 1938 г., когда мы остались, по сути, без жилья. Сколько сделали для меня Евгения Ефимовна, Анаид Артемьевна и Мария Абрамовна, перечислить трудно, но я знаю только одно, что если я и выкарабкалась из всех этих передряг, то только благодаря их помощи.

Дружно жила младшая часть нашего коллектива: Тамара Бейм, Мери Цвасман, Нина Кавер и другие. За все время работы я не помню ни одной крупной ссоры, ни одной склоки, что в чисто женском коллективе, увы, не редкость.

Октябрь 1977 г.

Г. Н. ДМИТРОВСКИЙ

Первого октября 1932 г. открылась заводская библиотека-читальня... С библиотекой у меня связаны самые теплые воспоминания. В годы моей молодости бывали лишь редкие дни, когда я не забегал в ее скромные тесноватые, но уютные «хоромы», не встречался с добрыми, умными, приветливыми и гостеприимными работниками, составлявшими небольшой, но слаженный, дружный, влюбленный в свое дело, инициативный коллектив во главе с заведующей Евгенией Ефимовной Троицкой.

Приходилось мне в те годы помогать библиотеке оформлять ее помещение. На планшетах, обтянутых серым холщовым полотном, я писал высказывания классиков художественной литературы о значении книг, пользе чтения и т. д.

Кроме того, я активно участвовал в вовлечении новых читателей из числа подшипниковцев. А делал это так: в кузнечном цехе, где меня избрали комсоргом, работало около 100 комсомольцев и много молодежи. Штамповщики и кузнецы большей частью были выходцы из деревень, образование не блистали. То с одним, то с

другим парнем я заводил разговор о литературе, интересовался, читает ли он, чем увлекается, а затем говорил: в заводской библиотеке есть книги на тему, его интересующую, и приглашал «навестить» ее. Так по 2—3 человека приводил ребят. Мне приходилось наблюдать при этом, как библиотекарь на абонементе умело, чутко интересовалась, чем увлекается парень, что его волнует, какая у него подготовка, развитие, что читал раньше, и тут же на выбор предлагала ему 3—4 книги, кратко говоря о содержании каждой из них. И юноша без книги из библиотеки не уходил. Конечно, не все, но значительная часть кузнецов становились постоянными читателями.

Так вовлекал читателей не только я, но и другие активисты из цехов завода.

Надо подчеркнуть, что в те годы заводская библиотека играла значительную роль в развитии культуры, духовном росте кадров подшипниковцев. В стенах библиотеки работал единственный на заводе кружок по изучению иностранных языков. По инициативе работников библиотеки и при их активном участии был создан «лекторий выходного дня». В конференц-зале учебного комбината по выходным дням читались квалифицированные лекции по различным разделам культуры: об искусстве, литературе и другие, с концертами, показом фрагментов из кинофильмов и т. д.

Несмотря на то что делалось это по выходным дням, просторный зал не пустовал и имел постоянную и заинтересованную аудиторию слушателей. Лекторий привлекал разносторонней познавательной программой, его посещали рабочие и служащие, инженеры и техники.

Библиотека была на заводе центром воспитательной работы. Организовывали встречи с писателями и поэтами, обсуждали новые произведения литературы.

В цехах создавались библиотечные передвижки, а работники центральной библиотеки были частыми гостями у рабочих, в обеденные перерывы они выступали с беседами о книгах.

Хочется добрым словом вспомнить тех, кто своим скромным и кропотливым трудом вносил вклад в по-

вышение культурного уровня рабочих. Это заведующая библиотекой, вдохновитель всех дел Евгения Ефимовна Троицкая, впоследствии сотрудник библиотеки им. Ленина. Это ее ближайшие помощники и соратники тт. М. А. Фрадкина, Л. С. Золотарева, С. Н. Розина, Т. Т. Бейм.

Слова благодарности я адресую вам, уважаемые работники заводской библиотеки, и вашему отряду активистов.

Октябрь 1977 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Бакун Дмитрий Николаевич, зав. справочно-библиографическим отделом научной библиотеки РГГУ.

- 1 Архив РАН.— Ф. 363.— Оп. 2/126.— Ед. хр. 32.— Л. 91.
 - 2 ГА РФ.— Ф. А-513.— Оп. 1.— Ед. хр. 4.—Л. 4.
 - 3 Там же.— Л.8.
 - 4 Там же.— Л.9.
 - 5 Там же.— Ед. хр. 3.— Л. 1—2.
 - 6 Там же.— Ед. хр. 20.— Л. 36.
 - 7 Там же.— Ед. хр. 14.— Л. 26.
 - 8 Там же.— Л. 12.
 - 9 Там же.— Ед. хр. 6.— Л. 1—2.
 - 10 Там же.— Ед. хр. 10.— Л. 1.
 - 11 Там же.— Ед. хр. 6.—Л. 1.
 - 12 Там же.— Л. 2—3.
 - 13 Там же.— Ед. хр. 10.— Л. 1.
 - 14 Там же.— Ед. хр. 1.— Л. 1—3.

ЛИТЕРАТУРА

Государственный Исторический музей в 1-м полугодии 1934 г.—М., ГИМ, 1934.—С. 26.

Закс А.Б. Из истории Государственного Исторического музея (1917—1941) // Очерки музеиного дела в России. Вып. 2.— М., 1960.— С. 300—379.

Отчет Государственного Исторического музея за 1916—1925 гг.— М., Работник просвещения, 1926.— С. 110.

Розанов И.Н. Как создавалась библиотека при Историческом музее: Исторический очерк.—М., 1987.— С. 36 (машинопись).

Станюкович Л.Б. Московский Исторический музей и его библиотека // Сокровища книги: Юбилейный сборник научных трудов ГПИБ РСФСР.— М., 1987.— Ч. 1.— С. 4—14.

Шапошников Александр Евгеньевич, профессор МГУК, доктор педагогических наук; специалист в области библиотечного обслуживания инвалидов.

- 1 Отчет распорядительного комитета Московского учебно-воспитательного заведения для слепых детей.— М., 1883.— С. 4.
- 2 Московское общество призрения, воспитания и обучения слепых детей. Отчет за 1903 г.— М., 1904.— С. 20.
- 3 Там же.— 1. Исторический очерк (1882—1893). Отчет за 1892 г.— М., 1893.— С. 24.
- 4 Там же.— Отчет за 1913 г.— М., 1914.— С. 8.
- 5 Там же.— Отчет за 1889 г.— М., 1890.— С. 23.
- 6 Там же.— Отчет за 1903 г.— М., 1904.— С. 11.
- 7 Там же.— Отчет за 1904 г.— М., 1905.— С. 10.
- 8 Отчет Московского отделения Попечительства имп. Марии Александровны о слепых за 1895 г.— М., 1896.— С. VIII.
- 9 Там же.— С. XX.
- 10 Там же.— С. XX.
- 11 Там же.
- 12 Там же.— С. 60—61.
- 13 Там же.— За 1896 г.— М., 1897.— С. 19.
- 14 Там же.— За 1915 г.— М., 1916.— С. 28.
- 15 Там же.— С. 29.
- 16 II съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. 1895—1896. Секция XII.— М., 1898.— Отдел 1.— С. 144.
- 17 Марголин Э.И. История обучения слепых.— М., 1940.— С. 68.
- 18 Детская дефективность, преступность и беспризорность: По материалам X Всероссийского съезда 24/VI—2/VII 1920 г.— М., 1922.— С. 8.
- 19 ЦГА РФ.— Ф. 422.— Оп. 1.— Ед. хр. 5.— Л. 42.
- 20 Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно отсталых детей.— М., 1924.— С. 42.
- 21 Детская дефективность, преступность и беспризорность.— М., 1922.— С. 93.

- 22 ЦГА РФ.— Ф. 422.— Оп. 1.— Ед. хр. 174.— Л. 61.
- 23 ГАМО.— Ф. 972.— Оп. 1.— Ед. хр. 187.— Л. 44.
- 24 Там же.— Л. 35.
- 25 Бирючков М.В. Специальные библиотеки для слепых: История возникновения и развития (1917—1936) // Книга и чтение в жизни незрячих.— М., 1991.— С. 11.
- 26 ГАМО.— Ф. 972.— Оп. 1.— Ед. хр. 187.— Л. 35.
- 27 ЦГА РФ.— Ф. 422.— Оп. 1.— Ед. хр. 3.— Л. 22, 25—26.
- 28 Там же.— Ед. хр. 208.— Л. 98.
- 29 Там же.— Л. 99.
- 30 Там же.— Ф. 422.— Оп. 1.— Ед. хр. 367.— Л. 50.
- 31 Там же.— Ф. 2306.— Оп. 69.— Ед. хр. 2233.— Л. 32.
- 32 Там же.— Ф. 422.— Оп. 1.— Ед. хр. 208.— Л. 75.
- 33 См.: Задерман Л.И. Научно-исследовательская работа библиотек для слепых // Сов. библиотековедение.— 1977.— № 5.— С. 50—59; ее же. Основные направления научных исследований в области библиотечного обслуживания незрячих // Библиотечное обслуживание слепых в РСФСР.— М., 1974.— С. 61—72.
- 34 Библиотеки для слепых на службе социально-трудовой реабилитации незрячих.— М., 1982.— 50 с.; Библиотечно-библиографическое обслуживание производственных коллективов.— М., 1982.— 60 с.; Роль специальных библиотек в художественно-эстетическом развитии незрячих.— М., 1984.— 78 с.; Работа с читателями в библиотеках для слепых.— М., 1987.— 56 с.

Колыбина Зинаида Петровна, старший научный сотрудник Государственного историко-литературного музея-заповедника им. А. С. Пушкина.

- 1 ГА РФ.— Ф. 410.— Оп. 1.— Ед. хр. 30.— Л. 330.
- 2 ГА РФ.— Ф. 2306.— Оп. 30.— Ед. хр. 14.— Л. 385 об., 403 об.
- 3 Друганов И.А. Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху // Сov.библиограф.— 1934.— № 1.— С. 51.
- 4 Шевырев С.П. История русской словесности.— М., 1859.— Ч. 1.— С. ХСI; Геннади Г.Н. Указатель библиотек в России.— СПб., 1864.— С. 6; Иконников В.С. Опыт русской историографии.— Киев, 1892.— Т. 1.— Кн. 2.— С. 1137; Иваск У. Г. Част-

- ные библиотеки в России // Русский библиофила.— 1934.— № 2.— С. 77.
- ⁵ Шереметев П.С. Вязёмы.— Пг.— 1916.— С. 214.
- ⁶ ОР РГБ.— Ф. 64.— Карт. 71.— Ед. хр. 14.
- ⁷ Шевырев С.П. Указ. соч.— С. ХСI; Иконников В.С. Указ. соч.— С. 1137; Иваск У.Г. Указ. соч.— С. 77.
- ⁸ Севастьянов А.Н. Книга—читатель—литература (О перспективах системного подхода в литературоведении) // Книга в России XVII — начала XIX в. Проблемы создания и распространения: Сб. науч. тр.— Л., 1989.— С. 162.
- ⁹ Глинка С.Н. Записки Сергея Николаевича Глинки.— СПб., 1895.— С. 250; Шереметев П.С. Указ. соч.— С. 141—143.
- ¹⁰ ОР РГБ.— Ф. 64.— Карт. 71.— Ед. хр. 15.
- ¹¹ Там же.— Карт. 112.— Ед. хр. 37.
- ¹² ЦГАДА.— Ф. 1263.— Оп. 7.— Ед. хр. 129.
- ¹³ Там же.— Л. 119 об.
- ¹⁴ Шевырев С.П. Указ. соч.— С. ХСI—ХСII; Шереметев П.С. Указ. соч.— С. 248—251.

Юрченкова Людмила Васильевна, методист отделов ИНИОН РАН в институтах гуманитарного профиля, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

- ¹ Архив РАН.— Ф. 350.— Оп. 1.— Ед. хр. 1.— Л. 1.
- ² Там же.— Л. 6.
- ³ Там же.— Ф. 363.— Оп. 2/126.— Ед. хр. 7.— Л. 23.
- ⁴ Там же.— Л. 165.
- ⁵ Там же.— Л. 170.
- ⁶ Там же.— Л. 172.
- ⁷ Там же.— Ф. 363.— Оп. 2.— Ед. хр. 9.— Л. 128—129.
- ⁸ Там же.— Оп. 2/126.— Ед. хр. 7.— Л. 88.
- ⁹ Там же.— Л. 43.
- ¹⁰ Там же.— Л. 51.
- ¹¹ Там же.— Л. 127.
- ¹² Там же.— Л. 130.
- ¹³ Там же.— Л. 159.
- ¹⁴ Там же.— Оп. 2.— Ед. хр. 9.— Л. 24.
- ¹⁵ Там же.— Л. 20.
- ¹⁶ Там же.— Л. 4.
- ¹⁷ Там же.— Л. 6.
- ¹⁸ Там же.— Оп. 2/126.— Ед. хр. 7.— Л. 118.

- ¹⁹ Там же.— Л. 166.
- ²⁰ Там же.— Оп. 2.— Ед. хр. 9.— Л. 154.
- ²¹ Там же.— Л. 156.
- ²² Там же.— Л. 6.
- ²³ Там же.— Л. 130.
- ²⁴ Там же.— Л. 147.
- ²⁵ Там же.— Л. 149.
- ²⁶ Там же.— Л. 7, 10.
- ²⁷ Там же.— Л. 181.
- ²⁸ Там же.— Ед. хр. 11.— Л. 21.
- ²⁹ Там же.— Оп. 2/126.— Ед. хр. 7.— Л. 109.
- ³⁰ Там же.— Л. 82.
- ³¹ Там же.— Ед. хр. 32.— Л. 26.
- ³² Там же.— Ф. 350.— Оп. 2.— Ед. хр. 57.— Л. 26.
- ³³ Там же.— Л. 88.
- ³⁴ Там же.— Ф. 363.— Оп. 2/136.— Ед. хр. 33.— Л. 39.
- ³⁵ Там же.— Ед. хр. 1.— Л. 85.
- ³⁶ Там же.— Оп. 2/126.— Ед. хр. 32.— Л. 5.
- ³⁷ Там же.— Л. 34.
- ³⁸ Там же.— Л. 35.
- ³⁹ Там же.— Л. 36.
- ⁴⁰ Там же.— Л. 37.
- ⁴¹ Там же.— Л. 44.
- ⁴² Там же.— Л. 45.
- ⁴³ Там же.— Л. 52.
- ⁴⁴ Там же.— Л. 53.
- ⁴⁵ Там же.— Л. 55.
- ⁴⁶ Там же.— Л. 54.
- ⁴⁷ Там же.— Л. 57.
- ⁴⁸ Там же.— Л. 58.
- ⁴⁹ Там же.— Оп. 4.— Ед. хр. 12.— Л. 11.
- ⁵⁰ Там же.— Л. 16.
- ⁵¹ Там же.— Оп. 3.— Ед. хр. 2.— Л. 2, 3, 5, 7, 12.
- ⁵² Там же.— Оп. 2/126.— Ед. хр. 32.— Л. 60.
- ⁵³ Там же.— Л. 65.
- ⁵⁴ Там же.— Л. 65.
- ⁵⁵ Там же.— Л. 66.
- ⁵⁶ Там же.— Л. 67.
- ⁵⁷ Там же.— Л. 70.
- ⁵⁸ Там же.— Л. 72.
- ⁵⁹ Там же.— Л. 74.
- ⁶⁰ Там же.— Л. 76.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.

⁶³ Там же.—Л. 1.

⁶⁴ Там же.—Л. 2.

⁶⁵ Там же.—Л. 3.

Шрайбер Лазарь Яковлевич, специалист в области краеведческой библиографии.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В СТАТЬЕ

Хавский П.В. Указатель источников истории и географии Москвы с древним ее уездом, расположенный в хронологическом порядке, по княжениям и царствованиям российских государей.—М., Унив. тип., 1839. 8, XII.—367 с.

Забелин И.Е. Предполагаемые задачи предпринятого по решению Московской городской думы историко-археологического описания гор. Москвы.—М., 1861.—С. 19—21.

Бочаров Н. Библиотека и музей Московского губернского статистического комитета за время с 30 окт. 1861 г. по 27 июля 1865 г. Краткий очерк и каталог.—М., Губ. тип., 1867.—XII, 2, 32.—8 с.

Токмаков И.Ф. Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел. Каталог рукописям, относящимся до Москвы, Московской губернии, их церквей и монастырей // Известия Московской городской думы.—1879.—Вып. 15.—С. 78.

Токмаков И.Ф. Указатель материалов для изучения истории, археологии, этнографии и статистики Москвы с ее достопримечательностями (как то: монастырями, церквами, уроцищами и проч.).—М., Тип. М.П. Щепкина и К°, 1880.—Вып. 1—8.

Каталог библиотеки статистического отделения Московской городской управы.—М., Тип. А. Левинсона, 1889.—81 с.

Список книгам и брошюрам, доставленным в библиотеку Московского губернского статистического комитета с 24 мая 1869 г. по Москве и Московской губернии//Мос. губ. ведомости.—Часть неофиц., 1869.—№ 5.—С. 1—2; № 8.—С. 1—2.

Список изданий, поступивших в Центральную научно-справочную библиотеку Московской губернской земской управы за 1 июля 1915 г.—1 янв. 1916 г.—1915.—Вып. 2.

Виноградов Н.П. Указатель изданий, журнальных статей, заметок, рисунков, материалов по истории Москвы и Московской губернии, напечатанных в 1904 г./Гр. комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы

и Московской епархии.—М., 1906.—Т. 3.—Вып. 2.—С. 123—136.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года.—М., 1855.—Ч. 1—2.

Императорское Московское Археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914 гг.)/Под ред. П.С. Уварова и И.Н. Бороздина.—М., 1915. Т. 2. (1. Биогр. словарь членов общества. 2. Список трудов членов общества, помещенных в изданиях общества). XXII.

Дела «Московской цензуры» в царствование Павла I как новые материалы для русской библиографии и словаря русских писателей/Ред. и примеч. В. И. Рогожина.—СПб.—Пг., Тип. Акад. наук, 1902—1922.—Вып. 1—2. Вып. 1. 1797 г. 1902. LX.—106 с.; Вып. 2. 1798 г.—Пг., 1922.

Исторический обзор московской периодики//Моск. гор. листок, 1847.—№ 28—29.

Сборник сведений о частных повременных изданиях, выходящих в С.-Петербурге и Москве (в 1865 г.).—СПб., Тип. Ю.П. Бокрама, 1865.—102 с.

Величко А.Н. Подробный алфавитный указатель распоряжениям, помещенным в «Циркулярах по Московскому учебному округу» с 1862 по 1881 годы.—М., 1881.—143 с.

Розанов И.А. Алфавитный указатель к "Циркулярам по Московскому учебному округу" за 1871—1901 годы.—М., 1902.—220 с.

Степанович Е. Алфавитный указатель к "Циркулярам по Московскому учебному округу" за 1902—1907 годы.—М., 1908.—80 с.

Щепкин М.П. Общий свод всех предметов и вопросов, восходивших в 1863—1892 гг. до рассмотрения Городской думы.

Указатель статей, заметок и извлечений по вопросам городской жизни, помещенных в "Известиях Московской городской думы" с 1877 г. (год основания) по 1909 г.—М., 1909.—116 с.

Указатель статей, заметок и извлечений по вопросам городской жизни, помещенных в общем отделе "Известий Московской городской думы" с 1909 по 1912 г.//Известия Мос. гор. думы.—Прил. к "Общему отделу".—1913.—№ 6—7.

Маслов С.А. Историческое обозрение действий и трудов имп. Московского общества сельского хозяйства со времени

его основания до 1846 года.— М., Унив. тип., 1846.— 454 с.
Библиогр. с. 144—242.— 2-е изд.— М., 1850.

Перепелкин А.П. Библиографический указатель докладов, журнальных статей, брошюр, протоколов заседаний и отчетов, напечатанных Московским обществом сельского хозяйства и его учреждениями с 1850 по 1869 год.— М., 1890.— 274 с.

То же.— с 1 авг. 1894 по 15 марта 1913 г.— М., 1915.— 11 с. Издания Московского имп. общества истории и древностей российских.— М., 1847.— 16 с.

Бартенев П.И. Указатель к повременным изданиям Общества истории и древностей российских при Московском университете за 50 лет. 1815—1865.— М., 1866. (Прил. к «Русскому архиву», 1866.— № 11—12).

Белокуров С.А. Указатель содержания ко всем периодическим изданиям Общества истории и древностей российских при Московском университете за 18 лет. (1865—1883).— М., 1883. 198.— 11 с.

Трутовской В.К. Список изданий Московского археологического общества за 50 лет его деятельности, с указанием их содержания (1864—1915).— М., 1915.— 56 с.

Ивановский А.А. Издания общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете с 15 окт. 1863 г. по 1 авг. 1894 г.: Библиогр. указатель // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1894.— Т. 89.— Вып. 1.— С. 1—60.

Межов В.И. Литература русской географии, этнографии и статистики (1861—1883).— СПб., 1859—1880.— Т. 1—9.

Межов В.И. Русская историческая библиография за 1800—1859 гг. вкл. Т. 1—3.— СПб., Изд. И. М. Сибирякова, 1892—1893.

Указатель к актам археографической экспедиции.— СПб., 1838.— 128 с.

Указатель к актам юридическим.— СПб., 1840.— 61 с.

Указатель к актам историческим.— СПб., 1843.— 218 с.

Соков Петр Сергеевич, профессор кафедры библиотековедения МГУК, кандидат педагогических наук.

ЛИТЕРАТУРА

Городские бесплатные библиотеки-читальни // Нар. образование.— 1911.— № 11—12.— С. 57—58.

Городские библиотеки в Москве и Петрограде // Там же.— С. 7—8.

Городские общедоступные библиотеки-читальни // Там же.— № 1.— С. 34—38.

Городские общедоступные библиотеки-читальни в Москве // Там же.— № 7—8.— С. 50—73.

Общедоступные библиотеки в Москве // Там же.— № 4.— С. 21—31.

К вопросу о нормальной сети общедоступных библиотек в Москве // Там же.— 1912.— № 11—12.— С. 41—55.

Очерк деятельности Центральной библиотеки по народному образованию им. К. Т. Солдатенкова в 1911—1912 гг.// Нар. образование.— 1912.— № 4.— С. 40—41.

Городские библиотеки в Москве и Петрограде // Там же.— 1915.— № 3.

План организации сети городских библиотек в Москве // Там же.— 1917.— № 1.— С. 20—25;

Организация, техника и культурная работа московских городских библиотек.— М., 1915.— 24 с. (Моск. гор. общ. управление); То же.— 2-е изд.— М., 1916.

Терёшин Владимир Иванович, профессор МГУК, кандидат педагогических наук, специалист в области формирования библиотечных фондов, библиотечной педагогики.

¹ Список фабрик и заводов г. Москвы.— М., 1933.— С. 82—90.

² ГИАМО.— Ф. 180.— Оп. 1.— Ед. хр. 102.— Л. 133.

³ Черняк А.Я. История технической книги.— Ч. 1.— М., Книга, 1969.— С. 202.

⁴ Кибрек Р. Опыт работы профсоюзных библиотек.— М., Профиздат, 1938.— С. 3.

⁵ Свет над заставой.— М., Моск.рабочий, 1959.— С. 15.

⁶ Специальные библиотеки Москвы. Справочник.— М.—Л., Соцэкономгиз, 1931.— С. 161—162.

⁷ Вышеградский И.А. Общий нормальный план промышленного просвещения в России // Материалы по техническому и профессиональному образованию.— Вып. 11.— СПб., 1895.— С. 5.

⁸ ГИАМО.— Ф. 180.— Оп. 1.— Ед. хр. 294.— Л. 251.

⁹ Там же.— Ф. 2443.— Оп. 1.— Ед. хр. 69.— Л. 15.

¹⁰ ГА РФ.— Ф. 5451.— Оп. 12.— Ед. хр. 589.— Л. 1—2.

¹¹ ГИАМО.— Ф. 180.— Оп. 2.— Ед. хр. 474.— Л. 47.

¹² Там же.— Оп. 1.— Ед. хр. 294.— Л. 232.

¹³ Там же.— Ф. 2443.— Оп. 1.— Ед. хр. 118.— Л. 16.

- 14 Там же.— Ед. хр. 135.— Л. 1.
- 15 Медынский Е. Читающая рабочая молодежь Москвы // Красный библиотекарь.— 1924.— № 8(11).— С. 43; Горовиц В. Что читает рабочая молодежь// Там же.— 1929.— № 4/6.— С. 39—51.
- 16 История Московского автозавода им. И. А. Лихачева.— М., Мысль, 1966.— С. 169.
- 17 Там же.— С. 191.
- 18 Вагранка /АМО/.— 1929.— 13 апр.; Амовец.— 1931.— 13 фев.
- 19 Вагранка.— 1929.— 17 дек.
- 20 Книга и профсоюзы.— 1929.— № 1.— С. 27—28.
- 21 Сб. материалов конф. культурно-образовательных учреждений Пролетарского района г. Москвы.— М., 1931.— С. 33—34.
- 22 Культурная революция.— 1930.— № 19—20.— С. 33.
- 23 Красный библиотекарь.— 1931.— № 5—6.— С. 39.
- 24 Техническая пропаганда.— 1933.— № 17.— С. 38—40.
- 25 Там же.— 1934.— № 6.— С. 21—23.
- 26 Там же.— С. 26.
- 27 Там же.— 1935.— № 4.— С. 21// Техническая книга.— 1939.— № 2—3.— С. 140—141.
- 28 Техническая пропаганда.— 1934.— № 6.— С. 25.
- 29 Там же.— 1935.— № 4.— С. 21.
- 30 Техническая книга.— 1938.— № 10.— С. 138.

Горбачева Ирина Константиновна (1948—1994), работала библиотекарем в библиотеке № 175.

Энтина Ирина Давыдовна, директор ЦБС № 3 ЦАО.

Самохина Маргарита Михайловна, главный библиотекарь отдела социологии Российской государственной юношеской библиотеки, кандидат социологических наук.

¹ Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. 1872—1972.— М., 1972.— 318 с.

² МГУ 2. Педагогический факультет. Бюро заочного образования. Заочное высшее библиотечное образование. (Проспект).— М., 1929.

³ Педология и детская психология //БЗО при МПИ. Заочные высшие библиотечные курсы.— Год 1. Вып. 71.— М., 1930.— 180 с.

⁴ МГПИ (см. примеч. 1, с. 102).

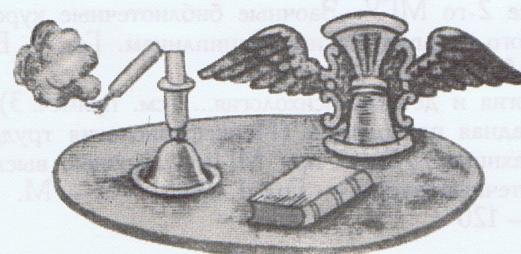
- 5 Заочные высшие библиотечные курсы при педфаке 2-го МГУ. (Положение. Учебный план. Информация).— М., 1929.— 15 с.
- 6 МГПИ. ... тит. л.
- 7 Центральный институт заочного педагогического образования. Информационный бюллетень.— № 1(5).— 1 января 1931 г.— 32 с.
- 8 Там же.— С. 21.
- 9 Элементы общей психологии. (Основные механизмы человеческого поведения) //БЗО при педфаке 2-го МГУ. Заочные библиотечные курсы по психолого-педагогическим дисциплинам.— Год 1. Вып. IV.— М., 1930.— 268 с.
- 10 Естественно-научные предпосылки психологии //БЗО при педфаке 2-го МГУ. Заочные библиотечные курсы по психолого-педагогическим дисциплинам.— Год 1. Вып. III.— М., 1929.— 115 с.
- 11 Предмет и методы современной психологии //БЗО при педфаке 2-го МГУ. Заочные библиотечные курсы по психолого-педагогическим дисциплинам.— Год 1. Вып. 1.— М., 1929.
- 12 Там же.— С. 4.
- 13 Естественно-научные предпосылки психологии... (см. примеч. 10).
- 14 Предмет и методы современной психологии... (см. примеч. 11).
- 15 ЦИЭПО... (см. примеч. 7).
- 16 Там же.— С. 26.
- 17 Там же.— С. 25.
- 18 Предмет и методы современной психологии... (см. примеч. 11).
- 19 ЦИЭПО... (см. примеч. 7.— С. 24).
- 20 Естественно-научные предпосылки психологии... (см. примеч. 10.— 268 с.).
- 21 Элементы общей психологии... (см. примеч. 9).
- 22 Элементы дифференциальной психологии //БЗО при педфаке 2-го МГУ. Заочные библиотечные курсы по психолого-педагогическим дисциплинам. Год 1. Вып. V.— М., 1929.— 86 с.
- 23 Педология и детская психология... (см. примеч. 3).
- 24 Прикладная психология. (Психофизиология труда и психотехника) //БЗО при МПИ. Заочные высшие библиотечные курсы.— Год 1. Вып. VII.— М., 1930.— 120 с.

- 25 Социально неполнодоченное поведение. (Элементы психопатологии, криминологии и патологической педологии) // БЗО при МПИ. Заочные высшие библиотечные курсы.— Год 1. Вып. VIII.— М., 1930.
- 26 Элементы социальной психологии // БЗО при ИПИ. Заочные высшие библиотечные курсы.— Год 1. Вып. IX.— М., 1931.
- 27 Элементы общей психологии... (см. примеч. 9, 268 с.).
- 28 Психология интереса в связи с вопросами книжно-библиотечной работы: Сб. ст. // БЗО при МПИ. Заочные высшие библиотечные курсы.—М., 1931.— 110 с.
- 29 Элементы общей психологии... (см. примеч. 9, 268 с.)
- 30 Невский В.А. НОТ в библиотеке. (125 тем для библиотекарских кружков) // Центр. институт заоч. пед. образ. Заоч. бибвуз.— М., 1931.— 75 с.
- 31 Там же.
- 32 ЦИЭПО... (см. примеч. 7.— С. 17—18).

Троицкая Евгения Ефимовна, известный специалист в области обслуживания читателей. Автор многих публикаций.

Терентьева Ольга Алексеевна, в настоящее время живет в Самаре, куда переехала после войны и где работала заведующей технической библиотекой на ГПЗ-4.

Дмитровский Г.Н., один из читателей-активистов библиотеки ГПЗ-1.

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БЗО —	Бюро заочного образования.
ВОИ —	Всероссийское общество инвалидов.
ВОС —	Всероссийское общество слепых.
ВПТБ —	Всероссийская патентно-техническая библиотека.
ГПБ —	Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина.
ГПЗ-1 —	Первый государственный подшипниковый завод.
ГПИБ —	Государственная публичная историческая библиотека.
ГПНБ —	Государственная публичная научно-техническая библиотека.
ЗИЛ —	завод им. Лихачева.
ИНИОН РАН —	Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук.
ИПКП —	Институт повышения квалификации педагогов.
ИПТИК —	Издательско-полиграфический тифлоинформационный комплекс «Логос».
ИФЛА —	Международная федерация библиотечных ассоциаций и учреждений.
КБ —	кабинет библиотековедения.
НМО —	научно-методический отдел.

НТБ —	научно-техническая библиотека.
НТИ —	научно-техническая информация.
НЧЗ —	научный читальный зал.
ОНО —	отдел народного образования.
ОРБ —	отдел рекомендательной библиографии.
ПТУ —	профессионально-техническое училище.
РГБ —	Российская Государственная библиотека (быв. Румянцевская, потом —ГБЛ).
РГБС —	Российская государственная библиотека для слепых.
РЦБС —	Республиканская центральная библиотека для слепых.
САОН —	социалистическая академия общественных наук.
УПП —	учебно-производственное предприятие.
ЦАО —	Центральный административный округ.
ЦБС —	централизованная библиотечная система.
ЦГБ —	центральная городская библиотека.
ЦИЭПО —	Центральный институт заочного педагогического образования.
ЦНСХБ —	Центральная научная сельскохозяйственная библиотека.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

5

ИСТОРИЯ НЕКОТОРЫХ МОСКОВСКИХ БИБЛИОТЕК

Д. Н. БАКУН

БИБЛИОТЕКА ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ в 1917—1938 гг.

11

А. Е. ШАПОШНИКОВ

БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ СЛЕПЫХ
В МОСКВЕ

26

З. П. КОЛЫБИНА

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА
КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ
В УСАДЬБЕ ВЯЗЁМЫ

54

Л. В. ЮРЧЕНКОВА

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ИИОНа
(1918—1925)

64

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
БИБЛИОТЕК МОСКВЫ

Л. Я. ШРАЙБЕР

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ МОСКВЫ

89

П. С. СОКОВ

А. А. ПОКРОВСКИЙ И ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕК МОСКВЫ

105

В. И. ТЕРЁШИН

О ЗАВОДСКИХ БИБЛИОТЕКАХ РОГОЖСКО-СИМОНОВСКОГО РАЙОНА

109

И. К. ГОРБАЧЕВА
ИЗ ИСТОРИИ
БИБЛИОТЕКИ № 175

122

И. Д. ЭНТИНА

И. Д. ЭНТИНА

ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ
И СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ
БИБЛИОТЕКИ № 36
Ч. А. ДОБРОДЮБОВА

125

М. М. САМОХИНА

ЗАЧНЫЕ ВЫСШИЕ
БИБЛИОТЕЧНЫЕ КУРСЫ
в 1928—1931 гг.

132

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ БИБЛИОТЧНОГО ДЕЛА

Е. Е. ТРОИЦКАЯ

147

О. А. ТЕРЕНТЬЕВА

163

Г. Н. ДМИТРОВСКИЙ

170

ПРИМЕЧАНИЯ

173

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

185

Из истории московских библиотек. Вып. I / Сост. и авт.
предисл. М. Я. Дворкина.—М.: СЛОВО/SLOVO, 1996.—
189 с.: илл.

ISBN 5-85050-132-0

Настоящий сборник открывает серию по истории библиотек и библиотечного дела в России. Он посвящен торжественной дате — 850-летию основания Москвы. Авторы знакомят читателей со страницами истории московских библиотек — Государственной публичной исторической библиотеки, Центральной государственной библиотеки для слепых, первых годах ИНИОНа, заводских, массовых, личных библиотек. Сборник рассчитан на специалистов и всех, кто интересуется историей и культурой своей страны

И 4405000000-142
И Ш 67(03) — 96

ББК 78.33

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКИХ БИБЛИОТЕК

Редактор Е. В. Калмыкова

Художественный редактор В. В. Медведев

Технический редактор Е. С. Потапенкова

Корректор Г. И. Киселева

Подписано в печать 26.08.96.

Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «академическая».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08. Тираж 1000 экз. Заказ № 445

СЛОВО/SLOVO, 109147 Москва, Воронцовская ул., 41

Отпечатано с оригинал-макета в Тульской типографии.
300600 г. Тула, проспект Ленина, 109